

2 (21)

2013

ISSN 1811-7465

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

**ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

**№ 2 (21)
2013**

ISSN 1811-7465

Журнал основан в 1997 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
А.Н. Багашев

Редакционный совет:
акад. В.И. Молодин (председатель),
чл.-кор. РАН А.П. Бужилова, С.В. Васильев, В.Н. Логвин, Н.А. Миненко,
О.М. Рындина, Н.А. Томилов, Т.Н. Троицкая, Л.А. Чиндина,
Ю.К. Чистов, Л.Т. Яблонский

Редакционная коллегия:
А.Д. Дегтярева (зам. главного редактора), В.А. Зах, В.П. Ключева,
Н.А. Лискевич (ответственный секретарь), Д.В. Московченко,
Н.Е. Рябогина, А.А. Ткачев

Утвержден к печати ученым советом Института проблем освоения Севера СО РАН

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и СМК
Свидетельство № 044577 от 09.03.2004

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 22-93-60, E-mail: ipos@tmn.ru

*Электронная версия журнала (ЭЛ № ФС 77-32570; гос. регистрация № 0421100085; ISSN 2071-0437 (online)) —
режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус.*

© Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2013

Тюмень
Издательство ИПОС СО РАН

Содержание

Археология

Сериков Ю.Б. Необычное коллективное погребение эпохи неолита в Кумышанской пещере (Средний Урал)	4
Волков Е.Н. Неолитический комплекс поселения Курья 1	11
Зах В.А. К понятию «переходный период» в археологии Западной Сибири	20
Костомаров В.М. Материалы поселения Ук XIV (Ук 6) в контексте изучения разновременных традиций древнего населения Приоболья	28
Берсенева Н.А., Гильмитдинова А.Х. Детские погребения ранних кочевников Южного Урала (IV–II вв. до н.э.)	36
Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские поселения таежного Приобья	45

Антропология

Ражев Д.И. Травмы черепов средневекового населения Западной Сибири: распространение, структура, интерпретации	56
Казарницкий А.А. Краниология населения бабинской культуры	70

Этнология

Тихонов С.С. Река Демьянка на картах С.У. Ремезова и этнографо-археологические исследования	79
Шайдунов В.Н. О некоторых особенностях формирования и экономического развития польской общины Западной Сибири XIX — начала XX в.	88
Волжанина Е.А. Пути перехода с кочевого на оседлый образ жизни и обратно на Ямале в первой трети 30-х гг. XX в.	98
Машарипова А.Х. Коми переселенцы в Тарском уезде Тобольской губернии в конце XIX — начале XX в.	105
Селезнев А.Г. Исламские культовые комплексы астана в Сибири как иеротопии: сакральные пространства и религиозная идентичность	111
Ожередов Ю.И. «Ведийские ритуалы» у народов Северо-Западной Сибири: погребальная посуда	120

Рецензии

Кокшаров С.Ф. Факты, комментарии, интерпретации. Рецензия на издание: Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Коллективная монография. — Екатеринбург: изд-во «Уральский рабочий», 2011. — 192 с., с ил.	133
Вниманию авторов	150
Список сокращений	153

На передней стороне обложки: п. Яр-Сале, общий вид. Ямальский р-н. 1935 г. (из фондов Музейно-выставочного комплекса им И.С. Шемановского. Альбом И.И. Желтовского); подготовка к кастаню. Ярсалинская тундра (фото Е.А. Волжаниной); наконечник стрелы, камень, поселение Ук XIV (Заводоуковский р-н Тюменской обл.).

Contents

Archaeology

Serikov Yu.B. An unusual collective Neolithic burial in the Kumysh cave (Middle Urals)	4
Volkov Ye.N. A Neolithic complex of Kurja 1 settlement	11
Zakh V.A. On the notion of «transitional period» in the archaeology of West Siberia	20
Kostomarov V.M. Materials regarding settlement of Uk XIV (Uk 6) in the context of studying heterochronous traditions of ancient population of the Low Tobol basin	28
Bersenyeva N.A., Gilmitdinova A.Kh. Children's burials of early nomads from South Urals (IV–II cc. B.C.)	36
Borzunov V.A., Chemyakin Yu.P. Karym settlements of taiga Low Ob basin	45

Anthropology

Razhev D.I. Crania traumas with medieval population of West Siberia: expansion, structure, interpretations	56
Kazarnitsky A.A. Craniology with population of the Babino culture	70

Ethnology

Tikhonov S.S. The Demyanka river on maps by S.U. Remezov and ethno-archaeological investigations	79
Shaidurov V.N. On certain features of formation and economic development of a Polish community from West Siberia in XIX — early XX c.	88
Vollzhanina Ye.A. Ways of transition from settled to nomadic life and vice versa at Yamal in 1930s	98
Masharipova A.Kh. Komi migrants in Tara Uyezd of Tobolsk province in the late XIX — early XX century	105
Seleznev A.G. Islamic Siberian cult complexes of astana as hierotopy: sacral spaces and religious identity	111
Ozheredov Yu.I. «The Vedic rituals» with peoples of West Siberia: posthumous dishes	120

Review

Koksharov S.F. Facts, comments, interpretations. A reviewed edition «Satyga XVI: Seimo-Turbino burial place in taiga zone of West Siberia» / Collective monograph. — Yekaterinburg: «Urals Worker» Publishing House 2011. — 192 p., with ill.	133
Memo to the Authors	150
Abbreviations	153

АРХЕОЛОГИЯ

НЕОБЫЧНОЕ КОЛЛЕКТИВНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ЭПОХИ НЕОЛИТА В КУМЫШАНСКОЙ ПЕЩЕРЕ (СРЕДНИЙ УРАЛ)

Ю.Б. Сериков

Представлены материалы неолитического коллективного погребального комплекса. Он состоял из захоронений трех женщин, двух новорожденных и двух плодов. Детские останки находились в каменном ящике, располагавшемся в центре могилы. В изголовье могилы была положена чаша из черепной крышки годовалого ребенка, заполненная охрой. Большой интерес представляет присутствие в погребальном инвентаре подвески из офита в виде лица человека и костей бизона и мамонта.

Погребальный обряд, чаша из свода черепа, вторичное использование древних артефактов и находок.

Пещера находится на правом берегу р. Кумыш, левого притока Чусовой, в 300 м от места ее впадения в Чусовую (Лысьвенский р-н Пермского края). По обоим берегам реки друг против друга возвышаются две узкие каменные скалы в виде своеобразных ребер высотой 15–17 м. В правой скале и расположена пещера. Ее высота над уровнем реки — всего 4 м. Пещера представляет собой щель длиной до 9 м, шириной 2 м и высотой до 5 м. Вход экспонирован на север с небольшим отклонением к западу. Площадки перед пещерой нет, ее пол, ровный, слегка наклоненный к выходу, сразу за капельной линией почти отвесно обрывается к реке. Солнце в пещере практически не бывает, только вечером в течение получаса освещается полметра привходового пространства. Несмотря на это, пещера сухая.

Раскопками 1998–2000 гг. вскрыта вся площадь пещеры (около 17 м²). Как показали раскопки, у ее стен расположены карнизы шириной 0,5–0,6 м. Они имеют ровную поверхность и тянутся вдоль стен на 6,6 м. Между карнизами вдоль продольной оси пещеры по ее центру находится расселина. Возле входа ее ширина около 0,3 м, а в глубине пещеры расширяется до 0,6 м. Южная часть пещеры без карнизов выглядит своеобразной камерой.

Стратиграфия пещерных отложений следующая. Под тонкой прослойкой черного гумусированного слоя толщиной 2–4 см (у входа — до 40 см) идет черный пылевидный слой, насыщенный мелкой щебенкой и содержащий культурные остатки голоценового времени. Мощность этого слоя 0,3 м, ближе к выходу она возрастает до 0,4 м (в расселине). Под черным слоем идет слой коричневого. Ближе к выходу он супесчаный, в глубине пещеры — более глинистый. Ниже он плавно переходит в плотную коричневую глину плейстоценового возраста. Мощность глины однородна по всей площади пещеры и составляет 0,4–0,5 м. В расселине ее мощность доходит до 1 м [Сериков, 2009, с. 135–136].

В южной камере плейстоценовая коричневая глина полностью отсутствует. Ее заменяет светло-коричневая иловатая глина, находки в которой были единичны. Возможно, со дна камеры в какое-то время бил вынырок — своеобразный карстовый источник. Именно с такого вынырка и берет начало р. Кумыш. Это могло бы объяснить и иловатую глину, и размытое погребение, и вертикальное расположение в камере находок.

Раскопки выявили культурные остатки практически всех археологических эпох от палеолита до средневековья. Коллекция находок составила около 2900 экз.

В палеолитическом слое пещеры обнаружен своеобразный демонстрационный комплекс в виде вертикально поставленного и обложенного камнями черепа дикой лошади. Рядом с ним находилась нижняя челюсть мамонтенка с зубом носорога внутри. По кости мамонта слой датируется 12 430±260 лет (СОАН-4846) [Сериков, 2001б].

Культовые комплексы мезолита, неолита и энеолита представлены единичными находками. К мезолиту относятся несколько наконечников стрел: костяной игловидный, каменный треугольный вытянутый и низкая асимметричная трапеция с боковой выемкой. От эпохи неолита сохранились единичные фрагменты керамики, костяной биконический наконечник стрелы с цир-

Необычное коллективное погребение эпохи неолита в Кумышанской пещере (Средний Урал)...

культурным орнаментом и каменный наконечник иволистной формы. С эпохой энеолита связаны обломки трех сосудов, четыре каменных наконечника стрелы и обломок костяного гарпуна.

Самый крупный комплекс находок датируется бронзовым веком. Все находки относятся к поздним его этапам и представлены материалами как восточного (черкаскульская и межовская культуры), так и западного (ерзовская культура) склонов Урала. Комплекс керамики ерзовского типа состоит как минимум из 20 сосудов. Коллекция каменных изделий включает наконечник дротика, восемь наконечников стрел в виде широких треугольников с ровным или слегка вогнутым основанием, семь скребков так называемого балакинского типа, пять скребел, 22 скребка на отщепках, три острия, два ножа и др.

Также значительны материалы железного века и средневековья. Железный век представлен керамикой ананьинской и кашинской культур. Причем к кашинскому типу относятся фрагменты по меньшей мере 30 сосудов. Средневековый комплекс также состоит из материалов двух культур — петрогромской и ломоватовской.

Из каменных и костяных изделий к этому времени можно отнести пять кресальных кремней, «карандаш» — кусочек магнетита для получения минеральной краски, шесть костяных наконечников стрел, два гарпуна, пять острий, нож из расколотой кости крупного копытного животного длиной 22,7 см и свисток из бедренной кости куницы. Металлические изделия представлены железным наконечником стрелы и фигурным медным огнивом. Большой интерес вызывают природные гальки зооморфных очертаний — 43 экз. [Сериков, 2001а, с. 61–63].

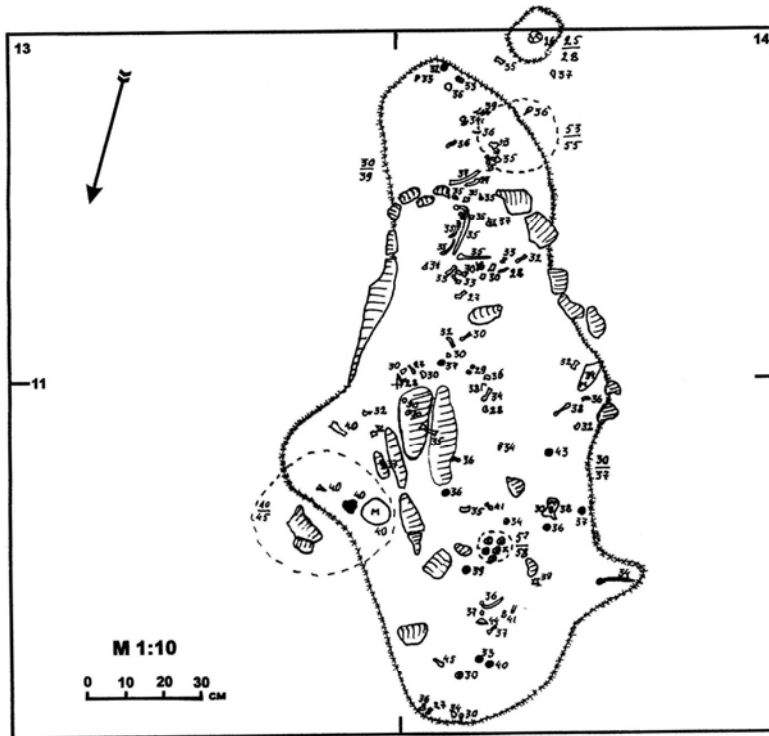
При раскопках южной половины пещеры в 2000 г. было выявлено необычное коллективное неолитическое погребение. Сразу нужно отметить, что южная часть пещеры оказалась отгорожена окатанной каменной глыбой длиной 1,4 м и шириной 0,7 м. Поскольку пещера трещиновато-карстового происхождения, камни в ней имеют плоскую форму и заостренные края, так как все они упали с продолжающейся развиваться трещины на потолке пещеры. Размеры и форма глыбы явно свидетельствуют, что она не могла упасть с потолка, следовательно, валун притащили в пещеру намеренно. Возможно, это было сделано специально, чтобы создать для погребения особую камеру.

Погребение отдельными пятнами охры проявилось с глубины 30 см. Через 5 см эти пятна слились в двухметровое охряное пятно овальной формы шириной от 40 до 60 см. Мощность этого пятна не превышала 9 см. Следует отметить, что погребение было совершено в верхней части плейстоценовой глины. С западной и восточной стороны центральное охряное пятно имело боковые выступы (рис. 1). В 20 см к югу от основного пятна (вглубь пещеры) на глубине 25–28 см зафиксировано еще одно пятно охры, в центре которого обнаружена распавшаяся по швам черепная крышка годовалого младенца. Внутри крышки находился комок охры. Повидимому, эта черепная крышка служила своеобразной чашей для хранения минеральной краски. Поскольку швы на черепе у годовалого ребенка еще не заросли, черепная крышка, для того чтобы использоваться в качестве чаши, должна была иметь какую-то скрепляющую основу. Можно предположить, что такой основой была кожа головы. То есть, черепную крышку удалили с головы ребенка вместе со скальпом.

Использование человеческих черепов для изготовления необычных ритуальных предметов известно с эпохи неолита. Из костей черепа делали ритуальные чаши, украшения-амулеты и погребальные маски [Сериков, 2008]. На Урале такие находки крайне редки и кроме Кумышанской пещеры пока встречены только на одном памятнике. На святилище Южный шихан, расположенном на Шайтанском озере, под каменной плитой была найдена чаша из свода человеческого черепа. Особенностью чаши являются необычно толстые кости черепа, который, по мнению антропологов, принадлежал большому человеку. Ниже чаши между двумя валунами находился раздавленный череп женщины с остатками налобной повязки и медными украшениями. Данный жертвенный комплекс датируется ранним железным веком и относится к иткульской культуре [Сериков, 2011б, с. 41]. В других регионах находки чаш из человеческого черепа более часты. Большой частью они происходят с территории Украины, где относятся к разным культурам поздней бронзы — раннего железа [Кузнецова, 1993, с. 73–77].

При вскрытии центрального охряного пятна в его нижней части обнаружены остатки каменного ящика в виде поставленных на ребро камней. Размеры ящика — примерно 40×40 см. Именно внутри этого ящика и были сконцентрированы кости четырех детей (двух новорожденных — возможно, выкидышей последнего месяца беременности — и двух плодов 7–9 месяцев). Из их костей сохранились фрагменты черепов, таз, ребра, берцовые, бедренные, плечевые и

лучевые кости. Кроме детей в погребении зафиксированы кости трех взрослых индивидуумов, по-видимому женщин: взрослой старше 35 лет, еще одной взрослой и молодой возрастом от 20 до 25 лет. Кости женщин представлены фрагментами черепов, отдельными зубами, ребрами, коленными чашечками, фалангами, метаподиями рук и ног, пяточными костями (определения выполнены Д.И. Ражевым). Всего сохранилось около сотни костей. Следует отметить, что у выхода из пещеры (примерно в 5 м от погребения) было найдено три человеческих ребра, что свидетельствует о мощности водного потока, размывшего погребение. К сожалению, перед пещерой отсутствует площадка, где могли бы задерживаться смытые из пещеры находки. Выход из пещеры сразу за скалой заканчивается 4-метровым обрывом в реку. В пределах центрального охряного пятна в отдельных местах сохранились остатки растительных волокон, возможно, от перекрытия погребения. Под южной оконечностью центрального пятна на глубине 53–55 см открылось пятно охры диаметром около 25 см. Находок в нем не было.

Условные обозначения:

13 - номер квадрата	● - грузило
●34 - глубина залегания находки	● - керамика
○ - границы охряных пятен	× - отщеп
○ - ямка с охрой	Ⓜ - кость бизона
⊙34 - каменная подвеска	⊙ - зуб человека
▭ - каменные изделия	⌒ - кости человека
⚔ - костяное острие	⊗ - мелкая кость

Рис. 1. Кумышанская пещера. План погребения

Ближе к северному концу также под погребением на глубине 52–58 см в небольшом пятнышке охры обнаружены отщеп, зуб животного и мелкодробленые кости. Уже ниже центрального пятна в районе восточного выступа зафиксирована заполненная охрой ямка диаметром около 35 см. В ней находились два простых камня, рыболовное грузило из гальки (рис. 2, 5) и лок-

Необычное коллективное погребение эпохи неолита в Кумышанской пещере (Средний Урал)...

тевая кость бизона. В западном выступе центрального охряного пятна найдено острие, изготовленное из грифельной кости лося (рис. 2, 2). Кроме того, к погребению можно отнести каменную подвеску, нож из плитки кремня, фрагмент керамики и обломок кости мамонта. Все находки были густо облеплены охрой, что доказывает их связь с погребением. Следует отметить, что в этой части пещеры обнаружены и другие окрашенные охрой предметы (фрагменты керамики, кости мамонта и носорога), но к погребальному комплексу были отнесены только достоверно связанные с ним находки.

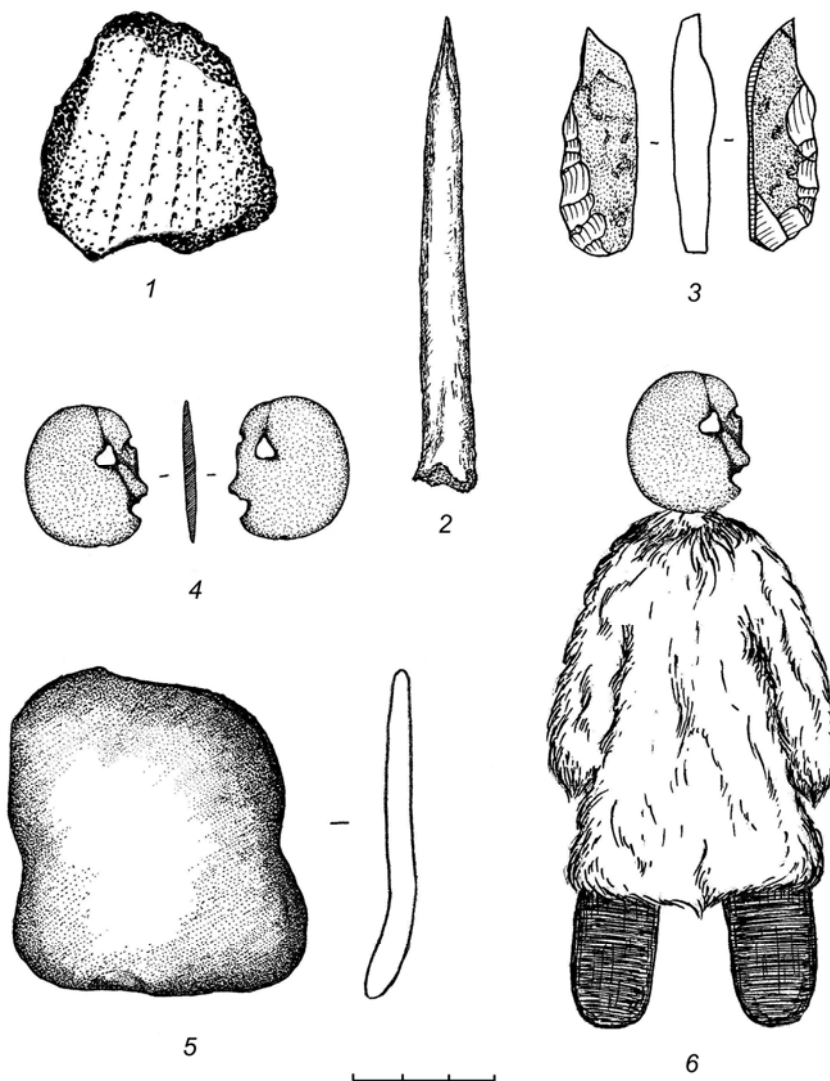

Рис. 2. Кумышанская пещера. Комплекс находок из погребения:
1 — фрагмент керамики; 2 — костяное острие; 3 — каменный нож; 4 — подвеска из офита; 5 — рыболовное грузило;
6 — реконструкция украшения: 1 — глина; 2 — кость; 3–5 — камень

Фрагмент керамики был найден в районе каменного ящика. Происходит от придонной части сосуда толщиной 0,8–0,9 см. Сильно окрашен охрой. Орнаментирован длинными оттисками гребенчатого штампа (рис. 2, 1). В тесте сосуда — примесь толченой раковины. Подобная керамика характерна для прикамского неолита. От этого сосуда в коллекции выявлено еще 5 фрагментов стенок с гребенчатым орнаментом. Два из них окрашены охрой. Толщина фрагментов от 0,6 до 1 см.

Острие из западного выступа имеет длину 10,2 см, изготовлено из грифельной кости северного оленя. Его кончик тщательно оструган, имеет сильное залощение (рис. 2, 2). Головка грифельной кости отломана.

Сломанный нож из плитки коричневого кремня залегал в южной части погребения. Сильно окрашен охрой. Длина обломка — 4,7 см, ширина — 1,5 см, толщина — до 0,9 см. Лезвие ножа с двух сторон обработано уплощающей ретушью (рис. 2, 3).

Рыболовное грузило изготовлено из плоской гальки размером 6х6,5 см. Сильно окрашено охрой. С двух краев присутствуют хорошо выраженные выемки для привязывания. Еще с одного края выемка только намечена (рис. 2, 5).

Локтевая кость бизона заметно окрашена охрой. Ее размеры 5,1х8,7х10 см.

Обломок кости мамонта происходит из западной части погребения. Сильно окрашен охрой. Выпуклая поверхность кости сильно залощена. Размеры обломка: длина — 13, см, ширина — 6,3 см, толщина — 2,2 см.

Поскольку погребение совершено в верхней части плейстоценовой глины, можно допустить, что плейстоценовые кости оказались в могиле при расчистке места под погребение. Но локтевая кость бизона не могла попасть в ямку случайно. Все предметы в ямке залегали на одной глубине и составляют единый комплекс. Скорее всего, в данном случае можно предполагать факт вторичного использования древних костей [Сериков, 2011а]. Этнографы отмечают, что у всех северных народов было распространено мнение о том, что древние предметы обладают высоким сакральным статусом [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 109, 140, 162]. С учетом сверхъестественной силы таких необычных предметов, они могли использоваться только людьми высокого сакрального статуса (шаманами) и только для особо важных ритуальных целей. Например, могли участвовать в обрядах перехода и служить инструментами для соединения двух миров [Байбурин, 1989, с. 81]. По представлениям древних, вещь, найденная в земле, уже побывала в мире мертвых, вследствие чего ее сакральная сила неизмеримо возросла. Именно поэтому подобные предметы могли с успехом использоваться для установления символических контактов с иным миром. Не исключено, что одной из причин ограбления могил в древности как раз и было стремление завладеть предметами, которые уже побывали в мире мертвых [Худяков, 2000, с. 43].

Находки костей вымерших животных известны в целом ряде погребений разных эпох и территорий [Сериков, Серикова, 2004, с. 168–172]. Кость бизона лежала у большой берцовой кости в 21-м погребении неолитического могильника Братский Камень (Прибайкалье) [Окладников, 1976, с. 145]. В энеолитическом погребении № 5 Усть-Удинского могильника находился зуб шерстистого носорога [Окладников, 1975, с. 157–158]. Еще в двух энеолитических погребениях Мурзихинского II могильника (Татарстан) выявлены зуб бизона и обломок зуба шерстистого носорога [Чижевский, 2008, с. 367]. В могильнике бронзового века Урефты на Южном Урале, на дне могильной ямы, была найдена плечевая кость носорога. Необычно крупная тазовая кость шерстистого носорога обнаружена в погребении с коллективным захоронением раннего железного века в могильнике Хоорлуг-Оймак (на юге Тувы) [Худяков, 2000, с. 43]. Уникальная находка — антропоморфное изображение лица-маски — сделана в одном из погребений бронзового века могильника Шумилиха. Маска изготовлена из нижней части шейного позвонка шерстистого носорога. В этом же погребении обнаружены наваршие «жезла» в виде головы лося, изготовленное из кости носорога [Горюнова, 2002, с. 9; рис. 6, 1]. Любопытно отметить, что маска находилась в погребении, совершенном в скорченно-сидячем положении. А нестандартная поза погребения (в том числе подобная) является одним из важнейших признаков высокого социального статуса умершего [Сериков, 2003, с. 148].

Подвеска из темно-зеленого офита найдена в северной части охряного пятна. Она тщательно отшлифована с двух сторон. Ее высота 3 см, ширина 2,5 см. Подвеска изображает лицо человека. Техникou высверливания подчеркнуты лоб, нос и подбородок. На месте глаза находится просверленное отверстие (рис. 2, 4). В плане оно имеет форму не круга, а треугольника с закругленными вершинами. Поскольку офит материал мягкий, ремешок, на котором крепилась подвеска, проточил его и превратил отверстие из круглого в подтреугольное. Проточенность в виде слабо выраженных канавок на обеих плоскостях подвески наблюдается и выше отверстия. Все это свидетельствует о долгом ношении подвески на ремешке. Однако если ее подвесить на ниточку, то линия нитки не совпадет с направлением проточенного углубления. На лицевой поверхности подвески присутствуют и другие проточенные канавки, которые идут от отверстия к носу, подбородку и лбу. Образовались эти потертости при ношении подвески от трения с пропущенными через глаз (отверстие) к носу, подбородку и лбу нитями. Проточенности на оборотной стороне подвески отсутствуют. Это свидетельствует о том, что подвеска была пришта к

Необычное коллективное погребение эпохи неолита в Кумышанской пещере (Средний Урал)...

какой-то основе и нити не соприкасались непосредственно с оборотной стороной подвески. По всей видимости, «лицо» пришили к контуру человеческого тела, вырезанному из бересты или, скорее, кожи. Для проверки предположения подвеска была пришта к контурной фигурке человека длиной 13 см, вырезанной из кожи (рис. 2, б). При контрольном подвешивании проточенные канавки, идущие выше отверстия, совпали с линией натяжения нити. Это доказывает правильность нашего предположения [Сериков, 2002, с. 139–140].

Подобная подвеска в виде лица человека известна на Южном Урале, на поселении Муллино III. Она крупнее публикуемой, ее высота 4 см, ширина 3,6 см. На подвеске также подчеркнуты лоб, нос, подбородок. Кроме этого пропилом показан разрез рта. В верхней части подвески (но не на месте глаза) просверлено отверстие для подвешивания. Предполагаемая дата муллинской подвески — эпоха энеолита [Матюшин, 1982, с. 56; рис. 14, 8].

Определяя сакральное назначение фигурки с каменным «лицом», можно предположить, что, возможно, она служила итермой — вместилищем души предка. Этим предком мог быть и шаман. У юкагиров, например, череп умершего шамана приставляли к изображавшей его деревянной фигуре и покрывали шапкой. К лицевой части черепа прикрепляли маску с отверстиями для глаз и рта. Фигуру облачали в одежды и сажали ее в переднем углу жилища [Иванов, 1970, с. 244].

Также в погребении найдено множество кусочков железистых соединений, из которых и получали краску. Размер кусочков охры колебался от 0,6 см в поперечнике до 1,6×2,6 см.

По человеческим костям погребение получило радиоуглеродную дату 4635±85 (СОАН-5155). Калиброванное значение (2σ, 95,4 % вероятности) — 3622–3108 Cal BC [Сериков, 2004, с. 56–57]. Дата вполне согласуется с датировкой по погребальному инвентарю, в частности — по керамике. Следовательно, погребение можно отнести к позднему неолиту.

Таким образом, данное погребение является единственным на Урале коллективным захоронением позднего неолита. Оно необычно как по содержанию (3 женщины и 4 ребенка), так и по структуре (чаша из человеческого черепа, боковые ямки, каменный ящик). Необычен и погребальный инвентарь — подвеска в виде лица человека и кости плейстоценовых животных. Несмотря на плохую сохранность погребения полученные материалы еще раз подчеркивают индивидуальность и разнообразие погребальных обрядов в каменном веке Урала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Байбурин А. К.* Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 63–88.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.* Религия народа манси. Культурные места (XIX — начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1986. 192 с.
- Горюнова О.И.* Древние могильники Прибайкалья (неолит — бронзовый век). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2002. 84 с.
- Иванов С.В.* Скульптура народов Сибири. Л., 1970. 296 с.
- Кузнецова Т.М.* Потѣриов Скифского логоса Геродота // Петерб. археол. вестн. СПб.: Фарн, 1993. № 4. С. 73–80.
- Матюшин Г.Н.* Поселение Муллино III в Приуралье // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982. С. 36–64.
- Окладников А.П.* Неолитические памятники Средней Ангары. Новосибирск: Наука, 1975. 320 с.
- Окладников А.П.* Неолитические памятники Нижней Ангары. Новосибирск: Наука, 1976. 328 с.
- Сериков Ю.Б.* Культурные комплексы р. Чусовой // Археология и этнография Среднего Приуралья. Бerezники: Издат. дом «Типография купца Тарасова», 2001а. Вып. 1. С. 50–64.
- Сериков Ю.Б.* Палеолитическое святилище на р. Чусовой (первые результаты исследований) // Проблемы первобытной культуры. Уфа: Гилем, 2001б. С. 106–112.
- Сериков Ю.Б.* Произведения первобытного искусства с восточного склона Урала // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. Вып. 24. С. 127–150.
- Сериков Ю.Б.* Шаманские погребения каменного века // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 2003. С. 141–164.
- Сериков Ю.Б.* Культурные пещеры р. Чусовой // Культурные памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 38–62.
- Сериков Ю.Б.* Изделия из костей человека в обрядах и ритуалах древности // История и практика археологических исследований: Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 150-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР, проф. А.А. Спицына. СПб.: Издат. дом СПбГУ, 2008. С. 354–357.
- Сериков Ю.Б.* Пещерные святилища реки Чусовой. Ниж. Тагил: НТГСПА, 2009. 368 с.

Ю.Б. Сериков

Сериков Ю.Б. К вопросу о вторичном использовании изделий предшествующих эпох // Твер. археол. сб. Вып. 8. Т. 1: Материалы IV Твер. археол. конф. и 12-го заседания науч.-метод. семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь: Триада, 2011а. С. 289–295.

Сериков Ю.Б. Скальные святилища западного берега Шайтанского озера // АВ ORIGINE: Археолого-этногр. сб. ТюмГУ. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2011б. Вып. 3. С. 33–50.

Сериков Ю.Б., Серикова А.Ю. Мамонт в мифах, этнографии и археологии голоцена // РА. 2004. № 2. С. 168–172.

Чижевский А.А. Погребения эпохи энеолита Мурзихинского II могильника // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. М., 2008. Т. 1. С. 367–371.

Худяков Ю.С. Использование костей плейстоценовых животных населением Саяно-Алтая в древности и средневековье и задачи охраны памятников палеонтологии // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. 11. С. 43–44.

*Нижнетагильская государственная
социально-педагогическая академия
u.b.serikov@mail.ru*

The article presents materials of a Neolithic collective burial complex, containing burials of three women, two newborn babies, and two fetuses. The children's remains stayed in a stone box in the centre of the grave. At the head of the grave there was a cup made of a one year old child's calvaria, filled with ochre. Of a considerable interest being a pendant made of ophite in the form of a human face as well as bison and mammoth bones in the burial inventory.

Burial rite, a cup made of calvaria, secondary use of ancient artifacts and findings.

НЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ КУРЬЯ 1

Е.Н. Волков

Рассматриваются материалы эпохи неолита, происходящие с площади многослойного поселения Курья 1, расположенного в Тюменском Притоболье. Удалось установить, что неолитический комплекс поселения представлен материалами боборыкинской и полуденской культур. Особенности стратиграфии объекта позволяют выдвинуть гипотезу о более раннем возрасте боборыкинского поселка относительно полуденского. Имеющиеся данные не противоречат предположению о боборыкинской культурной принадлежности жилищ 1 и 2, исследованных на памятнике.

Керамика, жилище, полуденская культура, боборыкинская культура, козловская культура, неолит, орнаментальная традиция, Притоболье, хронология, Курья 1, поселение.

Поселение Курья 1 расположено в Тюменском районе Тюменской области на западном берегу оз. Курья. Памятник открыт в 2004 г. экспедицией ИПОС СО РАН. Поселение приурочено к невысокой террасе озера. Подробные сведения о расположении памятника, особенностях культурного слоя и сооружениях, выявленных при его раскопках, были приведены в публикации, посвященной энеолитическому комплексу поселения [Волков, 2010].

В настоящей работе рассматриваются материалы эпохи неолита, полученные при раскопках памятника. При раскопках установлено, что с неолитическим временем связано формирование слоев серой, серой мешаной и светло-серой супеси [Там же]. Также было сделано обоснованное предположение, что с данным временем соотносится функционирование сооружения 1, жилищ 1 и 2 [Там же].

Неолитический комплекс включает керамические выборки, сопоставимые с материалами боборыкинских, козловских и полуденских древностей.

Наиболее репрезентативным в коллекции является боборыкинский комплекс. Он представлен венчиками, стенками и днищами посуды. Керамика толстостенная, средняя толщина стенок варьируется в пределах 0,7–0,9 см. В составе теста большинства сосудов визуальнo фиксируются песок, органика и шамот. Из 92 венчиков 71 имеют прямую ровную кромку (рис. 1, 1–5, 7, 8, 10, 12–14), 21 — волнистую (рис. 1, 6, 9, 11). Все днища (11 экз.) плоские. У основания семи днищ фиксируется уступчик, четыре не имеют данного признака. Часть сосудов слабо профилированные. В статистическую выборку включены 94 наиболее информативных фрагмента керамики, большинство из которых венчики. К серии были привлечены и несколько наиболее крупных стенок.

На основании ведущей манеры нанесения декора выделено несколько самостоятельных групп посуды. Наиболее многочисленна неорнаментированная керамика — 33 экз. (35,1 %) (рис. 1, 9, 11). Далее в порядке убывания следуют сосуды с доминированием орнаментации: прочерченной — 27 экз. (28,7 %) (рис. 1, 1, 2, 4, 7, 10, 12, 14), отступающе-накольчатой — 17 экз. (18,1 %) (рис. 1, 3, 5, 8), накольчатой — 11 экз. (11,7 %) (рис. 1, 13), ямочно-накольчатой — 3 экз. (3,2 %) (рис. 1, 6), прочерченно-накольчатой — 2 экз. (2,1 %). Один венчик, особенности которого сопоставимы с боборыкинской традицией, украшен в печатно-ребенчатой манере — 1,06 % (рис. 2, 14). Деление комплекса на группы не полностью соответствует статистическим показателям, отражающим применение той или иной манеры нанесения декора. Так, накольчатая орнаментация, представленная разреженными отпечатками палочки либо насечками, отмечается на большинстве сосудов — 64,8 %, однако чаще всего носит подчиненный характер по отношению к другим видам орнамента (рис. 1, 4, 7, 11, 12, 14). Нередко данные узоры фиксируются при гофрировке венчика либо на внутренней стороне сосуда. В этих случаях сосуд относился к группе с ведущей орнаментацией прочерченной, отступающей и др. Довольно часто отмечается единичный ряд наколов или насечек на краю венчика, его внутренней стороне либо срезе. Других элементов и композиций не фиксировалось. Подобная керамика относилась к неорнаментированной. На небольшом количестве сосудов — 2,1 % примерно в равных пропорциях сочетается прочерченная и накольчатая техника, в связи с чем была выделена особая, прочерченно-накольчатая группа керамики.

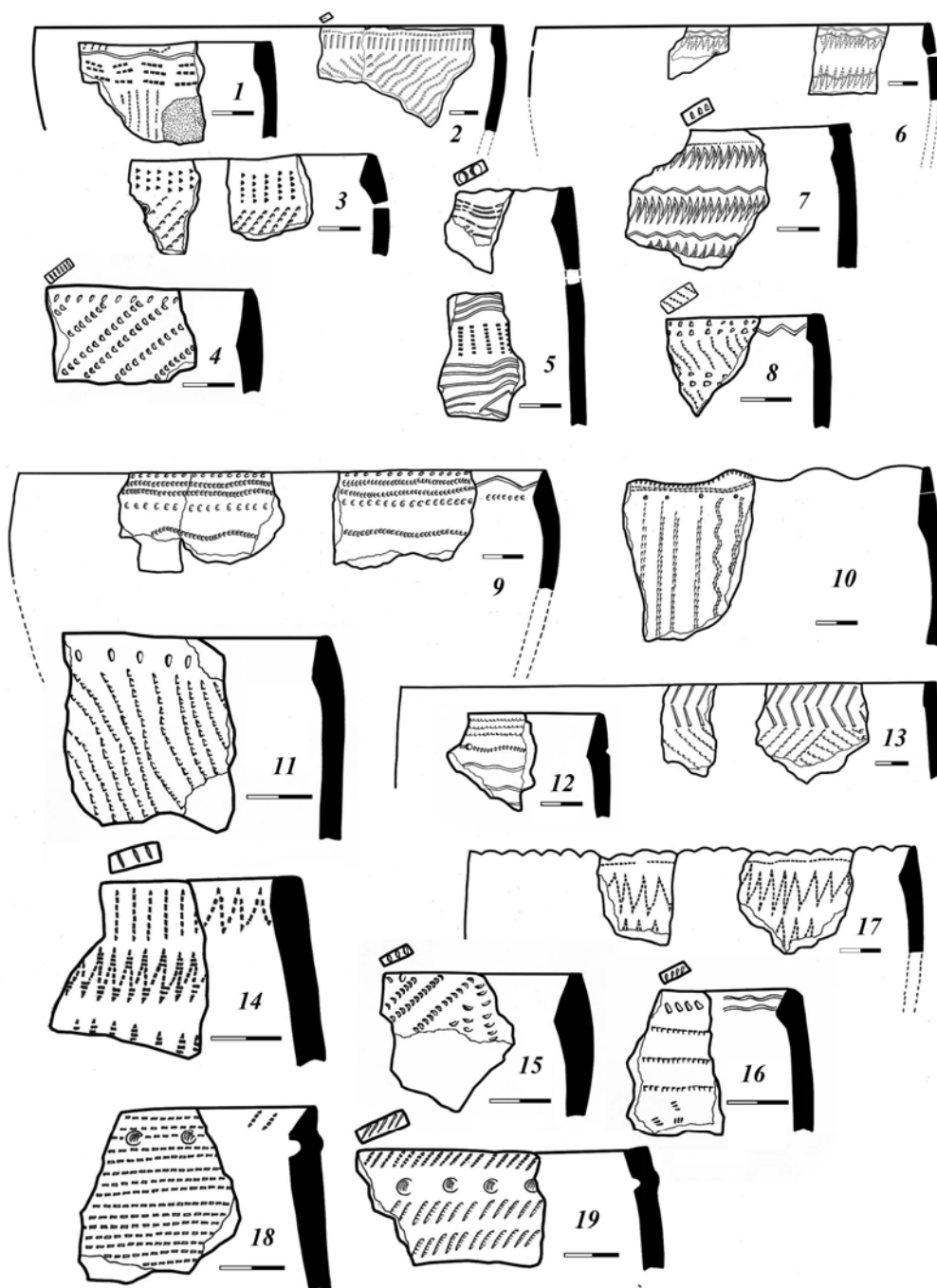

Рис. 1. Неолитическая керамика поселения Курья 1:
 2, 4, 6, 9–12, 15–17 — козловского типа; 1, 3, 5, 7, 8, 13 — полуденского комплекса;
 14 — гребенчатая с борыкинскими морфологическими признаками; 18, 19 — с гребенчатой орнаментацией

Общая картина несколько более сложная, отражающая комплекс технических приемов, складывающийся из орнаментальных особенностей отдельно взятых сосудов (табл. 1).

В коллекции отмечена посуда с горизонтальной и вертикальной разбивкой орнаментального пространства. Преобладают сосуды с горизонтальным членением декоративного поля. Комплекс характеризуется разнообразным набором элементов орнамента. Ямочный декор на тулове посуды отсутствует. Абсолютное большинство сосудов — 90,4 % не содержит поясков ямочных вдавлений и в приустьевой зоне. На семи изделиях (7,4%) данный элемент представлен

Неолитический комплекс поселения Курья 1

(табл. 2). Шесть венчиков содержат сквозные дырочки, расположенные по одиночке, не образуя горизонтальных рядов. Данный факт, вероятно, отражает не орнаментальный колорит, а технологический момент, связанный со скреплением растрескавшейся посуды.

Таблица 1

Техника орнаментации боборыкинской керамики поселения Курья 1

Прочерчивание	Отступление	Накол (насечка)	Ямочно-накольчатая	Неорнаментированная	Печатно-гребенчатая
35 ¹ /37,2 ²	21/22,3	61/64,8	5/5,3	12/12,7	1/1,06

¹ Общее количество сосудов в группе.

² Процент от общего количества сосудов в комплексе.

Доминируют в орнаментике прямые горизонтальные линии, отмеченные на поверхности 66 горшков (70,2 %) (рис. 1, 3, 5, 6, 8, 10). Среди прочих негеометрических элементов декора отметим длинные волнистые горизонтальные линии — 11 сосудов (11,7 %) (рис. 1, 3, 8), длинные прерывистые линии с наклоном вправо, выстроенные в горизонтальные пояса,— 8 изделий (8,5 %). Прочие узоры представлены довольно слабо (табл. 2).

Следует отметить значительную репрезентативность геометрических элементов, наиболее распространенным из которых является горизонтальный зигзаг — 24 сосуда (25,5 %) (рис. 1, 2, 7, 10, 14). Другие геометрические элементы: вертикальный зигзаг (рис. 1, 2), незаполненные и заполненные треугольники (рис. 1, 1, 4, 5), ромбы, ромбическая сетка, крестообразный узор (рис. 1, 12) — отмечаются на единичных горшках, их общая доля в выборке не превышает 4,2 % (табл. 2). Вместе с тем совокупный процент геометрических элементов высок: данные узоры и композиции зафиксированы на 39 сосудах (41,5 %).

Таблица 2

Орнаментальные характеристики боборыкинской посуды поселения Курья 1

Элемент орнамента	Кол-во
Ямочки по венчику	7 ¹ /7,4 ²
Данных по ямочной орнаментике нет	1/1,06
Ямочек по венчику нет	85/90,4
Прямая горизонтальная линия	66/70,2
Длинная волнистая горизонтальная линия	11/11,7
Короткие отпечатки (отрезки) с наклоном вправо в горизонтальную линию	1/1,06
Короткие отпечатки (отрезки) с наклоном влево в горизонтальную линию	1/1,06
Длинная линия (отпечаток) с наклоном вправо в горизонтальную линию	8/8,5
Длинная линия (отпечаток) с наклоном влево в горизонтальную линию	3/3,2
Длинные прерывистые горизонтальные линии (отпечатки)	2/2,1
Длинные прямые вертикальные линии (отрезки)	2/2,1
Длинные диагональные линии	1/1,06
Длинные волнистые диагональные линии, сходящиеся под углом	1/1,06
Крестообразный узор из секущихся линий	1/1,06
Горизонтальный зигзаг	24/25,5
Вертикальный зигзаг	1/1,06
Незаполненный треугольник	4/4,2
Заполненный треугольник	2/2,1
Треугольник, заполненный крестообразной фигурой	1/1,06
Ромб	1/1,06
Ромбическая сетка	1/1,06
Неопределимый геометризм	4/4,2

¹ Общее число сосудов с указанным элементом.

² Процент от общего количества сосудов в комплексе.

В коллекции поселения Курья 1 присутствует посуда, аналоги которой можно найти в материалах козловской и полуденской культур Зауралья и Притоболья. Особенности характеристик серии ставят непростую задачу. Так, весь рассматриваемый массив может быть интерпретирован с позиции принадлежности к одному культурно-хронологическому комплексу, учитывая гипотезу о формировании полуденских древностей на базе козловской культуры [Ковалева, 1989]. В этом случае козловские черты посуды могут быть рассмотрены в контексте процесса перехо-

да от козловской культуры к полуденской либо раннеполуденской культурной атрибуции памятника. С другой стороны, нельзя исключать варианта последовательного освоения территории поселения козловскими, а затем полуденскими группами. В этой связи опишем рассматриваемые выборки по отдельности, предполагая возможность их самостоятельного существования.

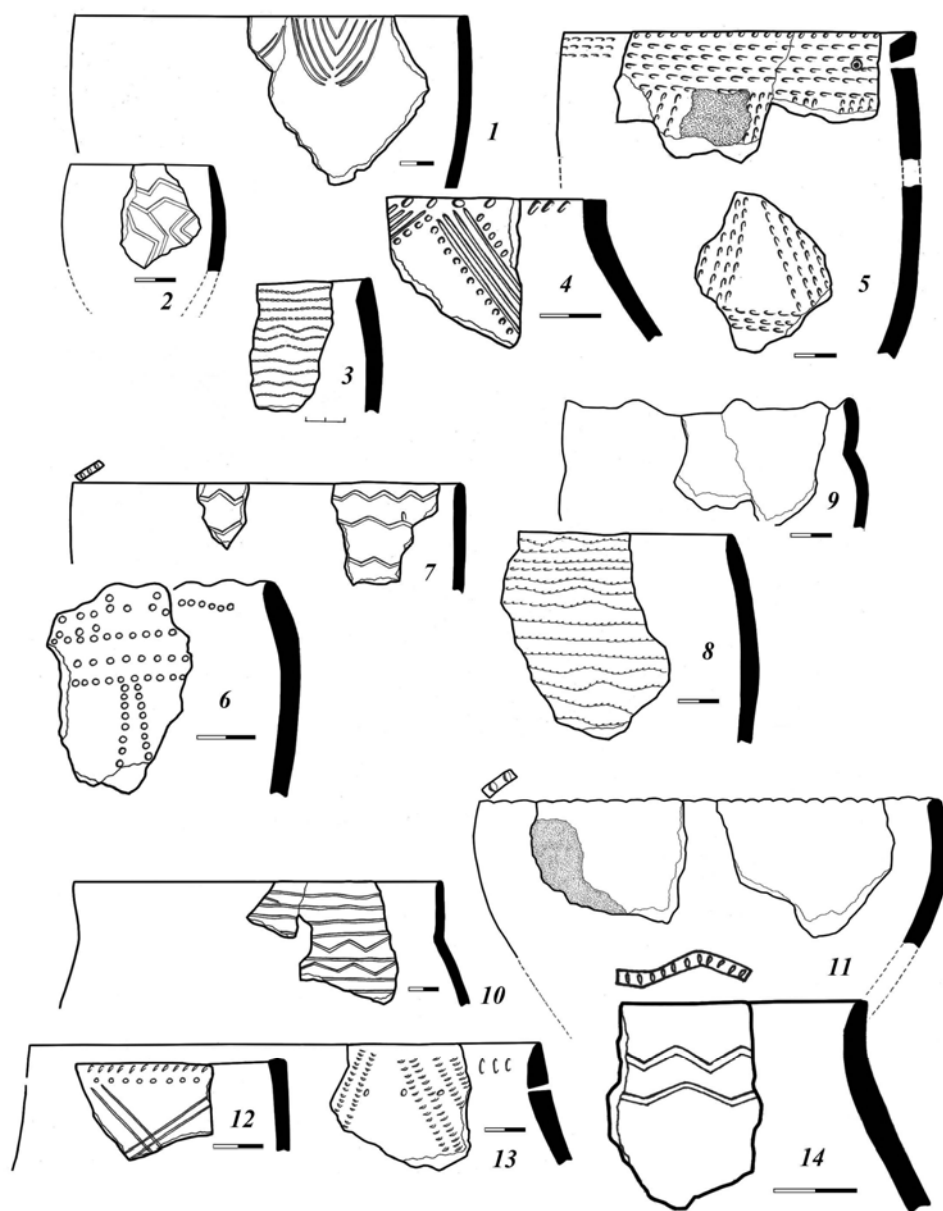

Рис. 2. Боборыкинская керамика поселения Курья 1

С материалами козловской культуры сопоставимы 12 фрагментов керамики, представленные венчиками, стенками и одним дном (рис. 2, 2, 4, 6, 8–12, 15, 17). Толщина стенок варьируется в пределах 0,6–0,8 см. В тесте визуальнo фиксируются добавления песка, органики и шамота. С комплексом соотносится одно округло-приостренное дно. Линия кромки венчиков у большинства сосудов прямая (рис. 2, 2, 4, 6, 9, 11, 12, 15, 16), в двух случаях — волнистая (рис. 2, 10, 17). Отличительной чертой выборки являются наплывы с внутренней стороны венчика. Из 11 венчиков 10 на внутренней стороне имеют плавный, низко опущенный наплыв. На одном горшке он массивный подтреугольный. Форма наплыва является одним из индикаторов разграничения козловской и полуденской керамики. Согласно традиционной точке зрения,

Неолитический комплекс поселения Курья 1

плавный, низко опущенный наплыв характерен для посуды козловской культуры, а массивный подтреугольный — для полуденской [Ковалева, 1989, с. 21, 46, 47].

Техника орнаментации козловской выборки разнообразна: прочерченные, отступающие и накольчатые мотивы. На двух горшках зафиксирована печатно-гребенчатая орнаментация (рис. 2, 6, 17). Наиболее часто отмечается техника отступления — 9 сосудов (75 %) (рис. 2, 2, 9–12). Далее в порядке убывания следуют: прочерчивание — 6 (50 %) (рис. 2, 6, 9, 12, 16), накольчатая — 5 (41,6 %) (рис. 2, 4, 9, 15, 16) и печатно-гребенчатая — 2 (16,6 %) (рис. 2, 6, 17) (табл. 3). На ряде сосудов, декорированных отступанием, фиксируется применение «раздвоенного» орнамента (рис. 2, 2, 9).

Таблица 3

Техника орнаментации козловской керамики поселения Курья 1

Отступление	Прочерчивание	Накольчатая	Печатно-гребенчатая
9/75	6/50	5/41,6	2/16,6

Вместе с тем в козловской выборке доминируют сосуды с сочетанием нескольких орнаментальных приемов. Керамика, украшенная в одной манере, единична (табл. 4).

Таблица 4

Распределение козловской керамики поселения Курья 1 по типам орнаментации

Прочерчивание	Прочерчивание + отступление + накол	Отступление	Отступление + накол	Прочерчивание + накол	Отступление + накол	Печатная гребенка + накол	Печатная гребенка
1	2	2	3	1	1	1	1

В выборке присутствует посуда с горизонтальной и вертикальной разбивкой орнаментального пространства, преобладают сосуды первого типа. Набор элементов и композиций менее разнообразен, чем в боборыкинской выборке. Констатируем отсутствие ямочного декора на тулове и в придонной части сосудов. В приустье части изделий горизонтальные ряды ямок не зафиксированы. В одном случае на горловине сосуда прослежен горизонтальный ряд небольших по диаметру сквозных дырочек (табл. 5). На венчике одного горшка отмечен ряд своеобразных по форме наколов, возможно, имитирующих ямочную орнаментику (рис. 2, 11).

Доминируют негеометрические элементы. Наиболее полно представлен мотив прямых горизонтальных линий — 8 сосудов (66,6 %) (рис. 2, 4, 9, 10, 12). Фиксируются длинные волнистые горизонтальные линии — 5 сосудов (41,6 %) (рис. 2, 2, 6, 9, 12), длинные прямые вертикальные линии — 3 сосуда (25,0 %) (рис. 2, 10) и прямые ряды «шагающей» гребенки — 2 сосуда (16,6 %) (рис. 2, 6, 17). Геометрические мотивы представлены горизонтальным зигзагом, зафиксированным на одном горшке (8,3 %) (табл. 5).

Таблица 5

Орнаментальные характеристики козловской посуды поселения Курья 1

Элемент орнамента	Кол-во
Ряд сквозных дырочек по венчику	1/8,3
Данных по ямочной орнаментике нет	1/8,3
Ямочек по венчику нет	10/83,3
Горизонтальная линия	8/66,6
Длинная волнистая горизонтальная линия	5/41,6
Длинная линия (отпечаток) с наклоном вправо в горизонтальную линию	1/8,3
Длинная линия (отпечаток) с наклоном влево в горизонтальную линию	1/8,3
Длинная волнистая вертикальная линия	1/8,3
Длинные прямые вертикальные линии (отрезки)	3/25,0
Прямые линии шагающей гребенки	2/16,6
Бессистемный узор	1/8,3
Горизонтальный зигзаг	1/8,3

К полуденской культуре отнесены 29 венчиков и 13 стенок (рис. 2, 1, 3, 5, 7, 8, 13, 16). Толщина стенок варьируется в пределах 0,5–0,7 см. В составе формовочных масс визуальными фиксируются песок, органика и шамот. Днищ, сопоставимых с данной серией, нет. Исходя из имеющихся данных (см., напр., [Ковалева, 1989]) можно допустить, что все сосуды имели округло-

приостренные днища. Линия кромки венчиков большинства сосудов прямая. Волнистые грани отмечены в двух случаях. Большинство венчиков с внутренней стороны имеют наплыв. Преобладают массивные подтреугольные наплывы — 18 экз. Пологие, вытянутые наплывы зафиксированы в пяти случаях. Пять горшков имели слабовыраженные наплывы, либо этот признак отсутствовал. В одном случае из-за плохой сохранности венчика данные об этом показателе отсутствуют.

Манера орнамента керамики разнообразна. Наиболее часто использовалась печатно-гребенчатая техника — 33 сосуда (78,5 %) (рис. 2, 1, 3, 5). Далее в порядке убывания следуют: накольчатая — 17 (40,5 %) (рис. 2, 7, 8, 16), отступающая — 12 (28,5 %) (рис. 2, 3, 8, 13, 16), прочерченная — 9 (21,4 %) (рис. 2, 1, 5, 7, 8), проташенно-гребенчатая — 4 (9,5 %) (рис. 2, 16) (табл. 6).

Таблица 6

Техника орнаментации полуденской керамики поселения Курья 1

Отступление	Прочерчивание	Накольчатая	Печатно-гребенчатая	Проташенно-гребенчатая
12/28,5	9/21,4	17/40,5	33/78,5	4/9,5

Одной из особенностей комплекса является слабая представленность сосудов, декорированных в однородной технике. В большинстве случаев сочетаются две-четыре манеры (табл. 7).

Таблица 7

Распределение полуденской керамики поселения Курья 1 по типам орнаментации*

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1	1	12	2	2	4	8	4	1	1	1	1	3	1	1

* 1 — прочерчивание; 2 — накол; 3 — печатная гребенка; 4 — отступление + накол; 5 — прочерчивание + накол; 6 — прочерчивание + печатная гребенка; 7 — накол + печатная гребенка; 8 — отступление + печатная гребенка; 9 — проташенная гребенка + печатная гребенка; 10 — проташенная гребенка + накол; 11 — проташенная гребенка + отступление; 12 — накол + проташенная гребенка + печатная гребенка; 13 — накол + прочерчивание + печатная гребенка; 14 — накол + отступление + печатная гребенка; 15 — накол + отступление + печатная гребенка + прочерчивание.

Ямочная орнаментация на тулове, как и на венчиках, отсутствует. Преобладают простые, негеометрические элементы. Доминирует мотив прямых горизонтальных линий — 23 сосуда (54,7 %) (рис. 2, 12, 16). Высоко репрезентативны прямые короткие отпечатки гребенчатого штампа, выстроенные в горизонтальную линию, — 12 (28,5 %) (рис. 2, 1, 3, 5), длинные волнистые горизонтальные линии — 9 (21,4 %) (рис. 2, 1, 5, 16), короткие отпечатки гребенчатого штампа с наклоном вправо, выстроенные в горизонтальную линию, — 8 (19,0 %) (рис. 2, 1). Геометрическая орнамента представлена слабо. В четырех случаях отмечен горизонтальный зигзаг (9,5 %), в двух — неопределимые из-за фрагментированности керамики геометрические элементы (4,7 %), в одном — заполненный треугольник (2,4 %) (рис. 2, 13). Совокупная доля геометрических элементов составляет 16,6 % (табл. 8).

В коллекции зафиксировано несколько фрагментов керамики, декоративно-морфологические характеристики которых не позволяют связать их ни с боборыкинскими, ни с полуденскими, ни с козловскими древностями. Их венчики украшены в гребенчатой манере и не имеют наплывов на внутренней стороне (рис. 2, 18, 19). Стенки орнаментированы горизонтальными линиями «шагающей» гребенки, кроме которой отмечены узоры, образованные прямыми короткими отпечатками гребенчатого штампа, выстроенными в горизонтальную линию. Подобную керамику обычно характеризуют как сосновоостровскую (см., напр., [Зах, 2009]). Аналогичная посуда, не образуя самостоятельных комплексов, довольно часто сопровождает боборыкинские серии (см., напр., [Волков, 2001, 2007]).

Стратиграфия не дает прямых данных о последовательности освоения территории памятника, что связано с неоднократным заселением участка, влекшим уничтожение либо переработку «ранних» культурных отложений. В этой связи произведена реконструкция планиграфического распределения разнокультурной неолитической керамики. В результате различий в залегании рассматриваемой посуды практически не выявлено.

Орнаментальные характеристики полуденской посуды поселения Курья 1

Элемент орнамента	Кол-во
Ямочки по венчику	—
Данных по ямочной орнаментике нет	11/26,2
Ямочек по венчику нет	32/76,2
Прямая горизонтальная линия	23/54,7
Длинная волнистая горизонтальная линия	9/21,4
Короткие отпечатки (отрезки) с наклоном вправо в горизонтальную линию	8/19,0
Короткие отпечатки (отрезки) с наклоном влево в горизонтальную линию	6/14,3
Короткие горизонтальные отпечатки (отрезки) в горизонтальную линию	3/7,1
Прямые короткие отрезки (отпечатки) в горизонтальную линию	12/28,5
Длинная линия (отпечаток) с наклоном вправо в горизонтальную линию	2/4,7
Длинная линия (отпечаток) с наклоном влево в горизонтальную линию	2/4,7
Длинные прерывистые горизонтальные линии (отпечатки)	1/2,4
Длинные линии с наклоном вправо, образованные короткими отпечатками	1/2,4
Длинные прямые вертикальные линии (отрезки)	6/14,3
Прямые линии «шагающей» гребенки	6/14,3
«Качалка»	1/2,4
«Елочка»	2/4,7
Горизонтальный зигзаг	4/9,5
Заполненный треугольник	1/2,4
Неопределимый геометризм	2/4,7

Другим способом решения проблемы стал метод «глубинного» распределения керамики, при реализации которого производилась синхронизация каждого условного горизонта с конкретными слоями. В процессе раскопок исследовано шесть условных горизонтов. В результате зафиксирована неоднозначная картина. Наиболее сильную связь с нижними слоями обнаруживает бобрыкинская керамика. В нижних (4–6-м) горизонтах сосредоточено 80 % рассматриваемой посуды. Сходная ситуация характерна для полуденской выборки: 4–6-й горизонты — 73 %, 1–3-й — 27 %. Противоположная ситуация отмечена для козловской серии. В нижних горизонтах (4–6-й) зафиксировано лишь 42,9 % рассматриваемой керамики, тогда как в 1–3-м — 57,1 % выборки (табл. 9).

Таблица 9

«Глубинное» распределение неолитической керамики поселения Курья 1 (кол-во / %)

Горизонт	Бобрыкинская	Полуденская	Козловская	Сосновоостровская	Всего
1	1/0,9	1/2,7	—	—	2/1,2
2	8/6,9	3/8,1	4/28,6	—	15/8,9
3	14/12,2	6/16,2	4/28,6	—	24/14,4
4	54/47,0	18/48,6	5/35,7	1/100	78/46,7
5	14/12,2	1/2,7	—	—	15/8,9
6	24/20,8	8/21,6	1/7,1	—	33/19,7
Всего	115/100	37/100	14/100	1/100	167/100

Если рассматривать ситуацию с позиции «чем глубже — тем древнее», следовало бы признать, что наиболее ранними этапами являются бобрыкинский и полуденский. Однако, учитывая сложный стратиграфический характер объекта, нельзя исключать иные варианты. На памятнике мог реализоваться и принцип «обратной стратиграфии», когда в результате деятельности групп нового населения, перерабатывавшего ранние отложения, артефакты предшествующего времени оказываются в вышележащих горизонтах. Исходя из этой возможности наиболее ранним следует считать козловский комплекс, основная масса материалов которого локализована в верхних горизонтах стратиграфической колонки (табл. 9). При данном подходе следовало бы признать примерно синхронное хронологическое положение бобрыкинского и полуденского комплексов.

Вместе с тем из-за незначительности козловской выборки нельзя однозначно принять данное предположение. Сходство в планиграфическом распределении серий, предварительно атрибутированных как козловская и полуденская, позволяет предложить и иное объяснение си-

туации. Обращаясь к историографии, отметим, что ряд исследователей признают факт формирования полуденских древностей на базе козловских (см., напр., [Ковалева, 1989]). Исходя из этого правомерным представляется интерпретировать весь рассматриваемый комплекс с позиции полуденской культурной принадлежности при соотнесении, однако, с ранним этапом развития культуры. При подобном подходе логично объясняются ранние («козловские») черты комплекса, обусловленные особенностями его хронологического положения. Не полное «глубинное» соответствие выборок, предварительно охарактеризованных как козловская и полуденская, может быть связано с незначительностью первой из них, не позволяющей произвести корректные статистические расчеты.

Однако нельзя исключать теоретической возможности самостоятельного культурного существования данных серий. Подчеркнем, что стратиграфия памятника не позволяет сделать обоснованных заключений применительно к рассматриваемой проблеме.

Обратимся к боборыкинскому комплексу поселения, являющемуся наиболее репрезентативной частью неолитической коллекции. Однозначных стратиграфических данных, позволяющих судить о его абсолютном возрасте, нет. Косвенными свидетельствами достаточно раннего возраста серии в рамках боборыкинской культуры выступают особенности орнаментации керамики. При рассмотрении боборыкинской орнаментики В.А. Зах пришел к выводу, что «ранними» декоративными характеристиками традиции являются: значительный процент неорнаментированной керамики, ведущая роль прочерченного декора по отношению к отступающе-накольчатому, высокий удельный вес ямочно-накольчатой орнаментики [2009, с. 159, 160]. Применительно к боборыкинскому комплексу Курья 1 отметим значительный процент сосудов, украшенных в прочерченном стиле, — 37 % и достаточно большое количество неорнаментированной керамики — 12,7 %. Посуды, украшенной в ямочно-накольчатой манере, немного — 5,3 % (табл. 1). Отмеченные показатели в целом соответствуют критериям, предложенным В.А. Захом [2009], что не исключает соотнесения комплекса с начальным этапом развития боборыкинских древностей.

Установить хронологическое соотношение полуденского и боборыкинского комплексов также достаточно сложно. Одной из возможностей является культурная атрибуция жилища 1. Крайне незначительное количество и фрагментированность археологического материала, происходящего из его заполнения, не позволяет дать исчерпывающего ответа на этот вопрос. Косвенным свидетельством боборыкинской принадлежности данного сооружения могут выступать его конструктивные особенности и, в частности, площадь строения. Неолитические жилища площадью свыше 100 м² в Притоболье известны преимущественно в боборыкинской культуре. Таковым, в частности, является жилище 1 поселения Юртобор 3 [Зах, 1995]. Сооружения козловской культуры отличаются меньшими размерами. Их площадь варьируется в пределах 40–60 м². Среди них отметим постройки поселения ЮАО 15 (раскопки Л.А. Дрябиной), Исетского Правобережного [Кернер, 1991] и др. Домостроительная традиция полуденской культуры изучена слабо, размеры построек, принадлежность которых к полуденским древностям не вызывает сомнений, составляют около 30 м² [Варанкин, 1982, с. 13; Ковалева, 1989, с. 37–45]. Слабая изученность полуденского домостроения допускает вероятность того, что в его рамках существовали значительные по размерам жилища, однако генетическая преемственность козловских и полуденских комплексов предполагает и преемственность их домостроительных традиций. Следовательно, жилище 1 поселения Курья 1 наиболее логично интерпретировать с позиции боборыкинской культурной принадлежности. Так как основным заполнением котлована жилища 1 является слой серой супеси, именно данный горизонт должен быть связан с процессом жизнедеятельности боборыкинской общины. Отдельные линзы слоя серой мешаной супеси в заполнении котлована жилища скорее свидетельствуют не о полуденской принадлежности строения, а о «перерезании» боборыкинского горизонта полуденскими ямами. Более раннее хронологическое положение слоя серой супеси по отношению к горизонту серой мешаной супеси, на наш взгляд, подтверждается и стратиграфией памятника. Постоянное «перекрытие» серой супеси серой мешаной фиксируется на основной части стратиграфических бровок раскопа. Добавим, что при данном подходе не исключается и боборыкинская культурная атрибуция жилища 2, сохранившегося гораздо хуже, вследствие того что основная часть его котлована также заполнена слоем серой супеси. Таким образом, наиболее вероятно, что боборыкинский строительный горизонт на поселении Курья 1 имеет некоторый хронологический приоритет по отношению к полуденскому.

Неолитический комплекс поселения Курья 1

Возвратимся к вопросу о немногочисленной серии гребенчатой посуды, которую логично соотносить с сосновоостровскими древностями в широком понимании термина. Полагаем, что результаты раскопок не дают веских оснований говорить о существовании здесь сосновоостровского поселка. Скорее следует согласиться с предположением, что данная выборка отражает контакты одной из групп неолитического населения — боборыкинской либо полуденской с носителями сосновоостровской традиции. Значительно труднее ответить на вопрос, какому конкретному комплексу соответствуют сосновоостровские артефакты. Отметим лишь, что нам не известно ни одного более или менее достоверного свидетельства синхронности козловских и сосновоостровских материалов. Аналогичное заключение, пожалуй, следует сделать и по отношению к полуденской культуре. В то же время известны случаи фиксации боборыкинской и сосновоостровской керамики в тождественных стратиграфических условиях. Конкретизируя тезис, отметим поселения Двухозерное 1 [Волков, 2001] и Гилево 8 [Дрябина, Пархимович, 1991]. В первом случае в рамках основного, боборыкинского комплекса было отмечено несколько фрагментов, орнаментированных в печатно-гребенчатой манере [Волков, 2001], во втором — преобладающие сосновоостровские материалы включали небольшую выборку неорнаментированной толстостенной посуды, которую можно сопоставить лишь с боборыкинской [Зах, 1995]. Кроме того, есть основания синхронизировать хотя бы на каком-то этапе развития сосновоостровские и кошкинские древности (см., напр., [Волков, 2007, с. 28]). Однако отсутствие кошкинского слоя на поселении Курья 1 избавляет нас от необходимости вступления в данную дискуссию. Таким образом, логичной представляется гипотеза о синхронности боборыкинских и сосновоостровских материалов поселения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Варанкин Н.В. Стоянка Карьер 2 — памятник эпохи неолита // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск: УрГУ, 1982. С. 13–17.

Волков Е.Н. Боборыкинский комплекс поселения Двухозерное 1 // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 12–25.

Волков Е.Н. Комплекс археологических памятников Ингальская долина. Новосибирск: Наука, 2007. 224 с.

Волков Е.Н. Энеолитический комплекс многослойного поселения Курья 1 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2010. № 1 (12). С. 15–26.

Дрябина Л.А., Пархимович С.Ю. Поселение Гилево 8 // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 100–111.

Зах В.А. Боборыкинский комплекс поселения Юртобор 3 в Нижнем Приоболье // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. Тюмень: ТюмГУ, 1995. С. 12–28.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.

Кернер В.Ф. Поселение Исетское Правобережное // Неолитические памятники Урала. Свердловск: ИИА УрО АН СССР, 1991.

Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: УрГУ, 1989. 80 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН
env2001@mail.ru

The article considers materials of the Neolithic Age from the area of a multi-layered settlement of Kurja 1 in the Tyumen Low Tobol basin. We managed to determine that a Neolithic complex of the settlement was represented by materials of the Boborykino and Poludenka cultures. Stratigraphic features of the object allow to advance a hypothesis of the older age of the Boborykino settlement as compared with the Poludenka one. The available data do not contradict to the assumption that dwellings 1 and 2, investigated at the site, belong to the Boborykino culture.

Pottery, dwelling, the Poludenka culture, the Boborykino culture, the Kozlov culture, Neolithic, ornamental tradition, Low Tobol basin, chronology, Kurja 1, settlement.

К ПОНЯТИЮ «ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД» В АРХЕОЛОГИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ¹

В.А. Зах

Рассматривается понятие переходного периода в археологии Западной Сибири. По одному из определений, это резкий скачкообразный переход в новое состояние, отличающийся от эволюционной стадии развития интенсивностью, аритмичностью процессов не за счет эволюции, а за счет заимствования. Считается, что изменение элементов имеет разную направленность и закономерности у родственных и разных по происхождению культур. Основной причиной процессов, характеризующих переходные периоды в западно-сибирской лесостепи и южной тайге, являются климатические и ландшафтные перестройки, повлекшие экологический и хозяйственный кризис, миграции, взаимодействие разноэтничных групп и формирование культур «переходного» облика.

Переходный период, климатические изменения, ландшафтная перестройка, миграция, ассимиляция, продолжительность и рамки переходного периода.

Понятие «переход, переходный» используется для определения некоторых действий, состояний — вещества, земной поверхности, атмосферы, общества и т.д. В археологии термином «переходный период» обычно обозначается временной отрезок, характеризующийся особыми культурными процессами, вызывающими или отражающими смену культур или эпох (напр., [Манзура, 1990]). Впервые о таком переходном периоде (энеолите) — от эпохи камня к бронзовому веку было заявлено в 1876 г. Венгерский археолог Ф. Пульский предложил этот термин, уточняя периодизацию Д. Томпсона, в которой за каменным сразу следовал бронзовый век [Кирюшин, 2002]. Еще один переходный период — занимающий промежуточное положение между палеолитом и неолитом — был определен в 1893 г. А. Брауном как мезолит. В советской археологии это понятие ввел в конце 1920-х гг. М.Я. Рудинский, но закрепилось оно лишь в 1950-х гг. благодаря работам М.В. Воеводского [Мезолит..., 1989]. Если эпоха мезолита как переходный период проявляется практически на всей территории Северной Евразии, включая Западно-Сибирскую равнину, то выраженность признаков энеолита «убывает» с юга на север. Скорее всего, в силу изолированности, специфики жизнеобеспечения охотников и рыболовов и недостатка сырья, в таежной и тундровой зонах медные орудия практически отсутствовали, в отличие от оседлых земледельческих культур, расположенных ближе к центрам древних цивилизаций [Энеолит..., 1982]. К востоку и северу от Западной Сибири, как, вероятно, и на территории самой равнины, переход от эпохи камня к бронзовому веку связан с внедрением металлургии бронзы, а в Восточной Сибири — железа.

Основным признаком переходного периода, по мнению И.В. Манзуры, можно считать резкое увеличение новых, ранее отсутствующих в определенной системе черт при сохранении пережиточных элементов предшествующей эпохи, что приводит на определенном этапе к нарушению стабильности и поступательному саморазвитию, необходимости «в скачкообразном переходе в новое состояние». Причем различие эволюционной стадии развития системы и переходного периода заключается в усилении в этот период интенсивности, а иногда аритмичности культурных процессов, усилившемся восприятии внешних элементов и трансляции собственных стандартов, когда развитие системы идет не за счет внутренней эволюции, а в результате прямого или косвенного заимствования [Манзура, 1990].

Возможность осмысления переходных эпох (периодов) «с помощью категорий материалистической диалектики — качества, количества, меры», по мнению Г.Б. Здановича и В.К. Шрейбера, дает археологический материал [1990]. Так, в сложном вопросе генезиса алакульских и федоровских и соотношения петровских и алакульских комплексов помогает выявление закономерностей в изменениях элементов (признаков) во всей совокупности рассматриваемых материалов. Исследователи отмечают, что одни признаки присущи родственным комплексам, об-

¹ При финансовой поддержке гранта «Механизмы и содержание трансформаций и преемственного развития древних обществ Тоболо-Ишимья» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

К понятию «переходный период» в археологии Западной Сибири

наруживающим единую направленность в изменениях элементов, и совершенно другие закономерности выявляются при взаимодействии «двух и нескольких одновременно существующих, но различных по происхождению культур» [Зданович, Шрейбер, 1990]. В первом случае наложение элементов, например в комплексах со смешанными петровско-алакульскими и алакульско-федоровскими чертами, создает эффект целостности, а процесс появления нового качества постепенен и проходит несколько фаз. При соединении разнокультурных элементов не отмечается непрерывных характеристик, а процесс происходит в виде скачка. По мнению исследователей, временная характеристика перехода одной родственной культуры «в другую во многом предопределяется потенциальными возможностями типа хозяйствования», что отмечается в развитии петровских, алакульских, федоровских и саргаринско-алексеевских комплексов. Появление новых культур в условиях полной смены хозяйства значительно отличает переходные эпохи, хотя и в этом случае также присутствует этап формирования предпосылок перехода [Там же, с. 91].

Переходный период и его признаки, как правило, рассматриваются в рамках материалистического толкования скачкообразного перехода в новое состояние. Но понимание аритмичности культурных процессов, закономерностей при взаимодействии родственных и различных по происхождению культурных образований требует иных подходов.

В исследованиях развития культуры западно-сибирских лесостепных территорий во II — середине I тыс. до н.э. В.В. Илюшина отмечает три основных подхода к содержанию понятия «переходный период». В первом случае процесс перехода отождествляется с эволюцией предшествующих культур в последующие, во втором — выделяются «переходные» культуры, в третьем — предполагается трансформация культуры с влиянием на нее миграционных процессов [Илюшина, 2011]. Развитие культур финала эпохи бронзы и переходного к раннему железному веку времени предлагается рассматривать с применением синергетического подхода, поскольку он позволяет представить все многообразие, противоречивое содержание и динамику лесостепных культур в данные временные отрезки [Там же].

Интенсивные в последние годы археологические и, что очень важно, палеогеографические исследования в Западной Сибири дали многочисленные источники, позволившие наметить новые направления в изучении переходных периодов (эпох), с одной стороны, и решения вопросов периодизации и этнической интерпретации многих археологических комплексов региона — с другой (см., напр.: [Чича, 2004; Зиминая, Зах, 2009]).

Одним из первых ученых, кто придал значение изменениям климата в древности и поставил вопрос о неравномерности социально-экономического развития обществ, ее причинах и, в частности, переходном периоде от камня к раннему металлу в Западной Сибири, является М.Ф. Косарев. Сравнивая в качестве примера Восточно-Сибирское плоскогорье, богатое каменным сырьем, и Западно-Сибирскую равнину, с нехваткой доброкачественного камня, М.Ф. Косарев считает, что это различие определило в дальнейшем разную степень стимуляции технического прогресса. Недостаток камня на территории Западной Сибири приводил к использованию опыта южных соседей — овладению населением юго-восточной части Обь-Иртышского бассейна местными месторождениями олова и меди и созданию собственной бронзовой металлургии. Аборигенное население Восточной Сибири не испытывало недостатка в каменном сырье и продолжало осваивать его традиционные источники, что не вызывало развития новых технических возможностей [Косарев, 1976]. Ускорение социально-экономического развития обществ Западной Сибири обуславливалось, по мнению исследователя, и направлением водных артерий — рек Обского бассейна — Оби, Иртыша, Ишима, Тобола, пересекающих с юга на север лесостепные и таежные территории, что способствовало связям таежных охотников и рыболовов со степным скотоводческо-земледельческим населением. Отсутствие широкой сети подобных водных путей в Восточной Сибири затрудняло выход населения за пределы таежных пространств, т.е. были возможны лишь контакты в охотничьей среде. Это приводило к консервации культурных традиций и замедляло развитие аборигенных культур.

Во многом определяющим был вывод М.Ф. Косарева, что на специфику социально-экономического развития древнего населения Западно-Сибирской равнины, и прежде всего ее степной части, могла также влиять ландшафтная нестабильность, связанная с периодическим чередованием сухих и влажных климатических фаз [1976, с. 5]. Исследователь рассматривал чередование аридных и гумидных периодов в пределах двух с половиной тысяч лет: увлажнение во второй половине III и начале II тыс., усыхание в первой половине — середине II тыс. и

сильное новое увлажнение в середине и второй половине I тыс. до н.э. [Там же]. В настоящее время в связи с широкими палеогеографическими и палинологическими исследованиями голоценовых отложений неолитических комплексов, торфяников, погребенных почв и радиоуглеродным датированием установлено, что аридных и гумидных фаз в голоценовое время было больше, и все они играли определенную роль в жизни древних обществ. М.Ф. Косарев придает большое значение, что, видимо, справедливо, аридизации климата «как стимулу перехода к производящей экономике» не только для Передней Азии, где сложилась критическая экологическая ситуация на рубеже плейстоцена и голоцена, но и в Западной Сибири, где это произошло на несколько тысяч лет позднее [Там же, с. 6]. Переход к пастушеско-земледельческому хозяйству в западно-сибирских степях во многом, по мнению ученого, был обусловлен усыханием и подготовлен развитием производительных сил, шел параллельно со становлением бронзовой металлургии. С развитием скотоводческо-земледельческого хозяйства связано освоение степным населением широких речных и озерных понижений, в итоге появились огромные незаселенные пространства при общем увеличении в степях количества населения.

В тайге население продолжало вести присваивающее хозяйство. Усовершенствование инвентаря, способов охоты и рыболовства не приводило к значительному увеличению производительности и демографическому росту, это могло вызвать сокращение популяций крупнокопытных животных и рыбы и в итоге кризис. Консерватизм материальной культуры был условием существования таежных коллективов. Тем не менее таежное население пыталось повысить объем естественного продукта, некоторые семьи держали выводки диких гусей и уток, выжигали леса для привлечения в молодые осинники лосей и увеличения урожайности брусничников, но эти начинания не могли перерасти в производящие отрасли экономики [Там же, с. 8, 9].

Наиболее благоприятным для проживания, по мнению М.Ф. Косарева, был район Нижнего Притоболья с реками Тоболом, Исетью, Тавдой и Турой, с массой проточных озер, способствующих развитию запорного и сетевого рыболовства. В неолите и эпоху раннего металла на этой территории обитали группы оседлых рыболовов и охотников. Поселения находились у воды, обнаружено большое количество глиняных грузил и ямы, забитые чешуей и костями рыбы. По мнению М.Ф. Косарева, во второй половине бронзового века озера Нижнего Притоболья почти обезлюдели. Исследователь связывает это с аридизацией климата, обмелением и заболачиванием водоемов, что привело к сокращению запасов рыбы, кризису запорного и сетевого рыболовства и освоению скотоводства, воспринятого от проникающего на эти территории южного (андроновского) населения.

В формировании на границе тайги и лесостепи андронидных культур (еловской и сузгунской) с комплексной, многоотраслевой экономикой отразилась стабилизация общества: при неблагоприятных для скотоводства условиях происходила переориентация на охоту и рыболовство и наоборот.

Конец бронзового и начало железного века совпадает с увлажнением (гумидизацией) климата. Подтопление речных долин затрудняло заготовку кормов на зиму, но способствовало освоению степных пространств, где при достаточном увлажнении развивался хороший травостой. В этих условиях осуществлялся процесс перехода от пастушеского к кочевому скотоводству, что в конечном счете способствовало увеличению численности населения в лесостепи и степи и ускорению формирования объединений предгосударственного типа.

На основе ранее разработанных подходов и с учетом собственных представлений [Зах, 2012] рассмотрим основные характеристики переходных периодов в пределах голоцена на территории Тоболо-Ишимья и шире — Западной Сибири.

Всесторонний анализ палеогеографических и археологических данных показывает, что суть этих периодов заключается не только в накоплении новых качеств и переходе в иное состояние, или от одной эпохи, культуры к другой эпохе либо культуре, — их содержание значительно шире и сложнее. По имеющимся материалам можно говорить по крайней мере о нескольких переходных периодах между крупными историческими эпохами, например от палеолита к неолиту, которые так или иначе прослеживаются на всей территории Евразии и Африки. Энеолитический период, в связи с неравномерностью исторического развития, как явление существовал в обществах с передовой экономикой, имеющих доступ к сырьевой базе. На территории Западной Сибири прослеживаются периоды, также переходные, когда, с одной стороны, появляются новые технологии (мезолит — неолит) [Зах, 2009], в южной части равнины (энеолит) — первый металл [Потемкина, Дегтярева, 2008], а несколько позднее (развитая бронза) — осваи-

К понятию «переходный период» в археологии Западной Сибири

ваются привнесенные пришлыми скотоводами и металлургами производящее хозяйство. С другой стороны, наблюдаются «обратные» процессы: в конце эпохи бронзы таежные мигранты «возвращают» в западно-сибирскую лесостепь отрасли присваивающего хозяйства и некоторые устои родового общества. Таким образом, в рамках рассматриваемых периодов отмечается различное воздействие на развитие экономики древних обществ. В одном случае мигранты из западных и юго-западных областей, сопредельных с древними экономическими центрами, стимулируют системы жизнеобеспечения аборигенных лесостепных обществ, в другом — под влиянием мигрантов с севера развитие хозяйства замедляется.

Общей чертой данных периодов является их сопряженность прежде всего с палеоклиматическими и ландшафтными изменениями. Переход от палеолита к мезолиту совпал с периодом перехода от плейстоцена к голоцену, с глубокими климатическими и ландшафтными перестройками. В Северной Евразии исчезают очаги оледенений, формируются современные природные зоны, плейстоценовая фауна сменяется современными видами животных. Вследствие всех этих изменений человек практически полностью осваивает север Евразии, в том числе арктические территории. Изменяются приемы и орудия охоты, система жизнеобеспечения и демографическая ситуация.

Голоцен, по мнению исследователей, это межледниковый период — между сартанским и будущим оледенением, также характеризуемый климатическими перестройками, но с меньшим температурным размахом. За прошедшие 10 тыс. лет в Северной Евразии отмечено несколько аридных и гумидных фаз, с которыми связаны и изменения в развитии общества. Достаточно четко геоморфологические данные и палинологические спектры фиксируют аридные фазы в начале атлантического и в середине суббореального периода голоцена (II тыс. до н.э.), а один из гумидных периодов наиболее ярко проявился в конце I тыс. до н.э.

В фазы усыхания происходило уменьшение осадков, увеличение среднегодовых температур, понижение уровня грунтовых вод и обмеление или исчезновение мелководных водоемов. Перестраивались ландшафты, на лесостепных пространствах сокращались количество и площади березовых колков. С уменьшением площадей, занятых древесными, увеличивались пространства, занятые представителями степных ассоциаций. В гумидные фазы, наоборот, поднимался уровень грунтовых вод, вновь наполнялись озера, в засушливые фазы имевшие вид пониженных участков или чаш, происходило увеличение количества древесных видов и уменьшение степных ценозов в южной части лесостепи. Судя по всему, участки леса продвигались в южном направлении, особенно по речным долинам. Увлажнение и избыточная обводненность приводили к заболачиванию межречных водораздельных территорий, что ограничивало комфортное проживание древнего населения в долинах рек и на побережьях озер (рис.).

Климатические изменения существенно влияли на системы жизнеобеспечения. В аридные периоды в Западной Сибири оптимальными для проживания были лесостепные и южно-таежные территории, в гумидные фазы — типичная и южная часть лесостепи. Последствиями климатических изменений обуславливается такой признак переходного периода, как миграционная активность. С аридными фазами связано становление в Западной Сибири неолита и проникновение на лесостепные и южно-таежные территории скотоводческого (андроновского) населения, а с увлажнением в конце I тыс. до н.э. — продвижение таежных охотников и рыболовов в лесостепь, вплоть до степных территорий. В начале атлантического периода голоцена южное население принесло в Западную Сибирь навыки изготовления глиняной посуды, некоторые новые технологии в изготовлении жилища и охотничьего снаряжения. Углубленные в землю жилища свидетельствуют об изменениях в системе жизнеобеспечения древних коллективов: на смену хозяйству аборигенных бродячих охотников, рыболовов и собирателей приходит экономика, основанная на оседлом заповном и сетевом рыболовстве. В суббореальный период западно-сибирская лесостепь и южная тайга активно осваивалась проникающими с юго-запада андроновскими (алакульскими) группами, которые впервые принесли на эти территории скотоводство и развитую бронзовую металлургию. Судя по размерам жилищ отдельных домохозяйств на поселениях, особенно федоровских, количеству содержавшегося в них скота, в этот период происходят дальнейшие изменения в социальной структуре, в частности формируются большие патриархальные семьи. Вероятно, аридный климат и проживание федоровского населения в поймах, в поселках у рек и озер, способствовали развитию пастушеского придомного скотоводства и, вероятно, зачатков пойменного земледелия. В отличие от этих миграций, в связи с притоком носителей посуды с крестовой орнаментацией в начале I тыс. до н.э. в лесостеп-

ных западно-сибирских обществах вновь отмечаются элементы присваивающей экономики — охоты и рыболовства. В инвентаре вместе с бронзовыми изделиями фиксируются орудия из камня и кремня, в частности скребки. Обитатели тайги приносят и общественную структуру с развитыми родовыми отношениями, которые, возможно, начинают проявляться позднее, о чем говорят, по-видимому, многомогильные курганы в эпоху раннего железа.

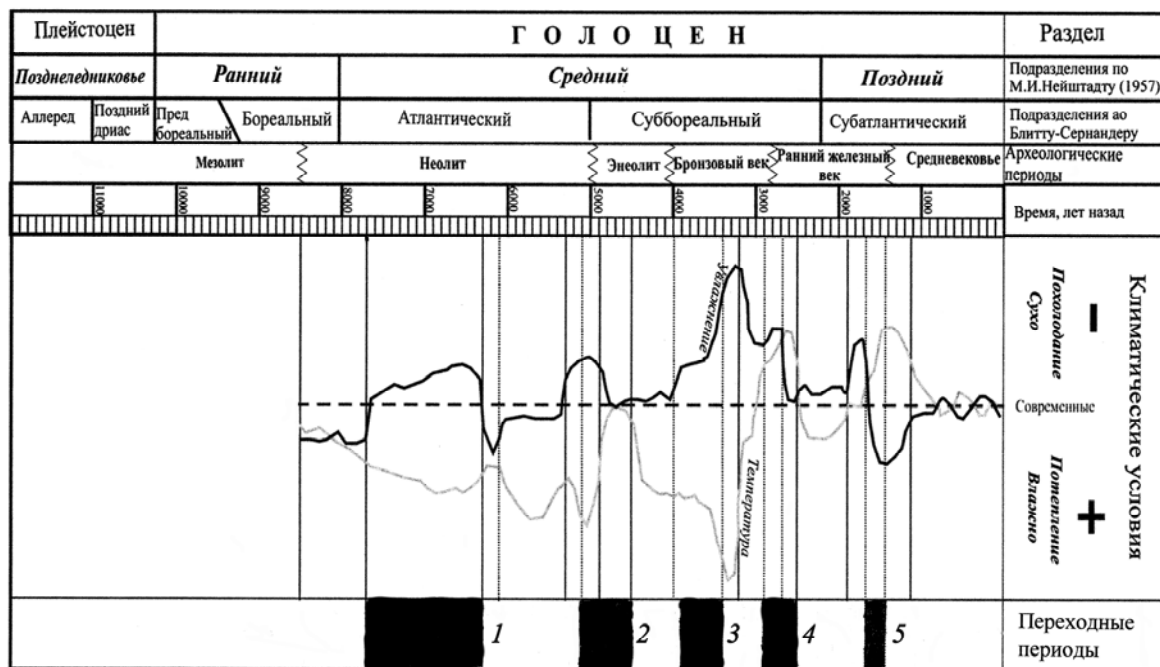

Рис. Соотношение археологических эпох, голоценовых и переходных периодов на лесостепных и южно-таежных территориях Западной Сибири:

Переходные периоды: 1 — к гребенчатому неолиту; 2 — эпохе раннего металла; 3 — поздней бронзе и производящему хозяйству; 4 — эпохе раннего железа; 5 — раннему средневековью (по [Зах и др., 2008] с добавлениями автора)

Итак, основной причиной процессов, составляющих суть переходных периодов, были климатические изменения и ландшафтные перестройки. За экологическим кризисом следовал экономический и, как правило, миграция населения. Отмечается закономерность в направлении миграционных потоков. В аридные фазы наблюдается движение из засушливых зон с запада на восток и с юга на север, в основном в западно-сибирскую лесостепь и южно-таежную зону. С началом увлажненных периодов, заболачиванием и подтоплением северотаежных территорий происходит отток населения с севера на юг и с востока на запад [Зах и др., 2008]. Вследствие миграций и «запускаются» процессы, которые определяют некоторые качественные и количественные показатели переходных периодов.

В процессе движения населения происходило смещение этнокультурных ареалов, и так как, вероятно, мигрировали не полные родовые группы, а, скорее всего, экзогамные части,— то и смешение пришельцев и аборигенов и их культурных традиций. Это достаточно хорошо фиксируется по появлению синкретичных форм и орнаментации посуды и ее распределению в жилищах на поселениях, в которых проживали носители взаимодействующих культурных традиций. Так, на ташковских поселениях Ташково 2 и ЮАО 13 в одних жилищах преобладала посуда с отступающе-прочерченными, иногда — геометрическими орнаментами, связанная, скорее всего, с петровско-алакульскими комплексами, в других — с местными, гребенчато-ямочными [Зах, 2009, с. 53, 236]. На укрепленном поселении восточного варианта иткульской культуры Карагай-Аул 1 с соприкасающимися круглой и овальной площадками на первой преимущественно встречалась керамика, более близкая к бархатовской, а на второй — к гамаюнской посуде [Зах, Зимина, 2005].

К понятию «переходный период» в археологии Западной Сибири

Взаимодействие аборигенных и пришлых групп населения представляло собой разной длительности процесс ассимиляции, как правило, многоэтапный, а в некоторых случаях быстротечный. Если рассматривать проникновение в местную среду носителей посуды с отступающе-прочерченной орнаментацией и становление гребенчатой орнаментальной традиции в неолите, то этот процесс, по нашему мнению, был особенно продолжительным и прошел несколько этапов. Гребенчатая орнаментация зарождается с появлением местного керамического производства, уже в боборыкинских комплексах, где ее доля от 2,1 до 5,5 %; в кошкинских ее количество увеличивается от 8,1 до 22,2 %. В козловских и полуденковских комплексах продолжает снижаться доля отступающе-прочерченных элементов орнамента и увеличиваться количество гребенчатых узоров — 25 и 50 % соответственно. Практически полное доминирование гребенчатой орнаментации отмечается в сосновоостровских и шапкульских комплексах. Судя по этим показателям данный период охватывает более двух тысяч лет. Причиной может быть диспропорция в численности аборигенного и пришлого населения: первое на момент начала неолитизации количественно уступало мигрантам. Потребовалось много времени, чтобы местные культурные традиции возобладали.

Длительность взаимодействия культур аборигенов и мигрантов сократилась в период становления производящего хозяйства и проникновения на юг таежных охотников и рыболовов в суббореальное время голоцена, когда местное население количественно превышало или было равно мигрирующему. Показателен в этом плане переходный период от бронзы к раннему железу. Мы уже касались вопроса о хронологической неравномерности процесса взаимодействия лесостепных позднебронзовых и таежных культур на территории Западной Сибири от Притоболья до Приобья и Присалаирья. В Барабе процесс перехода закончился на три столетия раньше и при меньшем числе этапов развития, чем на остальных рассматриваемых территориях [Зах, 2010]. Скорее всего, это связано с местоположением региона, «прикрытого» на севере труднопроходимыми Васюганскими болотами и с практически широким течением рек Чулым и Каргат и правобережных притоков Иртыша, что обусловило незначительное проникновение носителей посуды с крестовой орнаментацией. На других территориях, с меридиональными долинами Иртыша и Оби и их крупных притоков, прослеживается «полноценный» процесс ассимиляции пришлого населения, с несколькими этапами развития, более продолжительный, завершившийся появлением саргатской и большереченской (каменской) культур. Так, в Притоболье на основе позднебронзовой бархатовской и гамаюнской культуры формируется комплекс восточного варианта иткульской культуры, в котором выделены усть-устьякский, иткульский, карагай-аульский и вак-куровский этапы. Судя по материалам раннего, усть-устьякского, и иткульского этапов, между ними вероятно существование еще одного или даже нескольких этапов. А возможно, переходный период в Притоболье следует рассматривать шире, с включением в него баитовских и гороховских комплексов (до формирования саргатских на этой территории), т.е. процесс поглощения и растворения инокультурных традиций мог быть растянутым на пять столетий — с X–IX по V–IV вв. до н.э. В Барабе практически аналогичный процесс до появления саргатской культуры мог занять около двух столетий.

С продолжительностью переходных периодов непосредственно связан вопрос определения их хронологических рамок. Он должен решаться в зависимости от того, считать ли данные периоды соответствующими тем отрезкам времени, когда происходит первоначальное взаимодействие разнокультурных комплексов, или же рассматривать их в более широком хронологическом диапазоне. В первом случае «переходными» будут усть-устьякские комплексы в Притоболье, хуторборские в Приишимье и Прииртышье, материалы городища Чича 1 в Барабе и линевского этапа завьяловской культуры в Приобье и Присалаирье.

По нашему представлению, правомернее нижнюю и верхнюю границы переходных периодов соотносить с достаточно стабильными, со слабо проявляющимися и ограниченными в количестве этапами культурами. Для эпохи неолита это период от мезолитических комплексов до формирования шапкульской культуры в Притоболье, екатерининской в Приишимье, Прииртышье и Барабе, ирбинских материалов в Приобье. Для эпохи развитой бронзы Притоболья — период от байрыкской до позднебронзовой бархатовской культуры. Наиболее отчетливо очерчиваются границы переходного периода от бронзы к раннему железу в Притоболье. Нижнюю границу здесь определяют бархатовские комплексы, а верхнюю — саргатские. В этом случае начальный этап переходного периода представляют синкретичные бархатовско-гамаюнские материалы переходного времени от бронзы к раннему железу городища Усть-Устьяк 1 [Кайдалов,

Сечко, 2006]. Формирование в Притоболье баитовских комплексов, вероятно, свидетельствовало о полной ассимиляции пришлых, в данном случае гамаюнских, традиций: баитовская посуда напоминает бархатовскую, правда с достаточно сильно обедненной орнаментацией. Гороховские комплексы, на наш взгляд, свидетельствуют об окончании переходного периода и начале формирования новой стабильной культуры, просуществовавшей, по разным оценкам, от 600 до 800 лет.

Таким образом, переходные периоды в голоцене в Западной Сибири провоцировались климатическими и ландшафтными перестройками, обусловливавшими экологический и экономический кризис, за которым, как правило, следовала миграция населения. Отмечается закономерность в направлении миграционных потоков: в аридные фазы наблюдается движение населения с юга на север и с запада на восток, в основном в западно-сибирскую лесостепь и южно-таежную зону; в увлажненные периоды, с заболачиванием и подтоплением северотаежных пространств, население уходило на юг и запад. Миграции сдвигали этнокультурные ареалы, приводили к смешению и ассимиляции различных этносов и складыванию новых культурных комплексов. От количественного соотношения аборигенов и мигрантов, вступающих во взаимодействие, зависит длительность процесса перехода и число этапов развития нового (переходного) культурного образования до полного растворения в местной среде пришлых культурных традиций. Исходя из этого рамки переходного периода, видимо, более обоснованно рассматривать от начала процесса слияния двух или нескольких взаимодействующих культур до формирования новой стабильной культуры.

Сегодня накоплен значительный материал по переходному времени от бронзы к раннему железу в западно-сибирской лесостепи и южной части тайги, появились материалы по становлению неолита и производящего хозяйства, однако недостаточно исследованными остаются эпоха появления на этих территориях металла и переход к раннему средневековью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Зах В.А. Общее и частное в культурах переходного времени от бронзы к раннему железному веку лесостепи Западной Сибири // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: Материалы XV Междунар. Зап.-Сиб. археол. конф. Томск, 2010. С. 340–342.

Зах В.А. Периоды трансформаций в истории древних обществ Тоболо-Ишимья в голоцене // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 4 (19). С. 17–26.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.

Зах В.А., Зимина О.Ю. О дуальной организации древних обществ Западной Сибири // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2005. Т. 1. С. 112–119.

Зах В.А., Зимина О.Ю., Рябогина Н.Е. и др. Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. Новосибирск: Наука, 2008. 212 с.

Зданович Г.Б., Шрейбер В.К. Переходные эпохи в археологии: К методике исследования // Археологические культуры и археологическая трансформация: Материалы методол. семинара ЛОИА АН СССР. Л., 1990. С. 88–92.

Зимина О.Ю., Зах В.А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.

Илюшина В.В. Эволюция культуры лесостепной части Западной Сибири второй четверти II — середины I тыс. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. культурологии. Челябинск, 2011. 26 с.

Кайдалов А.И., Сечко Е.А. Материалы переходного времени от бронзы к железу городища Усть-Утяк-1 (по результатам исследований 2002–2004 гг.) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2006. № 7. С. 76–84.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. 294 с.

Косарев М.Ф. Географическая среда и неравномерность социально-экономического развития разных районов Западной Сибири в первобытную эпоху // ВАП. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1976. С. 3–20.

Манзура И.В. О понятии «переходный период» // Археологические культуры и археологическая трансформация: Материалы методол. семинара ЛОИА АН СССР. Л., 1990. С. 82–87.

Мезолит СССР. М.: Наука, 1989. 352 с.

Потемкина Т.М., Дегтярева А.Д. Металл ямной культуры Притоболья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2008. № 8. С. 18–39.

Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. 2. 336 с. (Материалы по археологии Сибири).

Энеолит СССР. М.: Наука, 1982. 360 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН
viczakh@mail.ru

К понятию «переходный период» в археологии Западной Сибири

The article considers a notion of transitional period in the archaeology of West Siberia. Following one of the definitions, it is an abrupt jump like transition into a new state, differing from evolutionary development stage in intensity and unrhythmical character of processes not at the cost of evolution, but at the cost of adoption. It is regarded that changing of elements has different orientation and different regularities in related cultures and heterogeneous cultures. The main reason of transitional periods in West Siberian forest-and-steppe and south taiga being climatic and landscape transformations which resulted in ecological and economic crises, migrations, interaction of hetero-ethnic cultures, and development of transitional cultures.

Transitional period, climatic changes, landscape transformation, migration, assimilation, duration and limitations of transitional period.

МАТЕРИАЛЫ ПОСЕЛЕНИЯ УК XIV (УК 6) В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ РАЗНОВРЕМЕННЫХ ТРАДИЦИЙ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИТОБОЛЬЯ¹

В.М. Костомаров

Освещены результаты археологического изучения селища Ук XIV. Полученные в ходе раскопок материалы неолита, раннего металла и позднего бронзового века дополняют наши представления о древних культурах, и в частности позволяют обратиться к актуальным проблемам их генезиса.

Поселение Ук XIV, байрыкская культура, эпоха раннего металла, пахомовская культура, переходные периоды.

Поселение Ук XIV расположено в Заводоуковском районе Тюменской области, в 3 км к юго-западу от г. Заводоуковска. Топографически поселение приурочено к останцу современной левобережной террасы р. Ук, с севера площадка поселка ограничена древним пересохшим руслом этой реки.

Памятник был открыт И.В. Усачевой (Жилиной) в 1982 г. По данным исследователя, он занимает возвышенную площадку мыса и состоит из 17 впадин округлой в плане формы, размерами до 11–12 м, глубиной до 2 м. При шурфовке получена керамика пахомовской культуры бронзового века [Жилина, 1982, с. 24–25]. Несколькими годами позже окрестности г. Заводоуковска были обследованы А.С. Сергеевым, который повторно зафиксировал памятник, обозначив его как «поселение Ук 6», и датировал неолитом — бронзовым веком [Сергеев, 1987]. В 2002 г. объект исследован Т.С. Измер [2003, с. 17]. В археологической литературе, связанной с изучением боборыкинской культуры, эпох неолита и энеолита, пахомовских древностей, селище упоминается под названием, данным А.С. Сергеевым [Васильев и др., 1993; Потемкина и др., 1995; Ковалева, Зырянова, 2010, с. 117; Корочкова, 2009, 2010]. Однако в местных органах охраны памятников оно учтено как «поселение Ук XIV». В 2010 г. в результате работ по инвентаризации объектов историко-культурного наследия Заводоуковского района, во-первых, зафиксировано современное техническое состояние поселения: на нем имелись разрушения культурного слоя в виде траншеи в одной из западин и раскопа, информация о котором отсутствует в источниках. Позднее удалось установить, что в начале 1991 г. поселение изучалось силами Самарского и Павлодарского институтов при участии В.И. Стефанова [Васильев и др., 1993, с. 22–23; Ковалева, Зырянова, 2010, с. 117]. Во-вторых, ликвидирована путаница с названием поселения — корректным признано наименование «поселение Ук XIV», данное первооткрывателем И.В. Жилиной (Усачевой).

В 2011 г. сотрудниками лаборатории археологии ИПОС СО РАН на памятнике был заложен раскоп площадью 126 м², захвативший две западины, располагавшиеся в восточной части поселения. Причинами, побудившими нас обратиться к раскопкам данного селища, были пробелы в исследовании ряда аспектов общностей раннего металла и андронидных культур. Ключевой остается проблема происхождения и эволюции ямочных и гребенчато-ямочных компонентов в доандроновских культурах лесостепи и возрождение этих черт в пахомовских традициях декора посуды. Кроме того, изучение еще одного памятника с пахомовским культурным слоем в границах укского микрорайона, где уже известно порядка десяти поселений с аналогичными материалами, поможет уточнить внутреннюю хронологию культуры и дополнить ее основные характеристики.

В ходе изучения поселения подтвердилась информация о том, что его площадь в древности заселялась неоднократно. Были встречены артефакты, связанные с боборыкинской, байрыкской, пахомовской и саргатской культурами. Часть из них единичны (неолит, ранний железный век). Удалось зафиксировать два сооружения, имевшие хозяйственно-бытовое назначение,

¹ При финансовой поддержке гранта «Механизмы и содержание трансформаций и преемственного развития древних обществ Тоболо-Ишимья» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

Материалы поселения Ук XIV (Ук 6) в контексте изучения разновременных традиций...

оставленные боборыкинским населением. В одном из них обнаружена яма диаметром 0,6 м и глубиной от дна постройки 0,8 м. Над котлованами построек неолитического времени зафиксированы невыразительные байрыкские сооружения, также выявлено несколько хозяйственных ям этого периода. Стратиграфически и планиграфически выделяется часть пахомовского сооружения. К эпохе раннего железа относится проквал, обнаруженный в верхних горизонтах культурного слоя.

Самый ранний культурно-хронологический комплекс на площади поселения датируется эпохой неолита и относится к боборыкинской культуре. Керамический комплекс малочислен, представлен семью фрагментами шеек различных сосудов, практически все они были обнаружены в заполнении хозяйственно-бытовых сооружений. Керамика толстостенная, изготовлена достаточно небрежно. Основные раппорты — прямые прочерченные линии, различного рода штампы. Сосуды имеют плоское дно. Все они хорошо атрибутируются и аналогичны тем, что найдены в части поселка, исследованной ранее [Ковалева, Зырянова, 2010, рис. 74–80]. Детальные типологическая, морфологическая и технологическая характеристики неолитического материала поселения Ук XIV опубликованы, поэтому мы не будем останавливаться на них подробно [Ковалева, Зырянова, 2010]. С боборыкинской культурой связан немногочисленный инвентарь, представленный ножевидными пластинами со следами сработанности и без них, а также несколькими отщепами. В научный оборот введены результаты трасологического анализа орудий, обнаруженных при исследовании памятника в 1991 г. Согласно им, орудийный набор характеризуется высокой степенью утилизации большинства предметов, часть из которых полифункциональна [Васильев и др., 1993, с. 22–23]. Исследованные постройки, связанные с описанным выше материалом, имеют сравнительно небольшие размеры, что не характерно для боборыкинских жилых сооружений. По этой причине зафиксированные нами объекты интерпретированы как вспомогательные, хозяйственные, скорее всего примыкавшие к жилищам, расположенным неподалеку.

Следующий этап обитания поселка связан с населением байрыкской культуры. Ее комплекс является самым многочисленным. Керамика байрыкского типа насчитывает более 120 обломков, для статистического анализа были отобраны крупные фрагменты 73 емкостей. Выборка неоднородна и включает несколько групп, а именно: емкости, декорированные короткой гребенкой в сочетании с рядами или рядом ямок; тонкостенную посуду, украшенную ложношнуровыми орнаментами; сосуды, орнаментированные накольчатой и отступающе-накольчатой техникой в сочетании с длинной гребенкой (табл.). Большее количество посуды — тонкостенные банки с толщиной стенки 0,3–0,5 см. С внутренней стороны у ряда сосудов фиксируется наплыв, венчики орнаментированы как снаружи, так и изнутри, нередко их края имеют волнистую форму. Дно у емкостей круглое. Глиняное сырье, из которого лепились сосуды, характеризовалось значительной долей песка: черепки имеют своеобразную шероховатую поверхность и во влажных условиях сильно деформировались.

Характеристики керамического комплекса байрыкской культуры поселения Ук XIV

	Количество	%
Техника орнаментации		
Отступающе-накольчатая	1	0,7
Короткая гребенка	40	29,2
Длинная гребенка	15	11,0
Ямки	51	37,2
Элементы орнамента		
Геометрические фигуры короткой гребенкой	14	0,8
Геометрические фигуры длинной гребенкой	9	6,6
Ложношнуровая	9	6,6
Треугольники	2	1,5
Зигзаг	2	1,5
Линии	11	8,0
Сетка	1	0,7
«Качалка»	2	1,5

Украшения укской керамики лаконичны и не демонстрируют высокого количества. В целом керамика находит аналогии в материале ряда памятников Притоболья — могильника Бузан 3, поселений Двухозерное 1, Байрык-Иска, Усть-Суерка 4, Кочегарово 1 [Матвеев и др., 1997; Волков, 2002; Зах и др., 2008, с. 78].

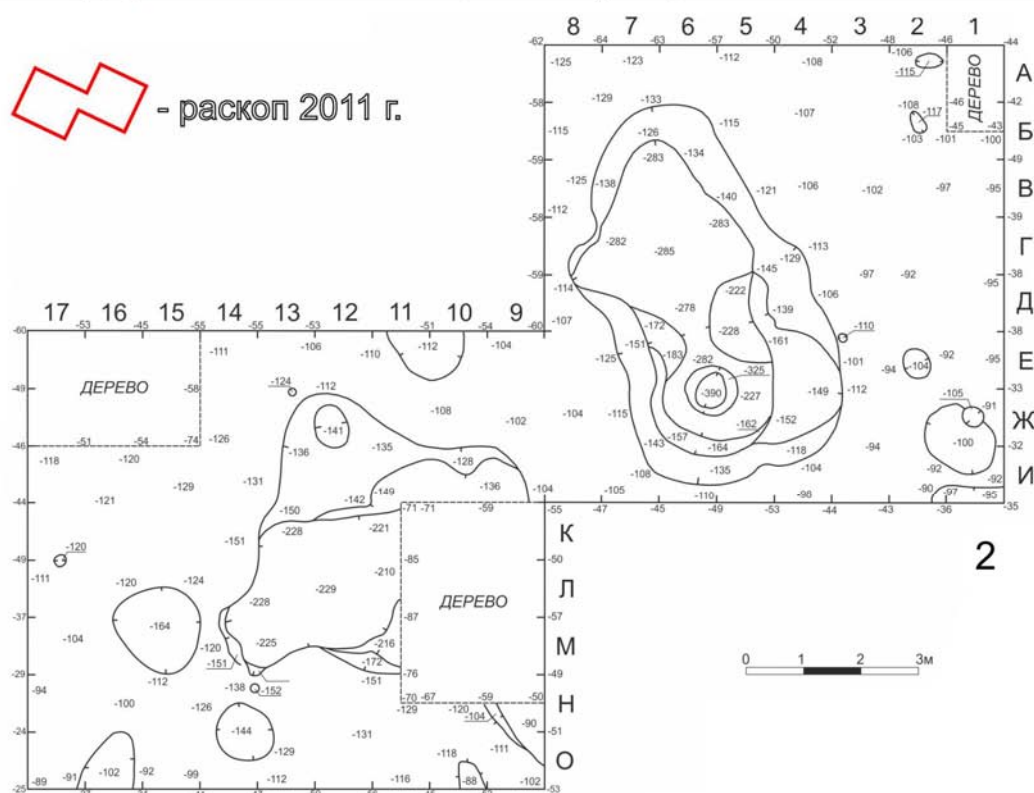
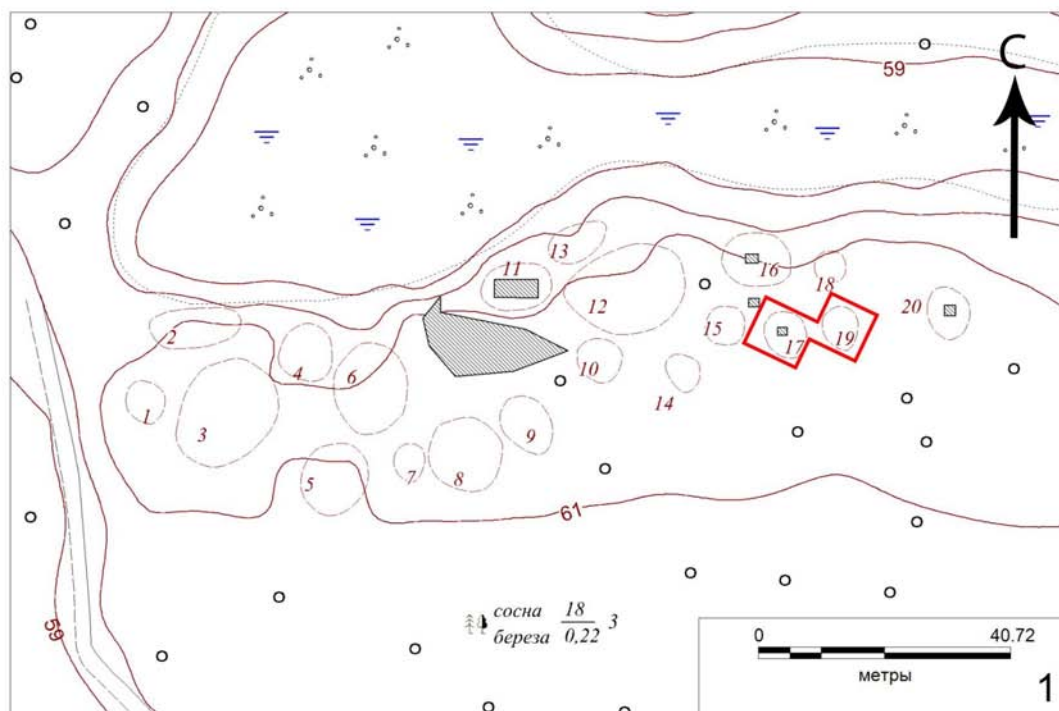

Рис. 1. План поселения Ук XIV (1) и план по матрику (2) (исследования 2011 г.)

Материалы поселения Ук XIV (Ук 6) в контексте изучения разновременных традиций...

С керамическим комплексом байрыцкого облика достоверно можно связать лишь небольшую часть инвентаря из верхних и средних горизонтов: пять шлифованных каменных тесел, обломок булавы, иволистный наконечник стрелы, так называемые рожковые глиняные грузила с разветвлениями на концах. Данные предметы также имеют аналоги в материалах других байрыцких памятников. Булава по материалу и принципу изготовления близка к подобному изделию с могильника Бузан 3 [Матвеев и др., 1997]. Практически во всех горизонтах были обнаружены ножевидные пластины, концевые скребки и отщепы; основным материалом, из которого изготовлены эти орудия, — яшма, кремль. Их хронологическая атрибуция в силу многослойного характера памятника и сходства технологических приемов камнеобработки в эпоху неолита-энеолита затруднительна (рис. 1). Совместно с байрыцкими материалами встречены единичные обломки сосудов липчинской и шапкульской культур.

В эпоху поздней бронзы на территории памятника проживали пахомовские группы. Пахомовская керамика селища Ук XIV имеет типичный андронидный облик и находит аналогии на ряде памятников этой культуры в Тоболо-Ишимье (Ботники 1, Оськино Болото, Ново-Шадрино VII, Большой Имбиряй 10 [Матвеев, Чукунова, 1999; Ткачев, 2006; Корочкова и др., 1991; Матвеев, Костомаров, 2011]). Количество сосудов невелико, девять фрагментов шеек. Отмечаются типичные для пахомовского декора элементы — наклонные оттиски гладкого и гребенчатого штампа, ямки, сетка, валики и каннелюры. Также обнаружен небольшой неорнаментированный сосуд, напоминающий рюмку. Так как раскопом 2011 г. удалось зафиксировать лишь небольшую часть пахомовской постройки, вычленяемой только стратиграфически, планиграфически и по скоплению характерных находок, говорить о конструктивных особенностях сооружений не представляется возможным. В выделенных горизонтах помимо керамики встречены три целых экземпляра и два обломка грузил традиционной для поздней бронзы формы, с двумя перекрещивающимися желобками. Один из наиболее ценных артефактов — каменный молоток, который использовался в процессе металлообработки, а именно для доводки и правки изделий из бронзы². Кроме того, с позднебронзовым комплексом связаны обломки неатрибутированных каменных орудий со следами пришлифовки, забитости.

С саргатским временем, как мы уже упоминали, связаны лишь очаг и два сосуда, один из которых представляет собой миниатюрную неорнаментированную емкость.

Самый представительный из исследованных комплексов поселения Ук XIV сопоставим с так называемым байрыцким типом (этапом), выделенным для Притоболья ранее М.Ф. Косаревым, а также с теми группами гребенчато-ямочного энеолита, которые были достаточно хорошо описаны ученым [1981, с. 53–62]. Обращаясь к историографии байрыцких древностей, можно констатировать наличие двух основных точек зрения на атрибуцию материалов культуры и, как следствие, на историко-культурную ситуацию на территории Притоболья в рассматриваемый хронологический отрезок. По мнению В.А. Заха [2009, с. 220–224], байрыцкая посуда — круглодонная, с закрытым верхом. Орнамент, как правило, покрывает всю поверхность сосуда, нанесен оттисками гребенчатого штампа и наколов. Из мотивов декора исследователь отмечает горизонтальные и вертикальные линии, зигзаги, наклонные линии и различные геометрические узоры, край венчика декорирован одним или двумя рядами ямок. Е.Н. Волков по материалам поселений Двухозерное 1, Лыбаево 5 для данного региона выделил памятники лыбаевского типа [2002]. Суть дискуссии сводится к различному пониманию концепции генезиса культур энеолита Притоболья, что выражается в выделении в однородных комплексах различного количества керамических типов.

Присутствие на поселении артефактов липчинского и шапкульского типа в сочетании с сосудами, украшенными короткой и длинной гребенкой, позволяет нам говорить об отдельных временных отрезках, когда имело место сосуществование этих групп населения. Совместное залегание перечисленных древностей подтверждается данными с других энеолитических памятников, при этом некоторые исследователи отмечают хронологический приоритет шапкульского населения над байрыцким [Волков, 2006, с. 29–33]. М.Ф. Косарев, описывая различные культурные образования, приводит материал одних и тех же памятников, но разделяет их на комплексы по типологии орнамента — так называемые короткогребенчатые, длинногребенчатые и гребенчато-ямочные [1981, с. 35, 38–41, 55]. Учитывая стратиграфическое разделение, можно лишь предполагать формы их взаимодействия, но ученым не упоминаются факты, свидетельст-

² Трасологическое и типологическое определение предмета произведено Ю.В. Костомаровой.

вующие о четком хронологическом разграничении этих комплексов, поэтому допустима точка зрения об их сосуществовании.

При оценке степени взаимодействия этих культурных групп нужно учитывать, что материалы шапкульского, липчинского и байрыкского типов на всех поселениях четко диагностируются, синкретичные формы отсутствуют. Учитывая, что разнокультурные артефакты получены из всех горизонтов культурного слоя поселения, можно говорить, во-первых, о гомогенности каждой традиции, во-вторых, о многокомпонентности состава жителей данного поселка либо о регулярных интенсивных контактах между ними.

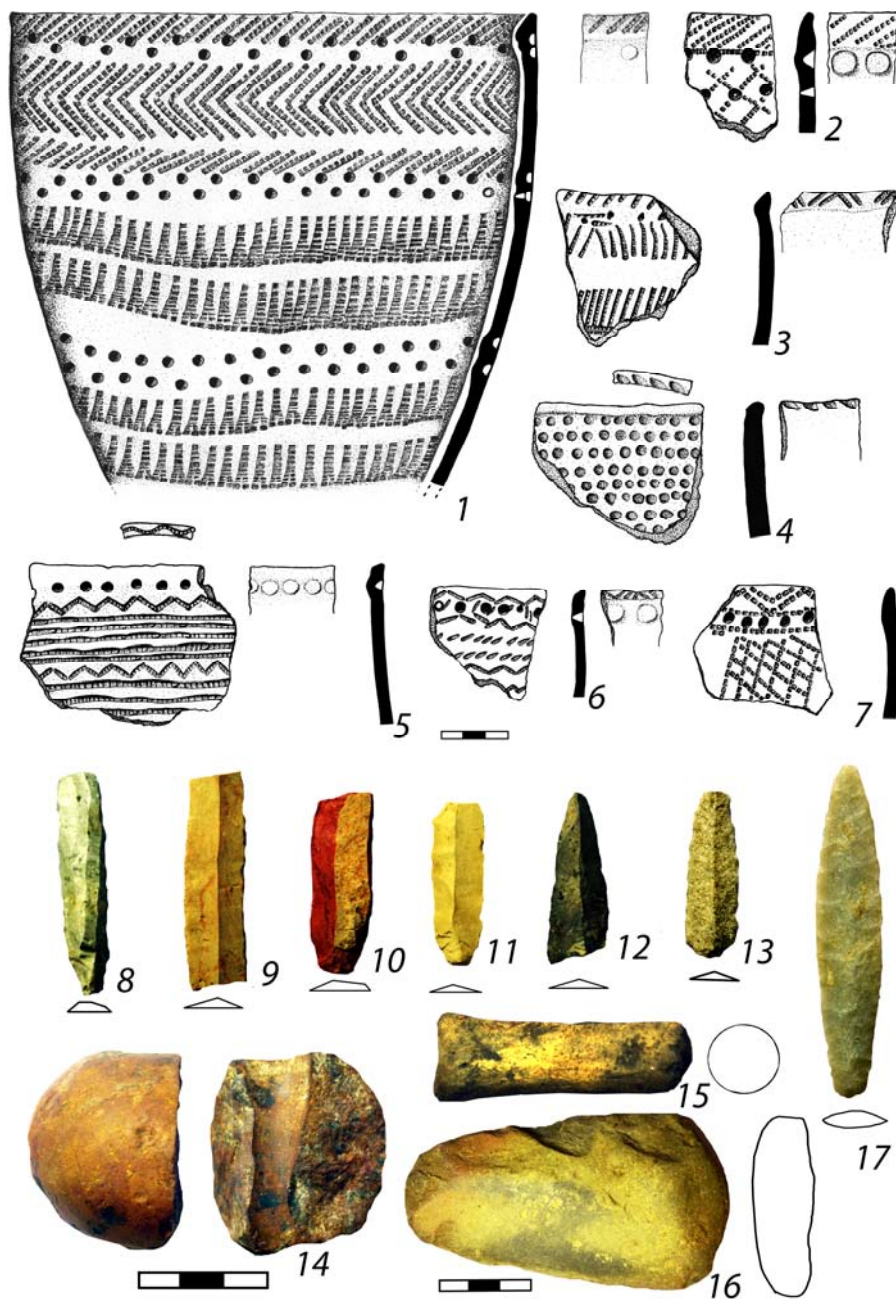

Рис. 2. Керамика и инвентарь байрыкской культуры с поселения Ук XIV

Материалы поселения Ук XIV (Ук 6) в контексте изучения разновременных традиций...

На основании стратиграфических и планиграфических наблюдений за совместным залеганием разнокультурной керамики можно в рамках байрыкского культурно-хронологического горизонта объединить не только комплексы, описываемые В.А. Захом как байрыкские и Е.Н. Волковым как байрыкско-лыбаевские, но и собственно позднешапукульские и постбайрыкские древности с локализацией их в лесостепных и подтаежных районах Притоболья.

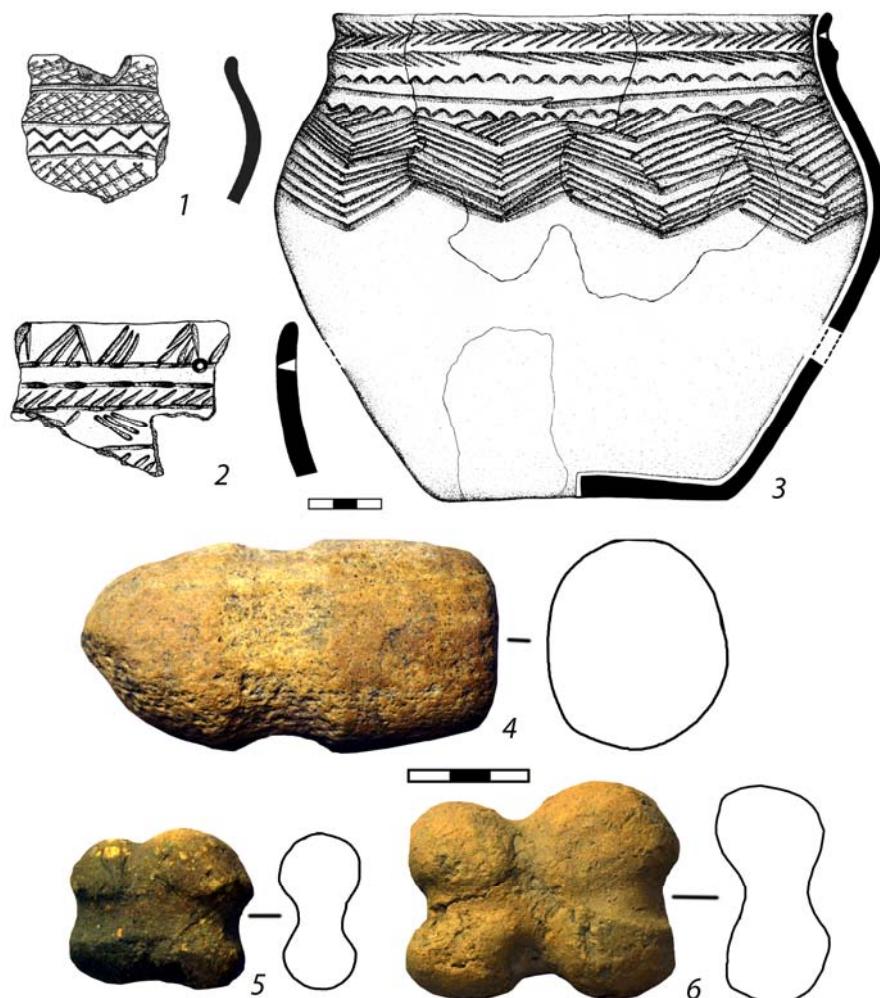

Рис. 3. Керамика и инвентарь пахомовской культуры поселения Ук XIV

Учитывая географическую специфику Притоболья как места транзита и смешения многих транспортных потоков, идущих с Урала по рр. Исеть и Тобол, а также их притокам, можем говорить об интенсивном культурном обмене в среде населения эпохи раннего металла. При этом окрестности слияния рр. Ук, Тобол и Исеть находятся в рамках микрорегиона, где керамические традиции имеют уникальные черты, которые проявляются не только на материалах энеолита.

Остается открытым вопрос об автохтонном происхождении того гребенчато-ямочного компонента, который присутствует на значительной группе посуды, относимой к байрыкской. Впоследствии этот компонент ярко проявляется в материалах ташковской культуры, а некоторые из приемов декора сосудов поселения Ук XIV вполне можно ассоциировать с раннеташковскими, которые в последующем были присущи ташковской культуре.

Позднебронзовые материалы данного селища, несмотря на их малочисленность, дополняют источниковый фонд, позволяя поднять вопрос о развитии андроновидной традиции в рамках микрорегиона устья р. Ук. Помимо материалов селища Ук XIV, уже хорошо изучены памятники с более представительным пахомовским горизонтом — поселение Ук 3, городище Заводоуковское XI, предположительно селище Ук 5. В радиусе 30 км от этого места известны пахомовские

селища Большой Имбиряй 10, Большой Имбиряй 2, Оськино Болото [Корякова и др., 1991; Аношко, Агапетова, 2010; Матвеев, Костомаров, 2011; Ткачев, Ткачева, 2006]. Таким образом, можно говорить о высокой плотности пахомовских селищ в границах ареала. Дополнительные аргументы получены в пользу точки зрения о хронологической дифференциации пахомовских памятников. Материалы селища Ук XIV, по мнению автора, можно соотносить с развитыми этапами пахомовской культуры.

Обращаясь к генезису пахомовских древностей в Притоболье, отметим, что наиболее актуален вопрос возникновения черт декора, наиболее близких с так называемым гребенчато-ямочным компонентом. Некоторые из элементов ярко представлены в энеолитических комплексах данного региона, отчасти их можно встретить в ташковских материалах, но прямой связи с этими группами населения ни федоровское, ни собственно пахомовское население не имело. Несомненно, культурная основа гребенчато-ямочного декора известна в Тоболо-Ишимье с эпохи раннего металла [Зах, 2009; Косарев, 1981].

Поздний этап эпохи бронзы и ранний металл разделяет не одно столетие, поэтому точку зрения о возрождении или трансляции гребенчато-ямочного компонента из глубины времен [Корочкова, 2010] мы рассматриваем как рабочую гипотезу, слабо подкрепленную фактическим материалом. Наиболее вероятно, что специфический облик пахомовской культуры складывался под влиянием таких факторов, как естественное развитие федоровского населения, формирование черкаскульских комплексов и изменяющиеся климатические условия [Зах и др., 2008], которые, возможно, вызвали некоторые миграционные потоки с северных и южных территорий, где гребенчато-ямочные традиции декора продолжали существовать.

Таким образом, на данный момент мы видим несомненную необходимость в исследовании поздних периодов энеолита на территории лесостепи Тоболо-Ишимья. По-прежнему остается открытым вопрос о доле участия в формировании раннебронзовых культур носителей байрыкских традиций. Кроме этого, материалы подобных памятников интересны и с точки зрения определенных эталонов освоения пространства в различные эпохи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аношко О.М., Агапетова Т.А. Новые данные по пахомовской культуре в Тоболо-Исетье // Андроновский мир. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2010. С. 118–136.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А., Горащук И.В., Зайберт В.Ф. Поселение Ук VI и проблема боборыкинской культуры // УАС XII. Екатеринбург, 1993. С. 22–23.
- Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 319 с.
- Зах В.А., Зимица О.Ю., Рябогина Н.Е., Скочина С.Н., Усачева И.В. Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. Новосибирск: Наука, 2008. С. 212.
- Волков Е.Н. Энеолитический комплекс поселения Двухозерное-1 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. Вып. 4. С. 57–70.
- Волков Е.Н. Лыбаевские древности лесостепного Притоболья (эпоха энеолита) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2006. № 7. С. 22–35.
- Жилина И.В. Отчет об археологической разведке по Ялуторовскому и Заводоуковскому районам Тюменской области в 1982 г. Тюмень, 1983 // Архив ИГИ ТюмГУ. № 1/256.
- Измер Т.С. Отчет о разведочных работах в Заводоуковском районе Тюменской области в 2002 г. Тюмень, 2003 // Архив ИГИ ТюмГУ. № 1/294.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург: Учеб. кн., 2010. 308 с.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. 278 с.
- Корочкова О.Н. Пахомовская культура // Археология, этнография, антропология Евразии. 2009. № 3. С. 75–84.
- Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). Екатеринбург: УралЮрИздат, 2010. 104 с.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья (по материалам работ УАЭ) // ВАУ. Екатеринбург: УрГУ, 1991. Вып. 20. С. 70–92.
- Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Проблемы методики исследований древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук III. Препр. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. 72 с.
- Матвеев А.В., Зах В.А., Волков Е.Н. Исследование энеолитического могильника Бузан-3 в Ингальской долине // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1997. Вып. 1. С. 156–158.

Материалы поселения Ук XIV (Ук 6) в контексте изучения разновременных традиций...

Матвеев А.В., Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 1 (14). С. 46–55.

Матвеев А.В., Чикунова И.Ю. Поселение Ботники 1в на Нижней Исети // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. Вып. 2. С. 44–50.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). М.: ПАИМС, 1995. 207 с.

Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Культурные комплексы поселения Оськино Болото (по материалам раскопок 2005 г.) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. 2006. № 7. С. 241–248.

Сергеев А.С. Отчет о работе разведочного отряда в Свердловской и Тюменской областях в 1987 // Архив ИА РАН. Р-1, № 12316.

*Тюмень, ИПОС СО РАН
vkostomarov@yandex.ru*

The article presents results of archaeological studies with regard to settlement of Uk XIV. Materials obtained in the course of excavations and dating back to the Neolithic, the Eneolithic, Early Iron Age and Late Bronze Age make it possible to enlarge our knowledge about bearers of ancient cultures and basing on the new material, address to urgent questions of their genesis.

Settlement of Uk XIV, the Bajryk culture, Early Iron Age, the Pakhomovo culture, transitional periods.

ДЕТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА (IV–II вв. до н.э.)¹

Н.А. Берсенева, А.Х. Гильмитдинова

Статья посвящена детским погребениям ранних кочевников Южного Урала (IV–II вв. до н.э.). Предложенное исследование показало принципиальную возможность изучения социализации детей по археологическим данным. Абсолютное большинство захоронений детей до 5 лет являются гендерно-нейтральными в терминах погребального инвентаря. Процесс вовлечения детей в виды деятельности, требующие применения оружия, крайне скудно отражен в погребальном источнике. Гендерная социализация, вероятно, начиналась в возрасте 3–5 лет. Судя по всему, этот процесс завершался к 15–18 годам формированием взрослого индивида.

Ранний железный век, Южный Урал, детские погребения, социализация детей.

Погребения детей все чаще становятся предметом научного анализа в археологии. Очевидно, что палеосоциальные реконструкции не могут быть признаны адекватными без включения в них такой крупной социальной группы, как дети. Детство — это стадия, которую переживает каждый член человеческого коллектива, и в древности для многих индивидов она была единственной. Само выживание социума в конечном счете зависело от рождения и социализации детей, передачи им хозяйственных и культурных норм. Категория индивидов возрастом до 15 лет численно заметно превалировала в древности над другими возрастными группами. Древние сообщества, в отличие от современных, были достаточно «молодыми». Следовательно, и значительная часть повседневной деятельности была возложена на тех, кого мы сегодня привыкли считать детьми. Доказательства этому легко найти среди этнографических материалов, археологи также успешно работают в указанном направлении [Kamp, 2001; Bagwell, 2002; Куприянова, 2008; Берсенева, 2010б; Епимахов и др., 2012; и т.д.]. По многим археологическим культурам имеется достаточная база для исследования. Методы и теоретические подходы к анализу детских погребений хорошо разработаны в современной западно-европейской и американской археологии [Scott, 1999; Baxter, 2005; Lucy, 2005; Crawford and Lewis, 2008].

С археологической точки зрения при изучении детей как социальной категории существует ряд проблем, среди которых главной является частая недопредставленность детей в погребальных контекстах и их «невидимость» в поселенческих материалах. Несмотря на то что дети, вероятно, были включены в хозяйственную деятельность сообщества с максимально раннего возраста, они не были основными производителями в экономической сфере, равно как и главными действующими лицами в обрядовых, военных, обменных и прочих мероприятиях.

Целью настоящей работы является рассмотрение возможностей социальной интерпретации детства среди кочевого населения Южного Урала в эпоху раннего железа на основе археологических источников. Интересно попытаться проследить этапы возрастной и гендерной социализации, стадии приобщения детей к хозяйственной и военной деятельности и в целом по возможности прояснить отношение исследуемого общества к детям.

Гендерной социализацией называют «процесс усвоения индивидом культурной системы гендера того общества, в котором он живет»². Во всех обществах мальчиков и девочек социализируют по-разному. Иногда дифференциальная социализация начинается прямо от рождения, как во многих современных обществах, иногда, как известно из этнографии и истории, — несколько позже [Байбурун, 1991; Бочаров, 2001]. Усваиваются прежде всего коллективные, общезначимые нормы, так называемые *гендерные стереотипы*, которые представляет собой устоявшееся мнение о личностных качествах групп людей. Гендерные стереотипы приписывают им различные типы поведения, качества и интересы в соответствии с биологическим полом.

¹ Работа выполнена в рамках интеграционного проекта УрО РАН и СО РАН «Культура, социум и человек в эпоху палеометалла (Урал и Западная Сибирь».

² Выделяются две фазы гендерной социализации: адаптивная (внешнее приспособление к существующим гендерным отношениям, нормам и ролям); интериоризации (сущностное усвоение мужских и женских ролей, гендерных отношений и ценностей) [Словарь гендерных терминов, 2002].

Детские погребения ранних кочевников Южного Урала (IV–II вв. до н.э.)

Это означает, что у каждого члена сообщества есть представления о том, что мужчинам и женщинам свойственны определенные наборы конкретных качеств и моделей поведения, и о том, какое именно поведение считается правильным для представителя той или иной гендерной категории [Берн, 2007, с. 21–22].

Гендерная социализация является одним из важнейших направлений социальной адаптации, с которой прямо связаны получение и обработка информации об окружающей социальной среде. Гендерная и возрастная социализации неразрывно связаны, поскольку ребенок не просто вырастает во взрослого, но воспитывается в рамках определенных гендерных стереотипов и норм. Этапы гендерной/возрастной социализации могут сопровождаться изменениями внешнего облика индивида — от одежды и прически до разрешения использования и/или ношения определенных предметов — украшений, оружия, аксессуаров. Археологически существование таких материальных маркеров гендера и/или возраста может быть выявлено исследованием остатков погребальных ритуалов.

Материалы могильников, по нашему мнению, могут содержать информацию об этапах социализации детей, в первую очередь возрастной (процесс становления ребенка полноправным взрослым) и гендерной (процесс включения его в гендерные категории мужчин и женщин). Социализация, связанная с вовлечением ребенка в экономическую/военную деятельность, также может быть исследована, при условии что она нашла материальное отражение в археологическом памятнике. С другой стороны, нельзя забывать, что, ограниченная лишь погребальными источниками, археология обычно видит детей только как объекты действий со стороны взрослых и наблюдает материальные остатки ритуалов, которые выполнялись взрослыми для их умерших детей.

Но даже с учетом того факта, что облик детского захоронения, несомненно, формируется взрослыми, оно может содержать информацию, позволяющую судить о принципах социализации, так как этот процесс также происходит под влиянием взрослых. Кроме того, детские останки сами по себе являются источником, и их антропологическое исследование может послужить независимым свидетельством отношения общества к детям.

Неясен вопрос верхней границы «детства», связанный не только с точностью определения возраста, но и с социальными коннотациями, специфичными для каждого общества и нам совершенно неизвестными. Нет ясности относительно категории «подростки», ранее часто встречавшейся в литературе. Сейчас очевидно, что это недавнее понятие, перенесенное современными исследователями на древность. Социальной группы «подростков» в нашем понимании, подразумевающей долгий переходный период от детства к полной взрослости, в традиционных обществах, вероятнее всего, не существовало. Но биологический «переходный период» полового и социального созревания присутствовал, безусловно, и в то время, как и соответствующая ему возрастная группа, как бы мы ее не называли. Термины, как нам представляется, не следует абсолютизировать, при условии разъяснения, что под ними понимается³.

В отечественных палеосоциальных исследованиях за основу берутся довольно дробные разбивки на возрастные группы [Матвеева, 2005, с. 141; Дашковский, Тишкин, 2005, с. 83–84; Алексеев, Дебец, 1964, с. 39]. Но часто точность определения возраста скелетных останков не позволяет идти этим путем. Поэтому в нашей работе мы опирались на самое простое трехчастное деление жизненного цикла, принятое в демографии: «не-взрослые», или «дети» (до 15 лет), «взрослые» и «старшие взрослые» (после 45–50 лет) [Chamberlain, 2006, p. 16]. Таким образом, в категорию *дети* были включены все индивиды, чей возраст смерти не превышал 15 лет. Эта группа характеризуется физической и социальной незрелостью, зависима от взрослых; ей присущ самый высокий уровень смертности среди всех возрастных классов [ibid., p. 16–17]. Чтобы попытаться проследить процесс взросления с максимально возможной корректностью, мы ввели также дополнительную возрастную группу — «подростки», объединяющую индивидов, умерших в возрасте от 15 до 18 лет.

Детские погребения ранних кочевников Южного Урала никогда ранее специально не изучались. Предложенная работа базируется на опубликованных данных могильников, где возраст

³ Термины, по мнению Я. Ходдера, должны быть условными стартовыми точками, всегда открытыми для переоценки. Они являются лишь словами, значение которых во многом зависит от особенностей данного языка и культуры в целом. За некоторыми определениями стоит фактически только создаваемая концепция (на «нашем» языке), которая всего лишь помогает *начать* понимать древние социальные связи и конструкции, отличные от «наших» собственных [Hodder, 1997, p. 77].

останков был определен антропологами. Для анализа были отобраны погребения раннесарматского времени (IV–II вв. до н.э). Базой исследования послужили материалы 24 курганных могильников (более 350 погребений). Из них 92 скелета из 85 могильных ям принадлежали индивидуам до 15 лет (возраст смерти в годах определен для 56) и 19 — индивидуам от 15 до 18 лет (17 могильных ям, возраст определен для 10 умерших). Нужно отметить, что в ряде публикаций, несмотря на то что материал обрабатывался антропологами, точный возраст некоторых погребенных детей не приводится. В целях максимального привлечения материала в оговоренных случаях в выборки включались погребения без антропологической идентификации, определенные автором раскопок как «детские», если этому не противоречили размеры ямы и рисунок погребения [Пшеничнюк, 1983]. Это допущение было сделано лишь в отношении маленьких детей, поскольку так называемых подростков отличить от взрослых без профессиональной идентификации невозможно.

Детские погребения (0–15 лет)

Детские погребения, как правило, локализуются на периферии подкурганного пространства. Большинство детей были захоронены в индивидуальных могильных ямах. Двойные погребения (ребенка вместе с взрослым) достаточно редки — всего пять случаев: два — с женщинами, три — с мужчинами. Кроме того, в пяти крупных коллективных погребениях (где было захоронено более трех покойных) среди взрослых останков были встречены детские. Парных детских захоронений всего три, тройных нет.

Прохоровские детские погребения характеризуются сравнительным разнообразием типов погребальных конструкций. Типологически могильные ямы делятся на катакомбы (10 случаев), подбойные (27) и простые (48) ямы (рис. 1).

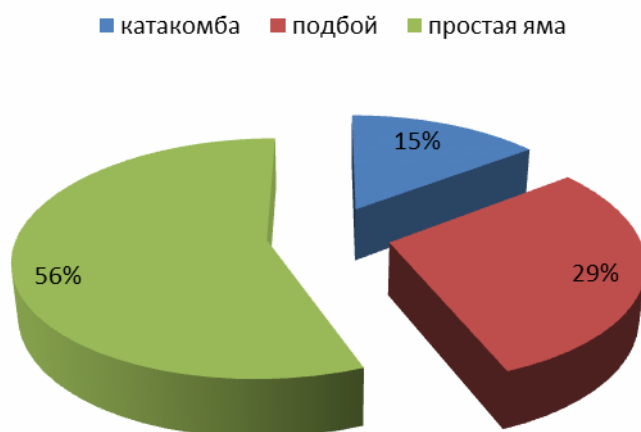

Рис. 1. Типы могильных ям

Таким образом, довольно значительное количество детей погребалось в раннесарматское время в могильных ямах сложной конструкции и большой глубины: 37 могил устроены в подбоях и катакомбах (44 %), что достаточно много, так как для взрослых этот процент составляет примерно 47,1 %. Остальные умершие дети были захоронены в простых ямах.

Пятая часть детских могил (20 %) достоверно не содержала сохранившегося погребального инвентаря. Судя по тому, что взрослых погребений без инвентаря всего 3 %, снабжение детей сопроводительными предметами было, видимо, менее обязательно. В 25,6 % детских могил найдены *только* посуда и кости животных.

Керамическая посуда зафиксирована в 47 детских погребениях (более 50 % от всех могильных ям). Кроме лепных сосудов, коллекция содержит семь гончарных экземпляров и одну деревянную чашу. Форма разнообразна: круглодонные, плоскодонные горшки, фляги и кувшины. Максимум в детском погребении было встречено четыре сосуда.

Сопроводительная пища представлена частями туш мелкого рогатого скота (28 случаев), единожды были обнаружены кости лошади и коровы.

Детские погребения ранних кочевников Южного Урала (IV–II вв. до н.э.)

Не считая посуды, наиболее частой находкой в детских погребениях являются украшения, преимущественно это бусины (выявлены в 29 погребениях), которые сопровождали детей всех возрастов. В двух случаях найдены железные перстни. Браслеты представлены двумя бронзовыми и двумя золотыми изделиями. Бронзовые зеркала обнаружены в четырех погребениях. Находки золотых колечек, подвесок, бляшек и пронизей значительных серий не составляют.

Предметы вооружения редко встречаются в детских погребениях. Оружие было найдено в 10 детских захоронениях (9,2 %), предметы упряжи не обнаружены. Оружие представлено кинжалами, наконечниками стрел и мечами. Мечами сопровождался два индивида возрастом до 15 лет. В одном случае меч найден рядом с ребенком 12 лет [Курганы ..., 1995, с. 11], в другом — с ребенком 5–7 лет, правда, не совсем ясно, кому принадлежал инвентарь: ребенку или погребенной рядом женщине [Железчиков и др., 2006, с. 13]. Железные кинжалы также обнаружены в двух случаях: один сопровождал умершего 12 лет, которому также был положен колчан с 40 стрелами [Курганы..., 1995, с. 34], другой — ребенка 5–7 лет [Железчиков и др., 2006, с. 29]. Наконечники стрел найдены в шести погребениях, включая упомянутое выше. Среди них — два колчанного набора, остальные представляют собой единичные экземпляры — от трех до семи штук.

Из предметов быта хорошо представлены железные ножи и пряслица. Все ножи однолезвийные, небольших размеров. Всего их насчитывается восемь экземпляров. Пряслица найдены в четырех погребениях. Остальные артефакты из детских погребений представлены единичными экземплярами: костяные ложечки (три случая), куски мела, речные гальки, камешки, кристаллы горного хрусталя и т.д.

Погребения «подростков» (15–18 лет)

Как уже упоминалось выше, эта выборка скромна по размерам (17 могильных ям). Лишь в пяти случаях оказалось возможным установить пол умерших. Всего идентифицированы четыре женщины и один мужчина.

Индивиды этой возрастной группы хоронились как в индивидуальных, так и в парных и коллективных могильных ямах. Трое из них входят в состав крупных коллективных усыпальниц, восемь захоронены в парных: с индивидами того же возраста, с младшими детьми или со взрослыми. Что касается типов могильных ям, то известно лишь одно индивидуальное погребение подростка в катакомбе. Подбойных захоронений шесть, из них три парных. Остальные умершие погребены в простых ямах. Таким образом, для 38 % лиц этого возраста были устроены могильные ямы усложненной конструкции.

Среди этой возрастной группы зафиксированы три безынвентарных погребения. Два погребения содержали только кости животных и посуду (10,5 %).

Керамическая посуда (вся лепная) была обнаружена в восьми ямах, везде по одному сосуду (42 %). Кости животных (только мелкого рогатого скота) найдены в подавляющем большинстве погребений — в 14 (73,7 %).

Вещевой инвентарь не слишком разнообразен. Наиболее распространенными остаются украшения из бус — семь погребений (36,8 %). В одном из них (Покровка 8) было собрано не менее 500 бусин и обнаружены две серьги, бронзовая подвеска и височное кольцо. Пол умершего 16–17 лет определен как женский.

Предметы вооружения зафиксированы лишь в четырех погребениях. В двух случаях они представлены одним-двумя наконечниками стрел. Кроме того, в одной могильной яме расчищен кинжал (Лебедевка 7) [Железчиков и др., 2006, с. 29], еще в одной — кинжал, наконечники стрел (30 штук), удила и псалий (Шумаевский II могильник) [Моргунова и др., 2003, с. 136].

Железные ножи найдены в семи погребениях, пряслица — в трех. Остальные артефакты единичны: зеркало, костяной гребень, каменный жертвенник.

Гендерный анализ (дети до 15 лет)

Какие предметы из состава сопроводительного инвентаря детских погребений можно считать маркерами гендера?

Анализ инвентаря состоял в определении для каждого *непотревоженного* погребения одного из четырех «ансамблей» артефактов: *оружие, украшения, нейтральный и без инвентаря*. Этот подход вполне оправдал себя при анализе погребальных памятников с преимущественно индивидуальными погребениями при небольшой доле парных и коллективных, где очевидна принадлежность инвентаря [Лусу, 1997; Берсенева, 2010а]. Каждому погребению был «присвоен» свой «ансамбль» артефактов на основании комплекса вещей, содержащихся в могильной

яме. «Оружие» — при наличии предметов вооружения, «украшения» — при большом количестве украшений, но без оружия. «Нейтральный» означал гендерно-нейтральный инвентарь (посуда, кости животных, детали одежды и быта) при отсутствии предметов из первых двух наборов. «Без инвентаря» — погребения без сохранившегося инвентаря. За гендерно-стереотипные были приняты «ансамбли» артефактов «оружие» и «украшения». Для этого анализа были привлечены *все детские непотревоженные* погребения, в том числе не обработанные антропологами (86 погребений).

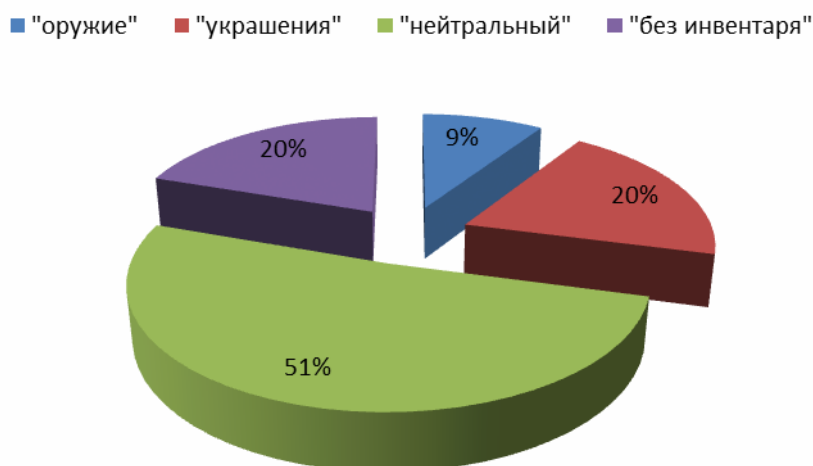

Рис. 2. Распределение «ансамблей артефактов» в погребениях индивидов до 15 лет

Из диаграммы (рис. 2) видно, что индивиды, умершие в возрасте до 15 лет, в подавляющем большинстве случаев (51 %) не сопровождалась гендерно-различительными предметами (например, оружием или значительным количеством украшений) либо погребались вообще без вещей (20 %). Только 29 % могил включали инвентарь, позволяющий предположить мужской или женский пол ребенка.

В тех случаях, в которых мы располагаем антропологическими определениями, такой инвентарь был положен с детьми старше 5 лет, исключения составляют лишь две могильные ямы. Напротив, 67 % детей, захороненных без инвентаря или в сопровождении гендерно-нейтральных предметов, умерли до достижения пятилетнего возраста.

Вышесказанное позволяет предположить, что дифференциальная социализация (т.е. различная для мальчиков и девочек) начиналась приблизительно в 5 лет, возможно, немного ранее. До этого возраста дети, по-видимому, воспринимались сообществом как гендерно-нейтральные существа, а лишь потом начинали воспитываться в рамках гендерных стереотипов.

Гендерный анализ («подростки», 15–18 лет)

К сожалению, выборка индивидов этого возраста оказалась крайне скромной и составила всего 18 погребенных из непотревоженных могильных ям. Рассмотрим распределение этих погребений по «ансамблям» артефактов (рис. 3).

Без сомнения, выводы, сделанные далее, нельзя принимать как абсолютные, однако слабую динамику роста доли погребений с гендерно-стереотипными наборами за счет уменьшения количества безынвентарных погребений все же можно уловить (с 29 до 33 %). Из четырех умерших, определенных как женщины, три сопровождаются ансамблем «украшения». Но в том единственном случае, в котором пол подростка был установлен как мужской, в могильной яме были обнаружены только кости мелкого рогатого скота и сосуд.

Перейдем к оборотной стороне гендерной социализации — возрастной. Когда дети становились взрослыми? Напомним, для анализа условно был выбран рубеж в 15 лет. Однако в традиционных обществах хронологический возраст не всегда соответствовал социальному, и вряд ли в бесписьменных обществах вообще велся счет годам [Бочаров, 2001, с. 49]. По данным из этнографии и истории определяется широкий интервал, в течение которого ребенок мог стать социально взрослым, но обычно это происходило не ранее 12 и редко — позднее 18 лет. Разобьем теперь материал еще на несколько групп: 1) дети до 5 лет (группа, возникшая на основе

Детские погребения ранних кочевников Южного Урала (IV–II вв. до н.э.)

анализа материала, см. выше); 2) от 6 до 11 и 3) от 12 до 18 (группы, выделенные условно). Здесь учитывались лишь неграбленные погребения с *антропологически установленным* возрастом.

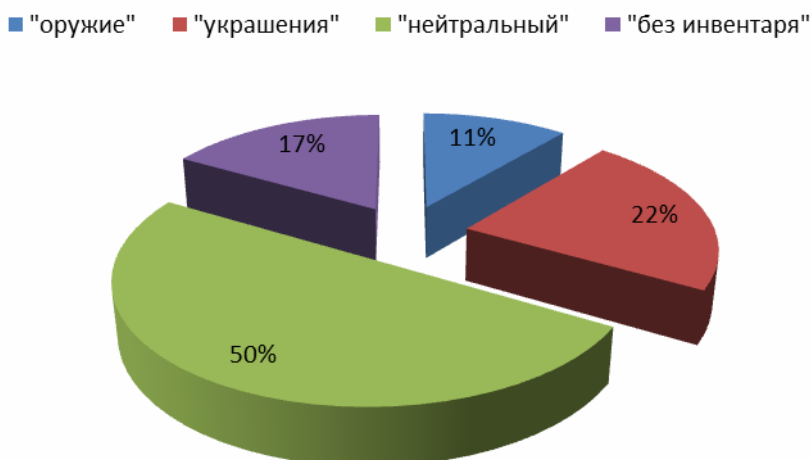

Рис. 3. Распределение «ансамблей» артефактов в погребениях индивидов от 15 до 18 лет

Дети до 5 лет (29 погребений) все похоронены либо с гендерно-нейтральным инвентарем (посуда, заупокойная пища, остатки украшений или костюма, амулеты (?)), либо вообще без него. Выявлено лишь два исключения. Погребение с тремя наконечниками стрел (возраст 1,5–2 года) было обнаружено в Бердянском V могильнике [Моргунова, Мещеряков, 1999]. В одном из курганов Прохоровки в могиле ребенка возрастом менее года находилось более 25 золотых полусферических бляшек, гагатовые и янтарные бусины [Яблонский, 2010, с. 20].

Дети от 6 до 11 лет включительно (16 погребений) — 9 из них (56 %) погребены с гендерно-стереотипными наборами, более типичными для взрослых мужчин и женщин. Однако почти половина детей этого возраста захоронены без инвентаря или в сопровождении гендерно-нейтральных вещей.

Индивиды от 12 до 18 лет (14 погребений). Как ни странно, но среди представителей этой более старшей возрастной группы количество погребений с гендерно-стереотипными наборами снизилось по сравнению с детьми от 5 до 11 лет: 7 могильных ям, что составило 50 %. Вторая половина — это соответственно погребения с нейтральным инвентарем или без него.

Полученные результаты заставляют думать, что в разделении последних двух групп мало смысла, и следует объединить всех индивидов от 5 до 18 лет в единую категорию. В этой группе 53,3 % захоронены с гендерно-стереотипными погребальными наборами. Для взрослых (после 18 лет) это количество составляет 67,5 %.

Обсуждение

Поскольку вещевыми маркерами взрослого возраста можно с уверенностью назвать лишь оружие и украшения в значительном количестве, то установить порог, когда в обществе ранних кочевников ребенок становился взрослым, можно лишь с некоторыми допущениями. Группа от 15 до 18 лет по инвентарным наборам и локализации погребений стоит ближе к детям, чем к взрослым, но она очень малочисленна, что может сказаться на достоверности выводов. Взрослые после 18 лет в большинстве погребены с гендерно-стереотипными наборами. Вероятно, ребенок достигал физической и социальной «взрослости» в это время, к 18 годам, или, для девочек, немного ранее (доля украшений в возрастной группе от 5 до 18 лет и после примерно одинакова). Наборов «украшения» в целом значительно больше, чем «оружия», как минимум вдвое (рис. 2, 3). Это говорит о том, что девочки в большинстве своем раньше начинали носить гендерно-различительные предметы и соответственно раньше приступали к исполнению взрослых гендерных ролей.

Второй вопрос, которым задавались авторы, начиная данное исследование,— можно ли по материалам могильников проследить социализацию детей в области получения ими хозяйственных навыков или военных знаний?

Дети часто вносят значительный вклад в экономическую деятельность сообществ. Этнографические источники демонстрируют, что детский труд играет серьезную роль в земледельческих и индустриальных обществах, несколько меньшую — в скотоводческих и еще меньшую — в охотничье-собираТЕЛЬСКИХ коллективах [Камп, 2001, р. 15–17]. В целом обязанности детей в той же степени зависят от гендерных различий, как и у взрослых. Но обычно дети обоих полов до 6–10 лет выполняют так называемую женскую работу — уборка, уход за младшими детьми, сбор топлива для очагов и т.д. При этом девочки практически никогда не выполняют хозяйственные обязанности, считающиеся «мужскими» [ibid., р. 16].

К сожалению, погребальные памятники раннесарматского времени не позволяют судить о вовлечении детей в экономическую сферу, так как орудия труда крайне редки и в погребениях взрослых кочевников, а в детских просто отсутствуют. Железные ножи и пряслица вряд ли могут быть причислены к этой категории, так как первые относились скорее к предметам быта — столовым приборам и находились, как правило, рядом с заупокойной пищей. Функция вторых в погребениях не вполне ясна и видится скорее символической, нежели отражающей род занятий или гендер погребенных [Берсенева, 2011, с. 87–90; Мошкова, 2012, с. 193].

Вопрос о приобщении детей к военному делу также довольно интересен. Можно ли рассматривать погребения с оружием как свидетельства этого процесса? К сожалению, в работах и древних, и современных исследователей кочевых скотоводов Евразии уделялось мало внимания темам детей и принципов их воспитания. Тем не менее известно, что в кочевых обществах подобные навыки прививались с раннего детства, как только физические возможности позволяли ребенку натянуть лук, удержаться на лошади или освоить приемы рукопашного боя. В книге Плано Карпини о монголах рассказывается, что «дети их, когда им два или три года от роду, сразу же начинают ездить верхом и управляют лошадьми, и скачут на них, и им дается лук сообразно их возрасту, и они учатся пускать стрелы, ибо они очень ловки, а также смелы» [1957].

Мы не можем точно сказать, с какого возраста дети в раннесарматскую эпоху обучались военному искусству и верховой езде, но нет оснований считать, что в этом отношении они серьезно отличались от детей средневековых кочевников. В обществе, ведущем подвижный образ жизни, навыки верховой езды должны были прививаться в самом раннем возрасте и поголовно всем детям. Владению оружием обучалось подавляющее большинство мальчиков и некоторые девочки, судя по количеству взрослых, похороненных с предметами вооружения (для прохоровского периода Южного Урала погребения с оружием составили 68,8 % от всех мужских и 20 % от всех женских [Берсенева, 2009]). В связи с этим предположение, что предметы вооружения маркировали гендер покойных детей (мальчиков) кажется приемлемым. Но крайне скромное количество детских погребений с оружием заставляет думать об исключительности таких случаев, продиктованных какими-то субъективными обстоятельствами, которые археология не в силах установить: особенностями личности умерших детей, их успехами или пристрастиями, желанием взрослых что-то передать в иной мир, а также множеством причин сентиментального характера.

Выводы

Можно констатировать тот факт, что в обществах ранних кочевников Южного Урала IV–II вв. до н.э. дети погребались в одной манере с взрослыми, но в сопровождении более скудного, как правило, инвентаря. Кости животных, сосуды и украшения являются наиболее частыми находками в прохоровских детских погребениях разных возрастных групп. Для детей часто сооружались глубокие и сложные по устройству могилы, но периферийные по локализации. В качестве заупокойной пищи в погребения индивидов до 18 лет клался *всегда* только мелкий рогатый скот, тогда, как у взрослых иногда (впрочем, редко) присутствует лошадь. Несмотря на высокий уровень смертности, дети подвергались бережному обращению, следовательно, были ценны для общества.

Все ли умершие дети погребались в курганах? Вероятно, погребение детей было прежде всего внутрисемейным делом, сентиментальные аспекты играли здесь мощную роль. Кроме того, в условиях мобильного образа жизни не всегда представлялась возможность похоронить ребенка на родовом кладбище или вообще в кургане: детская смерть была частым явлением.

Детские погребения ранних кочевников Южного Урала (IV–II вв. до н.э.)

Тем не менее наличие такого значительного детского контингента среди курганной «популяции» позволяет реконструировать некоторые стороны социальной жизни детей, равно как и отношение общества к ним.

Наше исследование позволило выделить две социально-значимые возрастные группы незрелых: от 0 до 5 и от 5 до 18 лет. Первая характеризуется абсолютным преобладанием гендерно-нейтрального сопроводительного инвентаря. Вторая группа отражает процесс гендерной и возрастной социализации. Гендерная дифференциальная социализация начиналась, вероятно, в возрасте около 5 лет. В современной социологии порог начала гендерной социализации в 3 года считается нормальным [Берн, 2007, с. 48]. Именно в этом возрасте дети начинают с уверенностью относить себя к определенному гендеру. С этого момента в раннесарматское время более половины детей сопровождаются гендерно-стереотипными наборами (56 %). Но в возрастной группе от 5 до 18 лет *отсутствует* динамика увеличения доли гендерно-стереотипных наборов от младших возрастов к старшим, хотя их физические возможности очевидно были разными. В этом случае гендерно-стереотипный инвентарь в детских погребениях можно скорее посчитать маркером гендера или вертикального социального статуса, а не возраста или зрелости. Процесс вовлечения детей в виды деятельности, требующие применения оружия, вообще крайне скудно отражен в погребальном источнике.

Предложенное исследование, как представляется, показало принципиальную возможность изучения социализации детей по археологическим данным. Судя по всему, этот процесс завершался к 15–18 годам формированием взрослого индивида, тем самым обеспечивая преемственность социальных норм, военных навыков и хозяйственных умений и, в конечном счете, жизнеспособность социального организма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Байбурун А.К. Обрядовые формы половой идентификации детей // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб.: Наука, 1991. С. 258–261.
- Берн Ш. Гендерная психология: Законы мужского и женского поведения. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. 318 с.
- Берсенева Н.А. Археология возрастных групп: проблемы и перспективы изучения // Этноистория и археология Северной Евразии: Теория, методология и практика исследования. Иркутск; Эдмонтон: ИрГТУ, 2007. С. 264–268.
- Берсенева Н.А. К вопросу о сходстве «модели» погребальной обрядности степных и лесостепных культур Урала и Западной Сибири в эпоху раннего железа // Этнические взаимодействия на Южном Урале, Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2009. С. 110–113.
- Берсенева Н.А. Погребальные памятники саргатской культуры Среднего Прииртышья: Гендерный анализ // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (43). 2010а. С. 72–81.
- Берсенева Н.А. Социализация детей как одно из направлений социокультурной адаптации в древних обществах // Урал. ист. вестн. № 2 (27). 2010б. С. 38–54.
- Берсенева Н.А. Социальная археология: Возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 214 с.
- Бочаров В.В. Антропология возраста. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 196 с.
- Епимахов А.В., Берсенева Н.А., Пантелеева С.Е. Миниатюрные сосуды поселения Каменный Амбар // Урал. ист. вестн. 2012. № 4. С. 66–73.
- Дашковский П.К., Тишкин А.А. Горный Алтай в скифскую эпоху // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. С. 82–109.
- Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.) М.: Вост. лит., 2006. 159 с.
- Гуцалов С.Ю. Погребальные сооружения могильника Кырык-Оба II в Западном Казахстане // РА. 2010. № 2. С. 51–66.
- Карпини П.А. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Пер. А.И. Малеина. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957.
- Краева Л.А. Памятники раннего железного века из западного Оренбуржья // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: Печатный Дом «Димур», 1999. Вып. 3.
- Куприянова Е.В. Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как «текст»: (По материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: Авто Граф, 2008. 244 с.
- Курганы левобережного Илека. Вып. 1. М.: ИА РАН, 1993. 128 с.
- Курганы левобережного Илека. Вып. 2. М.: ИА РАН, 1994. 182 с.

Н.А. Берсенева, А.Х. Гильмитдинова

- Курганы* левобережного Илека. Вып. 3. М.: ИА РАН, 1995. 175 с.
Курганы левобережного Илека. Вып. 4. М.: ИА РАН, 1996. 152 с.
Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: Печатный Дом «Димур», 1999. Вып. 3. С. 124–147.
Матвеева Н.П. Саргатская культура Западной Сибири // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. С. 129–151.
Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А. и др. Шумаевские курганы. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. 392 с.
Морозов Ю.А., Чаплыгин М.С. Новый памятник раннесарматской культуры в Южном Приуралье // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа: Гилем, 2006. С. 141–145.
Мошкова М.Г. О назначении пряслиц в погребениях мужчин // Евразия в скифо-сарматское время: Памяти И.И. Гузиной. М., 2012. С. 189–194 (Тр. ГИМ; Вып. 191).
Мышкин В.Н., Скарбовенко В. А., Хохлов А.А. Сарматские курганы у с. Гвардейцы // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: Печатный Дом «Димур», 1999. Вып. 3. С. 147–175.
Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 198 с.
Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой. М., 2002.
Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 175 с.
Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В. Доследование курганного могильника у д. Прохоровка // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург: ОГПУ, 2008. С. 177–205.
Яблонский Л.Т. Прохоровка: У истоков сарматской археологии. М.: ТАУС, 2010. 284 с.
Bagwell E. Ceramic form and skill. Attempting to identify child producers at Pecos Pueblo, New Mexico // Children in the Prehistoric Puebloan Southwest. Salt Lake City: Univ. of Utah Press, 2002. P. 90–107.
Baxter J. E. The archaeology of Childhood: Children, Gender, and Material Culture. Walnut Creek: AltaMira Press, 2005. 139 p.
Crawford S. and Lewis C. Childhood Studies and the Society for the Study of Childhood in the Past // Childhood in the Past. 2008. Vol. 1. P. 5–16.
Chamberlain A. T. Demography in Archaeology. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006.
Hodder I. Commentary: The gender screen // Invisible People and Processes: Writing Gender and Childhood into European Archaeology. L.; N. Y.: Leicester Univ. Press, 1997. P. 75–80.
Kamp K. A. Where Have All the Children Gone? The Archaeology of Childhood // Journ. of Archaeological Method and Theory. 2001. 8. P. 1–33.
Lucy S. J. Housewives, warrior and slaves? Sex and gender in Anglo-Saxon burials // Invisible People and Processes: Writing Gender and Childhood into European Archaeology. L.; N. Y.: Leicester Univ. Press, 1997. P. 150–168.
Lucy S. J. The Archaeology of Age // The Archaeology of Identity. Approaches to Gender, Age, Status, Ethnicity and Religion. L.: Routledge, 2005. P. 43–66.
Scott E. The Archaeology of Infancy and Infant Death. BAR Intern. Ser. 819. 1999. 136 p.

Челябинск, Южно-Уральский филиал ИИА УрО РАН
bersnatasha@mail.ru
Южно-Уральский государственный университет
melnichuk.alina@mail.ru

The article is devoted to children's burials of early nomads from South Urals (IV–II cc. B.C.). The suggested investigation showed a principal opportunity to study socialization of children, basing on archaeological data. The absolute majority of children's burials under five years of age being gender-neutral in terms of burial inventory. A process of involving children into activities claiming weapon's use was extremely poorly reflected in this burial source. Gender socialization probably started at 3–5 years of age. To all appearances, the process was completed by 15–18 years of age by formation of an adult individual.

Early Iron Age, South Urals, children's burials, socialization of children.

КАРЫМСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ТАЕЖНОГО ПРИОБЬЯ¹

В.А. Борзунов, Ю.П. Чемякин

Представлена характеристика карымских памятников средней и северной тайги Западной Сибири, в том числе городищ, селищ, комплексов по производству и обработке железа. Отмечено различие карымских поселений Нижнего и Сургутского Приобья, их фортификаций и жилищ. Установлено своеобразие одного известного кольцевого городища южной тайги, оставленного общиной со смешанным составом населения, в том числе потомками северных карымских и южных саргатских групп.

Западная Сибирь, тайга, раннее средневековье, карымский этап, поселения, фортификации, жилища, производственные площадки.

Введение

В таежном Приобье сегодня известно более 80 пунктов с находками карымской керамики. Но собственно карымских поселений, укрепленных и неукрепленных, пока исследовано немного. Раскопки проводились также на четырех могильниках, один из которых расположен в центре тайги, остальные — в южно-таежной подзоне [Борзунов, Чемякин, 2013, рис. 1].

Поселения и фортификации²

Достоверных и предполагаемых карымских городищ — более двух десятков. Почти все они находятся в Сургутском Приобье: на Оби, Большом Югане, Большом Салыме и Соровских озерах. Два карымских укрепления обнаружены в бассейне Казыма в Нижнем Приобье, по одному — на р. Назым, правом притоке Оби, и на Ханты-Мансийских холмах близ слияния Иртыша и Оби. По два городища с карымскими слоями выявлены на оз. Домашний Сор в Нижнем Прииртышье и в бассейне Конды, одно — в Среднем Прииртышье (рис. 1). Карымские укрепленные поселения одноплощадочные, располагались на краях или в глубине коренных террас, реже — на мысах и мысовидных выступах. Фиксируемые на поверхности остатки оборонительных линий маломощные, представлены валом (шириной 1,0–4,0 м, высотой 0,15–0,70 м) и внешним рвом (шириной 1,0–2,5 м, глубиной 0,2–0,7 м). Перепад высот между рвами и валами обычно не превышал 1 м. На городище Евра 25 ров прослеживался с трех сторон поселенческой площадки. Внутренний вал высотой 0,4–1,0 м отмечен только с юго-восточной стороны городища. Раскопками установлено, что мощность насыпи на нем составляла не более 0,2 м. Никаких остатков оборонительных конструкций в ней не зафиксировано. Ров карымского времени на уровне погребенной дневной поверхности имел ширину 0,98–1,34 м, глубину 0,3–0,5 м.

Фортификации карымских городищ, как правило, замкнутые, подпрямоугольные со скругленными углами (Барсов городок II/6, 7, 9, 10, Кинтусовские 1.1, 2.1, 4.1, Соровское V, XVII и др.), реже — близкие кольцевым (Соровское XXXV), незамкнутые овальные (Евра 25) и дуговидные (Сартым-урий 18, Устье-Юган), а также короткие поперечные (Хора II). Мы допускаем, что строительство городища Сартым-урий 18 не было завершено. Остатки ряда незамкнутых прямоугольных систем у краев террас (Кислор III, Ермаково VIII) исследователи считали результатом разрушения замкнутых валов. Оговоримся, что данные валы, как и все песчаные насыпи, окружавшие таежные городища, не являлись самостоятельным элементом фортификаций. Они остались от крепида-обваловки бревенчатой однорядной оборонительной стены или забутовки стены двурядной. Судя по тому, что под валами карымских укреплений не обнаружено частокольных канав, защитные стены были, по-видимому, бревенчатыми, горизонтальной кладки. Карымские фортификации изучены крайне неудовлетворительно. Мысовое городище Каксинская Гора 4 на р. Казым — двухплощадочное: с напольной стороны оконтурено системой «вал — ров — вал» Г-образного плана, а его небольшая внутренняя часть у стрелки мыса за-

¹ Продолжение статьи: [Борзунов, Чемякин, 2013]. Здесь же приведен основной список источников для характеристики карымских памятников.

² Выражаем искреннюю признательность Н.В. Федоровой, К.Г. Карачарову, Г.А. Степановой, Л.М. Тереховой, А.В. Ермоленко, неизданные материалы раскопок которых с согласия этих исследователей были включены в нашу статью и ее иллюстративный ряд.

щищена такой же формы валом и напольным рвом. Возможно, что оборонительные линии этого укрепления перестраивались в более позднее время. Береговое городище Барсов городок II/7 с внешней стороны ограничивали два полукольцевых ровика с низкой насыпью между ними. На городищах Соровское V и XXXV отмечены следы бастионов — явный признак кулайского наследия. Два укрепления, открытые на оз. Домашний Сор, были возведены на невысоких (1,5 м) овальных холмах. Первое из них располагалось в глубине террасы (Танце-Мига), второе — на коренном мысу (Чебачье) При этом на первом поселении система обороны была замкнутая. На втором памятнике ров — кольцевой, а вал прослеживался только с напольной стороны [Морозов, Сосновкин, 1976, с. 94, рис. 1, 4; Морозов, 1994, с. 362, 366; Кардаш, А—1996; Чемякин, Карачаров, 1999, с. 42, рис. 14, 10; Ивасько и др., 2000, с. 40–46; Ермоленко, А—2002, 2003; Чемякин, 2003; 2008, с. 93, рис. 90, 91; Чемякин, Зыков, 2004, № 45–49; Каменский, Жирных, 2006а, с. 168; Яковлев, Кондрашев, 2006, с. 49–50]³. Многослойное Карымское I городище (Ус-Толт), давшее название карымскому типу памятников и карымскому этапу, находится на высоком останце овальной формы с крутыми склонами, расположенном между р. Харом-Я и ее притоком Вос-Кальтенг-Я. Низкий перешеек между речками перерезан двумя рвами, еще один ров выкопан вокруг останца [Чернецов, 1957, с. 138, 140]. Карымские городища имели от одного до трех входов. Их остатки выглядят в виде разрывов в линиях валов и рвов шириной 1,5–2,0 м. Первоначально входы, вероятно, закрывались воротами и не имели дополнительных укреплений.

Расстановка жилых построек на карымских городищах средней и северной тайги в основном плотная и линейная — в один (Кислор III) или два ряда либо кольцевая. В рядах выходы из домов были обращены на «улицу» (Барсов городок II/6, 9, 10, Кинтусовские 1.1, 2.1, 4.1, Соровское XVII (рис. 1, 1–3, 6). На Соровском XXXV городище одно жилище находилось в центре площадки, остальные — по кольцу вдоль вала (рис. 1, 8). На Соровском X городище постройки были расставлены полукольцом вдоль оборонительной системы; в центре поселка и у края террасы имелось свободное пространство (рис. 1, 5). На городище Сартым-урий 18 строения располагались у края террасы, довольно скученно, а широкая (8–10 м) полоса вдоль вала на территории укрепления оставалась относительно свободной (рис. 1, 12). Не исключено, что его строительство не было завершено. На селищах объекты размещались у края и в глубине берега, часто без видимого порядка, иногда — вокруг или неподалеку от укреплений, а также на мысовидных участках коренных террас. На селище Сартым-урий 16 стационарные жилища были сооружены вдоль береговой кромки, а их выходы обращены в противоположную сторону от протоки, в то время как временные жилые, хозяйственные и производственные постройки образовывали вторую линию. В одну линию у края террасы размещены объекты селищ Сартым-урий 17 и Хора I (рис. 1, 7, 11). Пять жилищ поселения Быстрый Кульёган 69 локализовались на миниатюрном треугольном мыске и были выстроены по овалу с небольшим свободным пространством в центре (рис. 1, 9).

Размеры городищ в Сургутском Приобье варьируются от 700 (Барсов городок II/7) до 3300 (Барсов городок II/6) и 3500 м² (Сартым-урий 18), а селищ — от 875 (Быстрый Кульёган 69) до 4000 м² (Сартым-урий 16). В Нижнем Приобье известные карымские памятники по площади не превышают 900 м² (поселение Нангакорка). Число построек на городищах и селищах в первом регионе варьируется от трех (Барсов городок II/7) до тринадцати (Барсов городок II/6) и более (Сартым-урий 16). Во втором регионе их, по-видимому, было от одной до четырех на каждом поселении. Многослойные городища бассейна Конды с карымскими слоями также небольшие: Карымское I — немногим более 550 м², Евра 25 — около 1000 м². На площадке последнего фиксируется шесть подпрямоугольных и две округлые жилищные впадины.

Оригинально южно-таежное карымское городище Усть-Тара 43, открытое в Среднем Прииртышье. Оно расположено в глубине террасы, в 50 м от р. Зимовная, окружено округлой замкнутой оборонительной системой, остатки которой представлены валом и внешним рвом. Со стороны реки фортификации прерываются в трех местах, образуя проходы на внутреннюю площадку. С противоположной стороны прослеживался окруженный рвом «бастион», имевший вид приподнятой площадки, выступавшей в напольную сторону от вала на 4 м. По сравнению с северными городищами, данное укрепление довольно внушительное — площадью более 17 500 м² (155×120 м). На территории городища выявлены остатки 58 жилых построек в виде приподня-

³ Ссылки на использованные архивные источники приводятся с буквой «А» и тире (А–) после фамилии автора, перед годом написания работы

Карымские поселения таежного Приобья

тых площадок. К укреплению примыкало селище из 87 подобных объектов. Раскопками установлено, что «бастион» в основании имел размеры 10х4 м, а его остатки возвышались над поверхностью на 0,4–0,5 м. Автор раскопок сопоставил его с предвратным сооружением белоярского городища Барсов городок I/1 [Михалев, 2008, с. 223–224]. На наш взгляд, такое сравнение не совсем удачно, особенно в плане изучения генезиса карымских оборонительных систем в южной тайге. Раскопанное Л.Л. Косинской укрепление Барсов городок I/1 — береговое, миниатюрное и в плане подквадратное [Чемякин, 1994, с. 279, рис. 16, 4; Борзунов, 2002, рис. 9, Б].

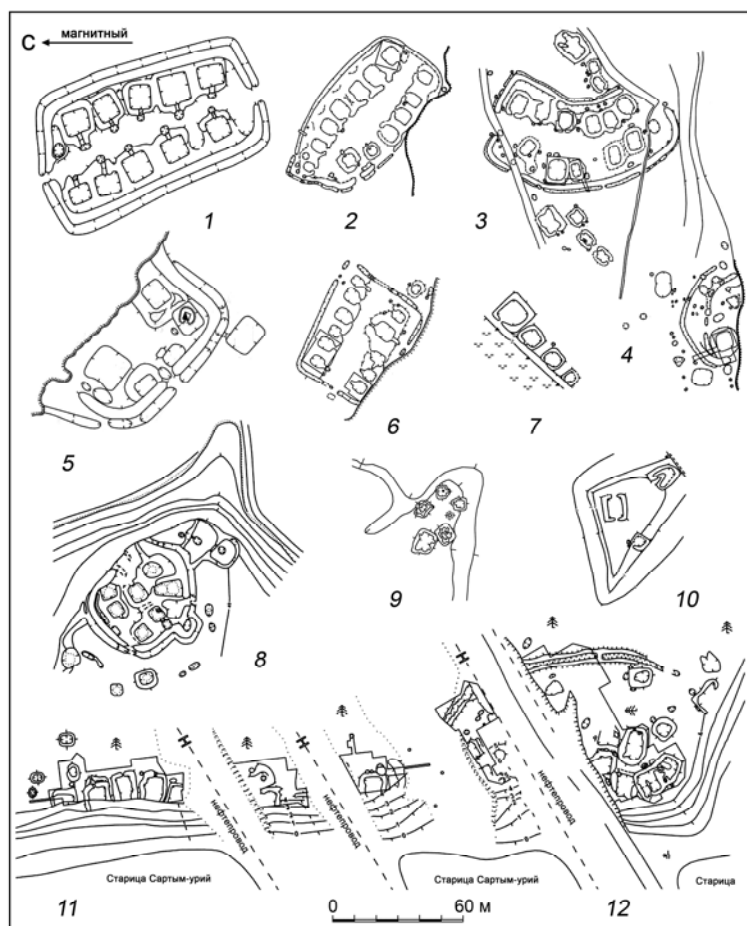

Рис. 1. Карымские поселения. Планы городищ и селищ:

1 — городище Соровское 17 (XVII); 2 — городище Барсов городок II/9; 3 — городище Барсов городок II/6 и селище Барсова гора II/3; 4 — городище Барсов городок II/7; 5 — городище Соровское 10 (X); 6 — городище Барсов городок II/10 и селище Барсова гора II/5; 7 — селище Хора I; 8 — городище Соровское 35 (XXXV); 9 — селище Быстрый Кульёган 69; 10 — селище Хора II; 11 — селище Сартым-урий 17; 12 — городище Сартым-урий 18: 1, 5, 8 — по К.Г. Карачарову; 2–4, 6, 11, 12 — по Ю.П. Чемякину; 7, 10 — по А.В. Ермоленко; 9 — по В.А. Борзунову

Исследования показывают, что укрепления с бастионно-башенными системами появились в западно-сибирской лесостепи в середине — второй половине I тыс. до н.э. (воробьевские, гороховские, саргатские городища) под влиянием среднеазиатского «градостроительства» [Стоянов, 1969, с. 56; 1989, с. 99; Борзунов, 2002, с. 94]. Впоследствии они были заимствованы кулайским населением, скорее всего, у гороховско-саргатского и саргатского. Обширные кольцевые фортификации, оптимальные для открытых местностей с равнинным рельефом, были распространены в энеолите и эпоху бронзы у степных скотоводческо-земледельческих племен Евразии [Массон и др., 1982, с. 166–231, 256, 259–260, табл. LXIX, LXXIX; Зданович, Генинг В.В., 1989; Генинг В.Ф. и др., 1992; Зданович, Батанина, 1995; Зданович, 2007]. Не позднее XIV в. до н.э. в евразийских степях они исчезли. В начале эпохи железа большие равнинные кольцевые укрепления появляются в лесостепном и южно-таежном Приобье (карагай-аульские, вак-куровские, баитовские, гороховские) [Сальников, 1940, 1947; Борзунов, 2002; Зимица, Зах, 2009], а затем —

в лесостепном Прииртышье (саргатские) [Погодин, 1997]. В лесном Зауралье и западно-сибирской тайге кольцевые городища встречаются крайне редко (иткульские Большегорское, Мурзинские I и II, иткульско-гороховское Коровяковское [Берс, А—1948; Кутаков, Лепкова, А—1963; Бельтикова, 1977, с. 126; 2002; 2005, с. 166—173], белоярское Барсов городок III/7 [Чемякин, 2008, рис. 46, 3], кулайское Кучиминское XV [Зыков, А—1983], Согомское II [Морозов, А—1991] и др.). Учитывая это, можно предположить, что обширная кольцевая фортификация с «бастионом» городища Усть-Тара 43 появилась под воздействием саргатского оборонного зодчества или же в результате синтеза лесостепных (саргатских) и таежных (кулайских) строительных традиций. В этой связи напомним, что поблизости от данного памятника, на левобережье Иртыша, открыты и исследованы обширные саргатские кольцевые городища с бастионными выступами — Батаково XIX и Старокарасук XXI [Погодин, 1997; Борзунов, 2002, с. 80, 90, 91]. На их территории помимо обычных жилищных впадин, характерных для лесостепи, прослеживаются типичные таежные приподнятые площадки. Что касается домостроительства жителей городища Усть-Тара 43, то оно явно северное — кулайско-карымское.

Жилища и хозяйственные объекты

Жилые объекты Барсовой Горы выглядят на поверхности как впадины с обваловкой или без нее, иногда с небольшим выступом-входом (рис. 1; 2; 3, 3, 4). В древности они представляли собой подпрямоугольные, слегка углубленные в грунт однокамерные наземные сооружения с выступавшим наружу крытым и наклонным выходом-тамбуром, примыкавшим к одной из торцевых стен. Размеры коридоров варьировались от 1,2×1,5 до 2,2×3,0 м. Котлованы жилищ прямоугольные, площадью 34–42 м², глубиной 0,2–0,3 м. Стены жилищ подсыпались снаружи песком. В центре каждой жилой постройки находился очаг в виде простого открытого кострища. На городище Барсов городок II/9 очаг был обложен камнями [Федорова и др., 1991, с. 133, рис. 2А, 2; Морозов, 1994, с. 362, 264, рис. 32, 1, 2; Чемякин, Зыков, 2004, с. 40–43]. У котлованов жилищ поселения Быстрый Кульёган 69 внешне фиксируются ниши и короткие выступы (входы?) [Погодин, А—1995, с. 76–77, рис. 118].

Две оригинальные карымские постройки раскопаны в Сургутском Приобье на селищах Кучиминское 1 (урочище Сайгатино, 30 км к западу от Сургута) и Сартым-урий 16 (бассейн Большого Югана). Отсутствие в помещениях очагов и остатков производства указывает на то, что это были, по-видимому, какие-то общественные или культовые сооружения. Остатки первого объекта на поверхности отмечались большим углублением (6,0×6,0 м). На верхних горизонтах оно сократилось до 5,0–6,0×4,76–4,9 м. На среднем и нижнем уровнях в его пределах обозначились два подпрямоугольных котлована, расположенных параллельно, в 0,3–1,0 м один от другого. Ориентировка их меридиональная, размеры 5,4×2,1 и 5,2×1,7 м. Общая глубина «подземной» части сооружения 0,35–0,45 м (рис. 3, 5а, 5б) [Степанова, А—1991, с. 33–35, рис. 52–55]. Аналогичный объект исследован на северной окраине селища Сартым-урий 16 (постройка 15). На верхних горизонтах он фиксировался в виде прямоугольного котлована размером 7,4–7,6×6,0 м, в нижней части котлован распался на две камеры — 7,0×1,4–1,6 и 6,8×1,7–1,8 м, ориентированные по оси СВ–ЮЗ. Общая глубина котлована постройки от древней поверхности — 0,5–0,8 м. Полы ровные, горизонтальные, в юго-восточной камере на 0,1 м глубже, чем в северо-западной. Ширина перемычки между камерами составляла 1,3–1,4 м, высота ее — 25–35 см. В камерах найдена карымская керамика, в северо-западной, чуть выше уровня пола, — железный наконечник стрелы, в юго-восточной — каменные оселок и шлифовальная плита, обломки камней без обработки [Чемякин, Борзунов, 2012, с. 292–295, ил. 3–5; 32, 5, 12, 15].

Жилища на Большом Югане — подчетыреугольные, близкие к квадратным, неуглубленные или слегка углубленные (от 20 до 40 см), площадью от 30 до 40 м², как исключение — до 50 м² (городище Сартым-урий 18, жилище 6), без четко выраженных на поверхности входов (рис. 1, 11, 12; 3, 1, 2). Последние, по-видимому, представляли собой специально оформленные проемы в стенах, закрывавшиеся приставными или откидными дверями. Наземная часть сооружений могла быть как каркасно-столбовой, пирамидальной или усеченно-пирамидальной формы, со слегка наклонными стенами, так и бревенчатой, с вертикальными самонесущими конструкциями, в том числе срубными. В первом случае основание стен устанавливалось за пределами углубленной части жилища, во втором — в котловане, у его стенок, либо также за его пределами. С внешней стороны каждый дом окружала песчаная завалинка. В центре построек находились открытые очаги-кострища, чаще один, реже — два.

Карымские поселения таежного Приобья

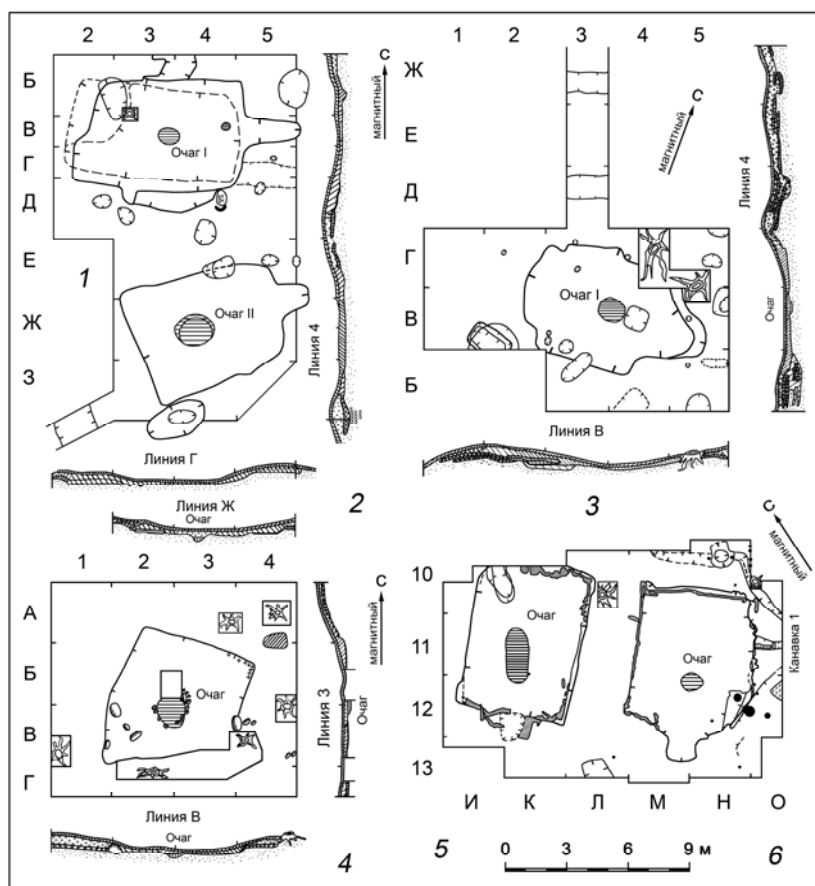

Рис. 2. Карымские постройки городищ Барсовой Горы. Планы жилищ:

- 1 — Барсов городок II/6, жилище 2; 2 — Барсов городок II/6, жилище 3; 3 — Барсов городок II/7, жилище 1;
4 — Барсов городок II/9, жилище 1; 5 — Барсов городок II/10, жилище 6; 6 — Барсов городок II/10, жилище 7:
1–4 — по Н.В. Федоровой; 5, 6 — по Г.А. Степановой

Помимо жилищ, сооружались хозяйственные постройки без очагов и летние площадки с кострищами под навесами. Постройки имели подпрямоугольную форму, размеры от 2,4х1,6–1,8 до 4,5х1,6 м и были углублены на 5–40 см. На селище Сартым-урий 17 недалеко от входа в жилище 2 была выявлена овальная хозяйственная яма подтрапециевидного сечения, размерами 140х110 см, глубиной 30 см. Она была заполнена коричнево-серо-желтой супесью («пестроцветом»), у дна переходившей в темно-бурый слой. Последний имел вид линзы (58х60х20–23 см), насыщенной сырыми костями и чешуей рыб. Яма могла служить своеобразным хранилищем для рыбы (местом ее консервации) или использоваться для кухонных отходов. Небольшие скопления рыбьей чешуи найдены на том же поселении в углах и под обваловкой стен жилища 1. Овальная в плане и параболическая в профиле хозяйственная яма (105х72х25 см), заполненная в придонной части слоем спрессованной рыбьей чешуи мощностью до 6 см, обнаружена и на городище Барсов городок II/6 [Степанова, А–1989].

Жилища Нижнего Приобья сходны с объектами Барсовой Горы, но были меньше их. Постройки однокамерные, с чуть углубленными (до 0,20–0,25 м) подчетырёхугольными котлованами площадью от 9 (Каксинская Гора 4) до 42 м² (Низямы 3). Средняя величина котлованов нижнеобских жилищ около 19,2 м², Барсовой Горы — 39,5 м². Очаги в нижнеобских постройках располагались в центре помещения либо у дальней от входа стены. Дома обогревались обычно одним очагом; в жилище 1 поселения Низямы 3 были два кострища, располагавшихся по длинной оси котлована. В раскопанных объектах поселения Перегрёбное (Перегрѣбное) 4 очагов не обнаружено: возможно, это были хозяйственные сооружения. По одному внешнему очагу около двух жилищ обнаружено и на городище Каксинская Гора 4 [Морозов, 1994, с. 364]. По данным

С.Ф. Кокшарова, карымское жилище поселения Ендырское VII — наземное, с едва углубленным прямоугольным котлованом, в центре которого находился большой подпрямоугольный очаг, вытянутый по оси помещения⁴. С торцевой стороны в постройку вел длинный коридор, сохранившийся в виде глубокой прямоугольной канавы. Очажный слой в нижнеобских и сургутских жилищах представлен буро-коричневой супесью толщиной от 6 до 25 см с включением углей, золы, обломков керамики, кальцинированных костей животных и рыб. Очаги овальные и подчетыреугольные, размерами от 1,3×0,7 до 2,5×1,5 м. Для производственных и хозяйственных нужд внутри и за пределами домов сооружались ямы.

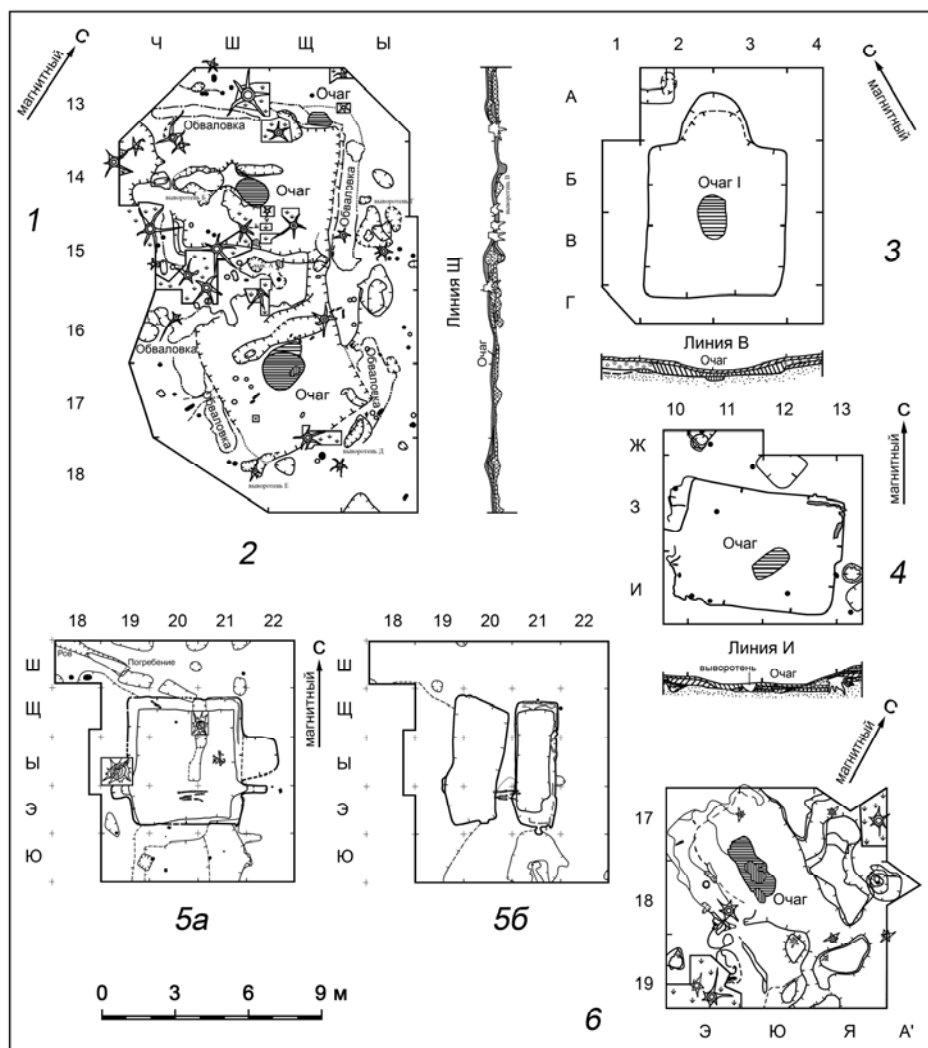

Рис. 3. Карымские постройки Барсовой Горы, Сайгатина и бассейна р. Большой Юган.

Планы жилищ (1–4, 6) и постройки (5):

1 — городище Сартым-урий 18, жилище 4; 2 — городище Сартым-урий 18, жилище 5; 3 — городище Барсов городок II/10, жилище 1; 4 — городище Барсов городок II/6, жилище 8; 5 — селище Кучиминское I, карымская постройка:

а — верхний уровень (-210–215 см); б — нижний уровень (-218–220 см):

1, 2, 6 — по Ю.П. Чемякину; 3 — по Н.В. Федоровой; 4, 5 — по Г.А. Степановой

Производственные объекты

Особую категорию производственных сооружений, появившихся как минимум в карымское время, представляли собой постройки для обработки железа, или кузни. Не исключено, что некоторые из них могли использоваться и для производства черного металла. Они обнаружены в

⁴ Авторы благодарны С.Ф. Кокшарову за предоставленную информацию.

Карымские поселения таежного Приобья

бассейнах Большого Югана (рис. 4), Малого Салыма и Конды. Кузня на городище Сартым-урий 18 была устроена в жилище 8. Сохранились следы небольшой печи с ошлакованным соплом и наковальня в виде большой гранитной плиты. Специализированная кузня раскопана на селище Сартым-урий 17. Она имела вид прямоугольной постройки размером 3,5×2,1 м, углубленной на 0,10–0,12 м. В ней находилась небольшая печь (горн), в которой сохранилось ошлакованное сопло [Чемякин, 2006, с. 207–213, рис. 1, 2; 2011а]. На северной окраине селища была выявлена яма, заполненная буро-серым песком с прослойками угля и пятнами ярко-оранжевого прокала, связанная, вероятно, с металлургическим комплексом. Ее сохранившаяся часть имела параболическую в плане форму, размер 0,62×0,35 м; глубину от уровня древней поверхности 0,7 м. В заполнении найдены куски шлака. Возможно, этот комплекс отражает выплавку железа на селище [Чемякин, Фефилова, 2007, с. 120].

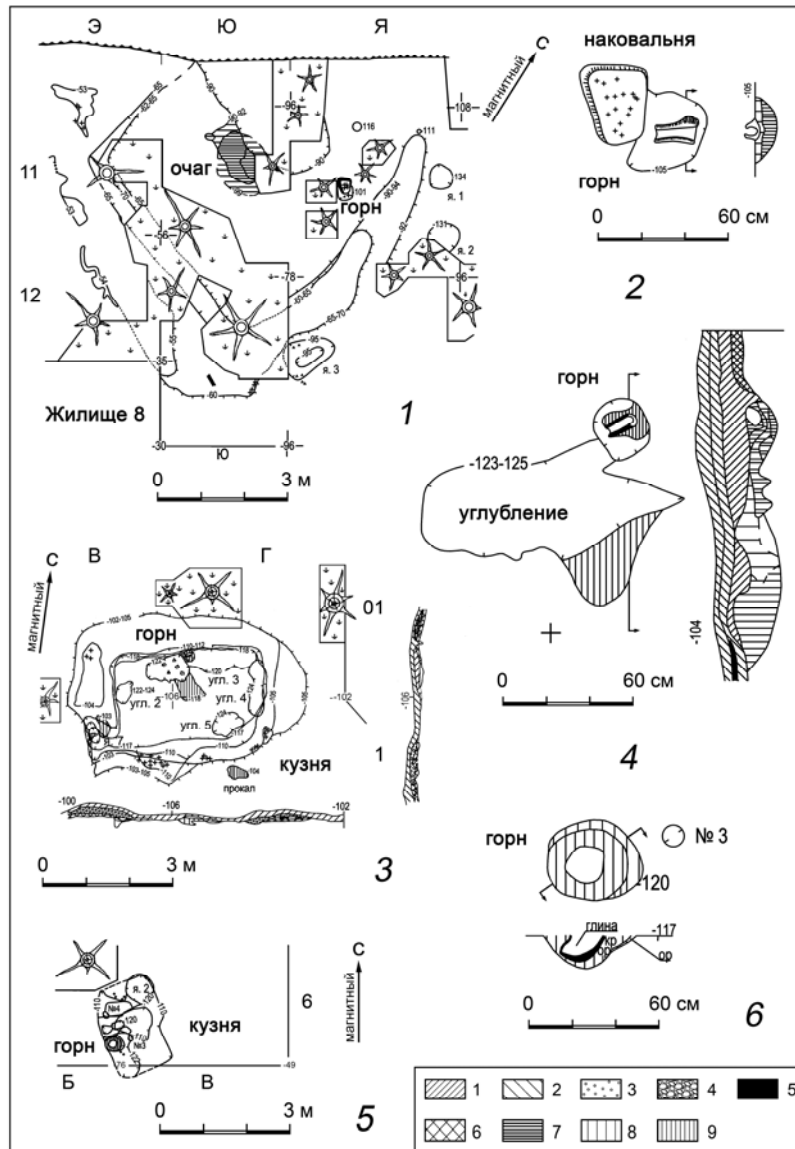

Рис. 4. Карымские производственные постройки (кузни) бассейна р. Большой Юган.

Планы построек и горнов:

1, 2 — городище Сартым-урий 18, кузня (жилище 8) и ее деталь — наковальня и остатки кузнечной печи; 3, 4 — селище Сартым-урий 17, кузня (постройка 10) и ее деталь — остатки кузнечной печи; 5, 6 — селище Сартым-урий 16, кузня 1 (постройка 17) и ее деталь — остатки кузнечной печи. Условные обозначения профилей: 1 — подзол; 2 — желтый, серо-желтый песок (культурный слой); 3 — желтый переложенный песок (обваловка); 4 — пестроцвет; 5 — углистый слой; 6 — погребенный подзол; 7 — очажный слой; 8 — оранжевый прокал; 9 — бурый прокал

Еще две кузны исследованы на соседнем селище Сартым-урий 16. Первая из них — слабо углубленная прямоугольная постройка размером 1,45×2,10 м, у западной стены которой находился горн. В северо-восточном углу кузны зафиксирована яма, содержащая железные шлаки и карымскую керамику, в придонной части заполненная углем. Пространство между горном и ямой с углем было насыщено окалиной, а производственные объекты сооружены у самых границ котлована. Вторая кузня также находилась в отдельном помещении, на удалении не менее 15 м от других построек и жилищ. Она подпрямоугольная, слегка углублена в грунт (3,1×2,2×0,05–0,1 м). Внутри кузны расчищены остатки двух горнов. При этом установлено, что второй горн был сооружен частично на месте разрушенного раннего. В нем расчищен развал сосуда [Чемякин, Борзунов, 2012, ил. 6–12]. Вокруг горнов выявлена линза бурого слоя, аналогичного очажному, насыщенная окалиной. По данным С.Е. Перевощикова, в таких горшках могла происходить плавка или науглероживание железа. Как известно, «реакция восстановления окиси железа начинается уже при температуре в 450–500°C, и наиболее простой способ получения железа в горшках может проводиться в обыкновенных кострах, очагах или ямах. Подобный способ получения железа отмечен на раннедьяковском поселении IX–VII вв. до н.э.» [Перевощиков, 2002, с. 23]. К остаткам футеровки и сводов горнов относятся куски глиняной обмазки и обожженной глины. Железные шлаки были обнаружены и за пределами кузен, в том числе в жилищах. Анализ расположения горнов во всех четырех кузнях показывает, что стены мастерских находились, по-видимому, на некотором удалении от краев неглубоких котлованов [Чемякин, 2006, с. 207–213; 2011б, с. 472, 476, ил. 7]. Следов самих стен не зафиксировано. Возможно, кузны функционировали в теплое время года и размещались в легких постройках либо под обычными навесами.

Основания двух углубленных горнов для варки железа из болотной руды были вскрыты в 2001 г. Г.П. Визгаловым во время аварийных раскопок на поселении Усть-Камчинское 2, расположенном на соседней р. Малый Салым. Их остатки располагались рядом с котлованом жилища 1 и имели вид овальных ям (№ 1, 2) размерами 0,93×0,84–0,96×0,23 и 1,8×1,44×0,27 м. В профиле они чашевидные с крутыми стенками и уплощенными днищами. На дне второй ямы прослеживалось еще одно углубление (0,85×0,67×0,07 м). В заполнении ям зафиксированы углистые и золистые слои, обломки глиняной посуды, кальцинированные косточки, железные шлаки, во второй яме — еще линзы прокалов. Фрагмент железной крицы обнаружен в самом жилище. Глинобитные купола горнов разрушились; их следы в виде бесформенных кусков глины, обожженных и ошлакованных с одной стороны, также найдены в ямах и рядом с ними. Горны, по-видимому, были тигельными: шихта закладывалась в горшки или другие емкости, которые устанавливались на дно плавильной камеры, где их обкладывали углем. Наличие в горнах обожженных костей свидетельствует об использовании в процессе выплавки руды кислого флюса. Воздух в топочную камеру нагнетался при помощи мехов — через глиняные сопла, вмозанные в стенки горнов. В местах установки воздуходувных устройств сохранились боковые каналы-канавки: одна короткая (0,25×0,17–0,64 м) и мелкая отходила от первой ямы, две длинные и более глубокие (1,0–1,02×0,72×0,15–0,17 м) — от второй. По керамике данные сооружения датированы VI в.: концом карымского — началом зеленогорского этапа [Пархимович, 2013].

В 2004 г. в бассейне Конды на городище Евра 25 Е.А. Жирных и С.Ю. Каменский вскрыли основания двух наземных железоделательных металлургических печей [Каменский, Жирных, 2006а, с. 168–173; 2006б]. Они были открыты в раскопе II, в культурном слое которого доминировала карымская керамика. Исследованные горны, видимо, представляли собой глинобитные сооружения цилиндрической формы с углубленным в материк основанием — донной частью (шлакоаккумулятором и металлоприемником). Стенки печей были сконструированы из обожженной глины с добавлением обломков керамики и костей животных. Основания обеих камер печей — подовальной формы, размерами 23×19 и 27×22 см; они находились в 30 см друг от друга. От наземной части горнов сохранились развалы стенок высотой 10 см, толщиной от 5 до 20 см. Над ними в беспорядке залежали куски обожженной глины. Сразу под дерном и до основания печей встречались куски шлака, спекшийся песок, угли и ошлакованная керамика.

Данный памятник входил в крупный рудно-металлургический район, открытый Н.М. Зиняковым в среднем течении Конды. Здесь было выявлено более 30 объектов, связанных с производством и обработкой железа. Исследованные металлургические площадки большей частью локализовались близ легкодоступных железорудных месторождений на размывах песчаных террас проточных кондинских озер (Сатыгинский, Ягодный и Леушинский туманы). Изученные

Карымские поселения таежного Приобья

сыродутные печи довольно стандартны. Раскопками зафиксированы только их нижние «подземные» части — шлакоаккумуляторы. Рабочая камера горна представляла собой ямку диаметром 20–25 см, глубиной 30–32 см, выстланную тонким (3–5 см) слоем угля, заполненную конгломератом сыродутного шлака вперемежку с углем. Над ямой была сооружена глинобитная «надземная шахта» высотой 65–70 см с толщиной стенок 1,5–2,0 см. Воздушное дутье осуществлялось на стыке шлакоаккумулятора и глиняной шахты. Для производства железа такие сооружения были пригодны только один раз. Затем они разбирались, перестраивались либо возводились заново на другом месте. Наряду с горнами, на тех же памятниках были зафиксированы кострища для выжигания древесного угля и обжига руды [Зиняков, 1997, с. 28–29].

В реконструкции Н.М. Зинякова смущает одно: слишком тонкие стенки наземной шахты (свода). Для сравнения: у горна на городище Евра 25 и иткульских зауральских домниц с остатками производства меди и железа (городища Красный Камень, Серный Ключ) глинобитные стенки в основании составляли в среднем 15–20 см. При этом в стенках некоторых иткульских горнов прекрасно сохранились «остовы» из неосушеных, заостренных и вертикально вкопанных березовых кольев [Борзунов, 1981, с. 112–118, рис. 1, б, в; 1998, с. 16–21]. Раскопанные Н.М. Зиняковым печи с углубленными в землю шлакоаккумуляторами (известные в специальной литературе как «свентокшижские») Е.А. Жирных и С.Ю. Каменский отнесли к первому типу горнов, а исследованные ими на городище Евра 25 надземные или слегка углубленные сооружения с толстым глиняным дном (футеровкой) и стенками — к третьему [Каменский, Жирных, 2006б, с. 140].

Собранная на кондинских производственных объектах керамика — ярсалинская, карымская, зеленогорская и «оронтуровская» (вернее, оронтурская, которая ныне определяется как вторая группа кучиминской посуды [Зыков, 2006, с. 111, 119]) — указывает на то, что данный металлургический центр функционировал на протяжении I — начала II тыс. н.э. Судя по опубликованным обломкам сосудов [Зиняков, 1997, рис. 3, 2–4, 6–9], к карымским или ярсалинско-карымским памятникам из этой группы как минимум можно отнести «металлургические рабочие площадки» Ирия II и Полуостров Дальний I.

Поблизости от этого района, в междуречье Лозьвы, Сосьвы и Пелыма, В.Д. Викторовой в начале 1960-х гг. исследован еще один металлургический комплекс [1999, с. 139]. Вместе с площадкой для изготовления костяных наконечников стрел он находился на одном из участков Туманского I поселения. О времени функционирования объекта свидетельствуют находки в нем обломков сосудов туманского типа (сходных с карымскими) с ошлакованной внутренней поверхностью, а также несколько туманских черепков под основанием печи. Печь глинобитная, в основании прямоугольная (0,6×0,4 м). Ее стенки сохранились на высоту 10 см. Плоское основание горна слегка наклонено и завершалось длинным и узким каналом (20×5 см), выходящим к округлой глиняной площадке диаметром 0,6 м. На последней лежали три куска железного шлака.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Берс Е.М. Отчет об археологических разведках в 1947 г. по р. Пышме от г. Свердловска до г. Тюмени. Свердловск, 1948 // Архив ИА РАН. Р-1, № 106.

Ермоленко А.В. Отчет о НИР: Археологические разведки в Октябрьском районе ХМАО Тюменской области летом 2002 г. Екатеринбург, 2002 // Архив Угор. науч. центра УрФУ.

Зыков А.П. Отчет об археологической разведке у деревни Сайгатино в Сургутском р-не Тюменской области летом 1982 года. Свердловск, 1983 // Архив ПНИЛ ЦАИ УрФУ. Ф. II. Д. 384.

Кардаш О.В. Отчет о НИР: «Археологическое обследование профилей сейсморазведки в окрестностях озера Соровское, Восточно-Салымское месторождение, 1995 год». Нефтеюганск, 1996 // Архив НПО «Северная археология-1».

Кутаков Ю.М., Лепкова Н.И. Отчет об археологической разведке по р. Пышме в 1962 г. Свердловск, 1963 // ПНИЛ ЦАИ УрФУ. Ф. II. Д. 31.

Морозов В.М. Отчет о разведке археологических памятников у деревни Согом Ханты-Мансийского района Тюменской области летом 1991 г. и разведке на оз. Нумто Белоярского р-на. Екатеринбург, 1991 // ПНИЛ ЦАИ УрФУ. Ф. II. Д. 494.

Погодин А.А. Отчет об археологической разведке в Сургутском и Березовском районах Ханты-Мансийского автономного округа (в 1994 г.). Т. I: Отчет об археологических исследованиях в зоне Быстринского месторождения нефти в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа (в 1994 г.). Екатеринбург, 1995 // Архив ПНИЛ ЦАИ УрФУ. Ф. II. Д. 565.

Степанова Г.А. Отчет об археологических исследованиях, проведенных летом 1989 г. в Сургутском районе Тюменской области и Алапаевском районе Свердловской области. Екатеринбург, 1989 // Архив ИА РАН. Р-1, № 13726; Архив ПНИЛ ЦАИ УрФУ. Ф. II. Д. 473.

Степанова Г.А. Отчет о стационарных полевых исследованиях памятников: городища Барсов городок II/10 и Кучиминского селища 1 Сургутского района Тюменской области в 1990 г. Екатеринбург, 1991 // Архив ИА РАН. Р-1, № 15288; Архив ПНИЛ ЦАИ УрФУ. Ф. II. Д. 486.

Литература

Бельтикова Г.В. Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1977. С. 119–133. (ВАУ; Вып. 14).

Бельтикова Г.В. Большегорское городище // Екатеринбург: Энцикл. Екатеринбург: Академкнига, 2002. С. 61–62.

Бельтикова Г.В. Среда формирования и памятники Зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири: (К 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга). Екатеринбург: УрГУ, 2005. С. 162–186.

Борзунов В.А. Иткульско-гамаюнское городище Красный Камень // ВАУ. Свердловск: УрГУ, 1981. Вып. 15. С. 112–118.

Борзунов В.А. Исследования городища Серный Ключ на р. Уфе // Урал в прошлом и настоящем. Екатеринбург: НИСО УрО РАН; Банк культурной информации, 1998. Ч. I. С. 16–21.

Борзунов В.А. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // РА. 2002. № 3. С. 79–97.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские памятники таежного Приобья: история изучения, хронология и территория распространения // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС РАН, 2013. № 1 (20). С. 34–46.

Викторова В.Д. Туманское I поселение, святилище и костыще // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. Вып. 3. С. 136–152.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1992. Т. 1. 408 с.

Ермоленко А.В. Новые археологические памятники на р. Ендырь // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2003. Вып. 1. С. 284–285.

Зданович Г.Б. Аркаим — культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА. 2007. № 2. С. 47–62.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. «Страна городов» — укрепленные поселения эпохи бронзы XVIII–XVI вв. до н.э. на Южном Урале // Аркаим: Исследования, поиски, открытия. Челябинск: Каменный пояс, 1995. С. 54–62.

Зданович Г.Б., Генинг В.В. Оборонительные сооружения поселения Синташта // АО 1983. М.: Наука, 1989. С. 147–148.

Зимина О.Ю., Зах В.А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.

Зиняков Н.М. Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 368 с.

Зыков А.П. Средневековые таежной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 2006. С. 109–124.

Ивасько Л.В., Кардаш О.В., Суровень Д.А. Древняя история // Салымский край. Екатеринбург: Тезис, 2000. С. 33–70.

Каменский С.Ю., Журных Е.А. Раскопки городища Евра 25 и разведка в Кондинском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2006а. Вып. 3. С. 168–178.

Каменский С.Ю., Журных Е.А. Средневековые железоделательные печи на территории Северо-Западной Сибири // II Сев. археол. конгресс: Тез. докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006б. С. 139–140.

Массон В.М., Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М., Черныш Е.К. Энеолит СССР. М.: Наука, 1982. 360 с. (Археология СССР с древнейших времен до средневековья: В 20 т.).

Михалев В.В. Городища с кольцевой системой обороны в Среднем Прииртышье (предварительное сообщение // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: ОмГПУ, 2008. С. 223–224.

Морозов В.М. Раннее средневековье. Поселения и жилища Зауралья, Сургутского и Нижнего Приобья // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1: Поселения и жилища. Томск: ТГУ, 1994. Кн. I. С. 342–373.

Морозов В.М., Сосновкин И.Н. Городища Среднего Тром-Агана // ВАП. Тюмень: ТюмГУ, 1976. Вып. 1. С. 89–106.

Пархимович С.Г. Поселение Усть-Камчинское 2 на реке Малый Салым: (К проблеме возникновения черной металлургии в Северо-Западной Сибири) // Древнее наследие Средней Оби. Екатеринбург: Магеллан, 2013. (Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири; Вып. 3).

Карымские поселения таежного Приобья

Перевощиков С.Е. Железообрабатывающее производство населения Камско-Вятского междуречья в эпоху средневековья: (Технологический аспект). Ижевск, 2002. 176 с.

Погодин Л.И. Исследования в Омской области // АО 1996. М.: Наука, 1997. С. 344–345.

Сальников К.В. Три года работы на городище Чудаки // КСИИМК. М.: Наука, 1940. Вып. 5. С. 69–71.

Сальников К.В. Городище «Чудаки» Челябинской области: По раскопкам 1937 года // СА. 1947. Вып. 9. С. 221–238.

Стоянов В.Е. Зауральские лесостепные поселения раннего железного века // КСИА. М.: Наука, 1969. Вып. 119. С. 52–61.

Стоянов В.Е. Хозяйство и социальные отношения населения лесостепи и степи // История Урала с древнейших времен до 1861 г. М.: Наука, 1989. С. 98–103.

Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Екатеринбург: УрГУ, 1991. Вып. 20. С. 126–145.

Чемякин Ю.П. Поселения и постройки раннего железного века Сургутского и Нижнего Приобья // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1: Поселения и жилища. Кн. 1. Томск: ТГУ, 1994. С. 92, 275–296. Рис. 16–19.

Чемякин Ю.П. Городище Сартым-Урий XVIII: Предварительные итоги раскопок // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2003. Вып. 1. С. 38–76.

Чемякин Ю.П. Раннесредневековые кузницы на севере Западной Сибири // Производственные центры: Источники, «дороги», ареал распространения. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 207–213.

Чемякин Ю.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. 224 с.

Чемякин Ю.П. Древнейшие кузницы в таежном Приобье // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011а. Т. II. С. 110–111.

Чемякин Ю.П. Работы на селище Сартым-урий 16 в окрестностях Сургута // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2011б. Вып. 9. С. 467–481.

Чемякин Ю.П., Борзунов В.А. Охранные раскопки селища Сартым-урий 16 в бассейне Большого Югана // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2012. Вып. 10. С. 291–339.

Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора: Археологическая карта. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2004. 208 с.

Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: Материалы к атласу. Екатеринбург: Тезис, 1999. С. 9–66.

Чемякин Ю.П., Фёфилова Т.Ю. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях п. Угут Сургутского района ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2007. Вып. 5. С. 111–121.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры: Обзор и классификация материала // МИА. 1957. № 58. С. 136–246.

Яковлев Я.А., Кондрашев А.Н. Первое обследование объектов историко-культурного наследия в бассейне р. Назыма // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2006. Вып. 4. С. 38–82.

Екатеринбург, Уральский федеральный университет

victor.borzunov@usu.ru

yury-che@yandex.ru

The article gives a description of Karym sites from West Siberian middle and north taiga, including fortified and unfortified settlements, as well as metal industry and metal working complexes. The authors point to differences between Karym settlements from Low Ob basin and Surgut Ob basin, as well as between their fortifications and dwellings. Subject to discovery being originality of a famous circular fortified settlement from south taiga left by a community with mixed population, including descendants of north Karym and south Sargatka groups.

West Siberia, taiga, early Middle Ages, Karym stage, settlements, fortifications, dwellings, industrial sites.

АНТРОПОЛОГИЯ

ТРАВМЫ ЧЕРЕПОВ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: РАСПРОСТРАНЕНИЕ, СТРУКТУРА, ИНТЕРПРЕТАЦИИ¹

Д.И. Ражев

При исследовании выборки из 204 черепов, дифференцированной по гендерному, хронологическому и локальному признакам, выявлены специфические черты и структурные элементы краниотравматизма средневекового населения таежной зоны Западной Сибири. Повреждения были зафиксированы на 7 % черепов. У мужчин травмы наблюдаются в разы чаще, чем у женщин. Основное количество повреждений — около 12 % приходится на период раннего средневековья, они отмечаются и у мужчин, и у женщин. В позднем средневековье уровень травматизма снижается до 1 %, ранения фиксируются только у мужчин. Ранения, сопряженные со смертью, обнаружены только у мужчин и относятся лишь к периоду раннего средневековья. Было выделено четыре типа преднамеренных повреждений, различающихся способами нанесения и культурно-исторической интерпретацией. Прослежена их хронологическая динамика и локальная изменчивость.

Западная Сибирь, таежная зона, средневековье, череп, травмы.

Травмы являются результатом экстремального влияния внешних факторов на организм человека. Эти факторы весьма многочисленны: чрезмерное воздействие природных условий, риски при выполнении работ, целенаправленные действия других людей и т.д. Количественные данные по травматизму отражают уровень благополучности общества, а оценка травматизма, обусловленного конкретным фактором, позволяет установить степень опасности той или иной области жизнедеятельности людей. Казуальное описание случаев телесных повреждений в контексте природных и социальных обстоятельств дает основание для реконструкции биографий отдельных людей.

В адекватной степени это относится и к травмам, обнаруживаемым на палеоматериале. Однако в этом случае мы сталкиваемся со специфической проблемой, отмеченной Т.И. Алексеевой, — «отсутствием четко разработанных методик определения характера травматических повреждений и унифицированного подхода к их оценке» [1997, с. 107]. Это было проиллюстрировано совершенно различными интерпретациями одних и тех же повреждений черепов из Улангомского (Чандманьского) могильника. Разные подходы привели авторов в одном случае к определению боевых ранений [Мамонова, 1997], в другом — к выявлению трепанаций [Медникова 1997, с. 138; Наран, Тумэн, 1997]. К сожалению, и к настоящему времени мы мало продвинулись в направлении методической унификации. В отечественной литературе имеются немногочисленные попытки обобщений определенных видов костных повреждений [Медникова, 2001; Ражев, Святова, 2006].

В настоящей статье будут рассмотрены травмы, локализованные на одном элементе скелета — черепе. Это мотивировано следующим. Во-первых, именно этот элемент наиболее многочислен в давно собираемых коллекциях. Во-вторых, череп отличается от других элементов тем, что на нем могут быть установлены как зажившие повреждения, так и травмы без следов репарации.

Теме краниотравматизма древнего населения Западной Сибири посвящено несколько специальных статей [Карачаров, Ражев, 2002; Васильев и др., 2006; Ражев, 2006; Ражев, Пошехонова, 2009; Слепченко и др., 2013]. Во всех этих публикациях подробно рассматриваются отдельные случаи повреждений и проведена их социально-историческая интерпретация. Цель

¹ Работа выполнена при поддержке Программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект «Изменчивость адаптивных возможностей и саналогического состояния аборигенов Сибири в конце I — середине II тыс. н.э.», гранта РФФИ 13-06-00158 и гранта РГНФ 13-01-00097.

настоящей работы видится в обобщении данных и выявлении структуры краниотравматизма в таежной зоне в средние века. Следуя тренду предыдущих публикаций, для вновь описанных повреждений предложим варианты биоантропологических интерпретаций.

Методика

Травмы на костном материале описывались в соответствии с руководствами судебной медицины [Крюков, 1990; Нагорнов, Солохин, 2001] и палеопатологическими методиками [Медникова, 2001; Ortner, Putschar, 1985]. Для количественного анализа учитывались только травмы, расположенные на своде мозговой коробки (чешуя лобной кости, теменные кости, чешуя затылочной кости), так как именно эти отделы черепа сохранились в коллекциях достаточно хорошо и в представительном количестве. Иные случаи поражений рассматривались в казуальном аспекте и в расчетах не учитывались.

В исследовании травматических повреждений на палеоантропологическом материале целесообразно выделять четыре этапа: описание дефекта, патологическое заключение, биомеханическая реконструкция, культурно-историческая интерпретация. При описании указываются локализация, форма, размеры, специфические черты дефекта, наличие заживления. Патологическое заключение представляет собой определение типа травмы на основании описания: например, вдавленный перелом, скол кости, дырчатый перелом и т.д. При хорошем состоянии единичного повреждения заключение, как правило, однозначное. При осложнениях, вызванных множественными повреждениями, посмертными разрушениями краев травмы, или в случае заживления возможно несколько вариантов. Первые два этапа фактологические и составляют палеоантропологический источник. Этап патологического заключения является в известной степени ключевым, так как именно он дает фактическую базу для последующих, зачастую диаметрально противоположных, суждений.

Следующие два этапа гипотетические (с большим или меньшим обоснованием) и, как правило, предполагают несколько вариантов. Биомеханическая реконструкция — это выявление вероятного механизма возникновения травмы, определенной патологическим заключением: например, скользящий удар предметом с острым лезвием, транверзальный удар твердым тупым предметом, скобление каменным орудием и т.д.. В ходе культурно-исторической интерпретации осуществляется контекстуальное воссоздание экстремальных событий в условиях жизнедеятельности конкретного общества. На этом этапе помимо антропологических результатов необходимо привлекать данные по истории, этнографии, социальному устройству общества, к которому принадлежал исследуемый человек. Это самая вариативная часть исследования. Интерпретации травмы могут различаться как для разных обществ (скол кости в средневековье вероятнее связать с ударом сабли, в период Второй мировой войны — с ранением осколком снаряда), так и в одном обществе (отверстие в черепе может рассматриваться и как результат ранения чеканом, и как последствие ритуальной трепанации).

Комбинирование возможных вариантов реконструкции и интерпретации травматизма и подсчет их частот представляются нам действиями, при которых производится шума больше, чем значимой информации. Поэтому при исследовании средневековой выборки была проведена типологизация повреждений на основе повторяемости некоторых морфологических характеристик, позволяющая предлагать единую реконструкцию событий. Были выделены четыре типа поражений и отдельные повреждения, не вписывающиеся в эту схему.

Материал

Для исследования были привлечены палеоантропологические коллекции из средневековых погребальных памятников залесенной части Западной Сибири: Барсовские 1 и 4 (37 черепов), Зеленый Яр (8 черепов), Нех-урий 3.5 (6 черепов), Сайгатинские 1, 3, 4, 6 (140 черепов), Усть-Балык (13 черепов). Материалы хранятся в Институте проблем освоения Севера СО РАН в г. Тюмени и кабинете антропологии Национального исследовательского Томского государственного университета.

Всего было проанализировано 204 свода черепа, из них 136 черепов определены как принадлежавшие мужчинам, 66 — женщинам, для двух черепных крышек половую принадлежность установить не удалось. Повреждения зафиксированы на 15 сводах. При количественном анализе травм за единицу рассмотрения принималось наличие травмы определенного типа. Так как на одном черепе обнаружены двойные повреждения, то общее количество учтенных травм составило 16. Помимо этого были обнаружены два ранения в другие части головы и одна травма, ассоциированная с головой. Эти повреждения описаны отдельно.

Имеющаяся в нашем распоряжении совокупность средневековых черепов разделялась на несколько пересекающихся выборок: гендерные, хронологические, локальные. При гендерном разделении рассматривались мужская и женская совокупности. Для хронологического анализа краниологический материал был организован в две выборки. Первая выборка объединяла погребения, относящиеся к раннему периоду средневековой обь-иртышской культурно-исторической общности. Применительно к рассматриваемым данным это кучиминский и кинтусовский этапы, датируемые VIII — началом XII в. Вторая выборка объединяла данные позднего периода обь-иртышской культурно-исторической общности, который соответствует сайгатинскому этапу, датируемому концом XII — концом XVI в. Локальные объединения включали в себя многочисленные материалы из близко расположенных могильников. Были выделены две локальные географические выборки: Сайгатинские 1, 3, 4, 6 могильники VIII–XVI вв., Барсовские 1 и 4 могильники VIII–XV вв. Данные по могильникам Зеленого Яра, Усть-Балыка и Нех-урия из хронологического рассмотрения были исключены ввиду малочисленности и географической обособленности.

Описание травм

Подробное описание всех повреждений хотя и представляет палеопатологический интерес, но заняло бы слишком много места. В связи с этим изложение исследования травм свода было сокращено и в схематичной форме представлено в табл. 1. Повреждения иных частей черепа описаны отдельно.

Отдельно описываемые поражения черепа

№ 16. Сайгатинский 6, п. 79, череп 6. Мужчина, 25–35 лет. X–XII вв. В правой части лицевого отдела имеется длинное, узкое повреждение, представляющее собой щелевидный перелом. Линия рассечения проходит по диагонали от середины носовых костей (с правой стороны) до коренных зубов, достигая М³. Травма является последствием удара, нанесенного орудием с острым лезвием и острым концом. Несмертельное боевое ранение.

№ 17. Сайгатинский 6, п. 79, череп 4. Мужчина, 40–60 лет. X–XII вв. Останки представляют собой комплекс, объединенный мумифицированными мягкими тканями. В его состав входит мозговая коробка, 6 верхних шейных позвонков и акромиальная часть правой ключицы. Комплекс образовался в результате отсечения головы с прилегающими частями тела орудием с длинным острым лезвием. Смертельное боевое ранение или казнь.

№ 18. Зеленый Яр, п. 18, левый скелет. Мужчина, 30–45 лет. XIII в. При обследовании внутри черепа был обнаружен наконечник стрелы (общая длина 3,5 см, плоский). Наконечник находился в области правой височной ямки вблизи чешуи височной кости, на уровне правой глазницы. Его длинная ось была сонаправлена с длинной осью черепа, острие обращено в сторону затылка. Попадание стрелы в глазное отверстие с проникновением внутрь черепа на 9 см. Смертельное боевое ранение.

Обсуждение

Относительное количество травмированных черепов в общей выборке составляет 7 %. У мужчин доля пораженных черепов в разных выборках варьируется от 2 до 20 %, в 1,5–2,7 раза превосходя женскую травматизацию, которая, в свою очередь, колеблется от полного отсутствия (0 %) до значительных цифр (17 %). Численные показатели распределения травмированных черепов по гендерным, хронологическим и локальным выборкам представлены в табл. 2.

В хронологическом плане основное количество краниальных повреждений приходится на период раннего средневековья (VIII–XII вв.), в течение которого доля ранений достигает 12 %. При этом поражения фиксируются и на мужских, и на женских черепах. К этому же периоду относятся и два из трех особо описанных случаев повреждений, связанных с головами. В период позднего средневековья (XII–XVI вв.) количество травм резко уменьшается и составляет 2 % (1 случай, травма у мужчины).

При географическом сравнении сайгатинской и барсовской локальных выборок очевидны значительные различия. Так, в сайгатинской выборке травмы отмечены только у мужчин и затрагивают около 6 % их численности. Кроме этого сюда относятся еще два случая головных поражений: разрубание лица и отсечение головы. В барсовской же совокупности пострадавших в разы больше и среди них оказываются и мужчины и женщины. Количество поврежденных мужчин ожидаемо превышает количество травмированных женщин, но в данном случае разница статистически недостоверна.

Индивидуальные характеристики травм черепов из средневековых погребений Западной Сибири

№	Могильник, погребение	Период	Пол, возраст	Описание				Заключение	Реконструкция	Интерпретация
				Форма	Расположение	Заживление	Проникновение			
1	Барсовский 1, п. 140, ск. 1	VIII–XII	Ж, 30–45	Овальная депрессия	Лев. теменная кость	Есть	Нет	Вдавленный перелом	Трансверзальный удар вытянутым тупым предметом	Ритуальные действия. Несмертельное боевое ранение
								Скол	Скользкий удар клинковым оружием	
2	Барсовский 1, п. 159	VIII–XII	Ж, 30–45	3 параллельные овальные депрессии	Лев. теменная	Есть	Нет	Вдавленные переломы	Трансверзальные удар (удары) вытянутым тупым предметом.	Несмертельное боевое ранение. Ритуальное действие
								Вдавленные переломы, скобление	Удар медвежьей лапы	
3	Барсовский 1, п. 201 ч. 2	VIII–XII	М, 20–30	2 ряда по 3 параллельные овальные депрессии	Лев. и прав. теменные кости	Есть	Нет?	Вдавленные переломы	Трансверзальные удары вытянутым тупым предметом	Несмертельное боевое ранение. Ритуальное действие
								Вдавленные переломы, скобление	Удар медвежьей лапы	
4	Барсовский 1, п. 208	VIII–XII	М, 25–35	2 параллельные овальные депрессии	Прав. теменная	Есть	Нет	Вдавленные переломы	Трансверзальные удар (удары) вытянутым тупым предметом	Несмертельное боевое ранение. Ритуальное действие
								Вдавленные переломы, скобление	Удар медвежьей лапы	
5	Барсовский 1, п. 211	VIII–XII	М, 35–55	3 параллельные овальные депрессии	Прав. теменная	Есть	Нет	Вдавленные переломы	Трансверзальные удар (удары) вытянутым тупым предметом	Несмертельное боевое ранение. Ритуальное действие
								Вдавленные переломы, скобление	Удар медвежьей лапы	
6	Барсовский 1, п. 217	VIII–XII	М, 20–40	Овальное отверстие	Лев. теменная	Есть	Есть	Скол	Скользкий удар остролезвийным оружием	Несмертельное боевое ранение
								Скобление	Выскабливание кости	
7	Барсовский 1, р. 28 яма Мартина	VIII–XII	М, 35–60	Овальная депрессия	Лев. теменная кость	Есть	Нет	Вдавленный перелом	Трансверзальный удар вытянутым тупым предметом	Ритуальные действия. Несмертельное боевое ранение
								Скол	Скользкий удар клинковым оружием	
8	Сайгатинский 6, п. 78	VIII–XII	?, 35–55	Полоса порезов	Циркулярно	Нет	Нет	Надрезы, опоясывающие мозговую коробку	Скальпирование остролезвийным оружием	Ритуальное действие
9	Сайгатинский 6, п. 79, череп 1	VIII–XII	М, 40–60	1 щелевидный перелом	Лев. часть чешуи лобной кости	Нет	Есть	Разруб	Частичное разрушение черепной коробки остролезвийным оружием	Смертельное боевое ранение
10	Сайгатинский 6, п. 108, вост. ск.	VIII–XII	М, 20–30	2 щелевидных перелома	Лев. теменная кость	Нет	Нет	Разрубы	Частичное разрушение черепной коробки остролезвийным оружием	Смертельное боевое ранение
11	Сайгатинский 3, п. 96	VIII–XII	М, 40–60	Овальная депрессия	Лев. теменная	Есть	Нет	Скол	Скользкий удар клинковым оружием	Ритуальные действия. Несмертельное боевое ранение
								Вдавленный перелом	Трансверзальный удар вытянутым тупым предметом	
12	Сайгатинский 3, п. 110	VIII–XII	М, 40–55	Множественные депрессии	Лев. и прав. теменные	Есть	Есть	Вдавленные переломы, скобление	Удары медвежьей лапы	Несчастный случай «во время охоты»
13	Сайгатинский 3, п. 115	VIII–XII	М, 25–35	Овальное отверстие	Лев. теменная	Есть	Есть	Скол	Скользкий удар остролезвийным оружием	Несмертельное боевое ранение
								Срезы	Выскабливание кости металлическим оружием	
14	Зеленый Яр, поверхность	VIII–XVII	?, 30–50	Полоса порезов	Лев. теменная, затылочная чешуя	Нет	Нет	Надрезы	Скальпирование остролезвийным оружием	Ритуальное действие
15	Зеленый Яр п. 31	XII–XVII	М, 35–50	Треугольное отверстие	Чешуя лобной кости	Нет	Есть	Дырчатый перелом	Ранение оружием с треугольным острием	Смертельное боевое ранение

**Распространение травм на черепах взрослых людей
из выборок таежной зоны Западной Сибири**

Пол	Всего	Травмированные черепа		Травмы без заживления	
		N	n	%	n
Общее					
Мужчины	136	11	8,1±2,3	3	2,2±1,3
Женщины	66	2	3,0±2,1	0	0,0(±1,1)
Всего	204	15	7,3±1,8	5	2,4±1,1
VIII–XII вв.					
Мужчины	83	10	12,0±3,6	2	2,4±1,7
Женщины	27	2	7,4±5,0	0	0,0
Всего	111	13	11,7±3,0	3	2,7±1,5
XII–XVI вв.					
Мужчины	53	1	1,9±1,8	0	0,0
Женщины	38	0	0,0	0	0,0
Всего	91	1	1,1±1,1	0	0,0
Сайгатинские					
Мужчины	89	5	5,6±2,4	2	2,2±1,6
Женщины	50	0	0,0	0	0,0
Всего	140	6	4,3±1,7	2	1,4±1,0
Барсовские					
Мужчины	25	5	20,0±8,0	0	0,0
Женщины	12	2	16,7±10,8	0	0,0
Всего	37	7	18,9±6,4	0	0,0

Ввиду разнообразия травм, как по происхождению, так и по последствиям, только формального вычисления процента повреждений явно недостаточно. Наибольший интерес представляет рассмотрение реконструкций и интерпретаций ранений. Увеличению и без того значительной поливариантности завершающих этапов исследования способствует заживление краев повреждений и их тафономическое разрушение.

В то же время именно репарация является ключевым условием для однозначной интерпретации одного из важнейших аспектов событий, связанных с ранением. Наличие репараций свидетельствует о том, что человек выжил после травмы. Отсутствие этих признаков означает, что жертва погибла в ходе происшествя. Однако это не означает смертельность исследуемой травмы. Гибель могла наступить по иным обстоятельствам, например от раны в корпус, потери крови и многого другого.

Относительное количество повреждений, сопряженных со смертью, в общей совокупности составляет около 2 %, не существенно меняясь в выборках с зафиксированными незажившими повреждениями (табл. 2). Для черепов с установленной половой принадлежностью они обнаружены только у мужчин и только в раннесредневековой выборке. В локальных выборках повреждения, сопряженные со смертью, зафиксированы в сайгатинской группе и в относительно большом количестве в выборке Зеленого Яра (2 случая на 8 черепов — 25±15 %). Примечательно, что в барсовской группе при наибольшем относительном количестве травм ни одна из них не оказалась сопряжена со смертью жертвы. Помимо ранений на черепе, в категорию ран, сопряженных со смертью, попадают все особо описанные повреждения: рубленое ранение лицевой части черепа (№ 16), отсеченная голова (№ 17), а также обнаружение наконечника стрелы, пробившего глазницу и оказавшегося в мозговой коробке (№ 18).

При анализе частот повреждений важно рассматривать не только количество травмированных черепов, но и количество типов травм. Среди травмированных черепов относительное количество ранений, сопутствовавших смерти, составляет около 30 %, включая случаи скальпирования на черепных крышках с неустановленной половой принадлежностью (табл. 3). У мужчин доля таких травм — 23 % (в разных совокупностях — от 0 до 40 %²). Для сравниваемых локальных выборок трагические поражения зафиксированы только в сайгатинской группе (33 %)³.

² И даже до недостоверных 100 % (1 случай из 1) для Зеленого Яра.

³ И в Зеленом Яру в 2 из 2 случаев.

Распространение типов повреждений на травмированных черепах из выборок таежной зоны Западной Сибири

Пол	Травмы	Отсутствие заживлений		Овальное повреждение		Параллельные борозды		Циркулярные надрезы		Проникновения без заживления		Особые повреждения	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Общее													
Мужчины	13	3	23,1±11,7	4	30,8±12,8	4	30,8±12,8	0	0,0	3	23,1±11,7	1	7,7±7,4
Женщины	2	0	0,0	1	50,0±35,3	1	50,0±35,3	0	0,0	0	0,0	0	0
Всего	17	5	29,4±11,0	5	29,4±11,0	5	29,4±11,0	2	11,1±7,4	3	16,7±8,8	2	11,1±7,4
VIII–XII вв.													
Мужчины	12	2	16,7±10,8	4	33,3±13,6	4	33,3±13,6	0	0,0	2	16,7±10,8	1	8,3±8,0
Женщины	2	0	0,0	1	50,0±35,3	1	50,0±35,3	0	0,0	0	0	0	0,0
Всего	15	3	20,0±10,3	5	33,3±12,2	5	33,3±12,2	1	6,7±6,4	2	13,3±8,8	1	6,7±6,4
XII–XVI вв.													
Мужчины	1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	1	100(±50,0)	0	0,0
Женщины	0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	1	100	0	0,0
Сайгатинские													
Мужчины	5	2	40,0±21,9	2	40,0±21,9	0	0,0	0	0,0	2	40,0±21,9	1	20,0±17,9
Женщины	0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0	0,0
Всего	6	2	33,3±19,2	2	33,3±19,2	0	0,0	1	16,7±15,2	2	33,3±19,2	1	16,7±15,2
Барсовские													
Мужчины	7	0	0,0	2	28,6±17,1	4	57,1±18,7	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Женщины	2	0	0,0	1	50,0±35,3	1	50,0±35,3	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Всего	9	0	0,0	3	33,3±15,7	5	55,5±16,6	0	0,0	0	0,0	0	0,0

Пожалуй, только характеристикой, связанной с выживанием, и ограничивается однозначная интерпретация травмирующих событий. Другие аспекты реконструкций и интерпретаций поражений позволяют предполагать значительно большее количество вариантов. Для конструктивного анализа повреждений была проведена типологизация ранений, обнаруженных в средневековой выборке. Выделены четыре типа поражений и отдельные повреждения, не вписывающиеся в эту схему. Следует отметить, что предложенная типология удобна именно для анализа данной выборки. В других случаях она может быть неприменима. Однако описательная характеристика типов и наличие индивидуальных описаний позволяет легко трансформировать ее в иные классификации.

1-й тип: единичное повреждение овальной формы на теменной кости (рис. 1). Этот тип поражений может иметь форму депрессии или отверстия размерами 25×40–40×80. Дефект локализуется, как правило, на левой теменной кости (5 случаев) и редко — на правой (1). В исследуемой выборке эти ранения всегда имеют следы заживления. Эта категория объединяет повреждения на черепах № 1, 6, 7, 11, 13.

Единичное повреждение овальной формы может представлять собой скол в результате скользящего удара остролезвийным орудием или вдавленный перелом от удара твердым предметом с ограниченной вытянутой поверхностью.

При рассмотрении рубящего удара в качестве причины повреждений такого типа, первое, что можно предположить, это ранение в бою остролезвийным оружием, например саблей, рубильным ножом. Об этом свидетельствуют расположение раны в основном слева, т.е. как от удара правой рукой в сражении лицом к лицу; заметное количество остролезвийного оружия на археологических памятниках средневековья [Соловьев, 1987; Зыков, 2008]. Вместе с тем обращают на себя внимание характер повреждения на черепе № 1, которое представляет собой глубокую депрессию, с трудом объяснимую скользящим ударом; несмертельность ранений, повторяемость которых кажется странной для боя, и последующее заживление (т.е. врагов не добивали). Другую гипотезу, связанную с секущим ударом, мы изложили в ранее опубликованной статье [Ражев, Пошехонова, 2009]. В ней этот тип ранений интерпретировался как отсечение части кости с кожей и волосами в процессе скальпирования. Сходная форма скальпирования, при которой с головы снимался небольшой лоскут кожи, этнографически описана для североамериканских индейцев [Бодровский, Табарев]. Выживание раненых также указывает на ритуальность действия и нежелание физически убивать жертву.

Рис. 1. Единичные овальные повреждения:

1 — могильник Барсовский 1, № 1 по табл. 1; 2 — Сайгатинский 3, № 11; 3 — Сайгатинский 3, № 13; 4 — Барсовский 1, № 6.
На 1 и 2 повреждения показаны стрелками

Иным способом нанесения такой раны является удар тупым предметом, например дубинкой. Отверстие могло возникнуть в результате хирургической трепанации для удаления обломков и выравнивания краев. В качестве аргумента в пользу этой гипотезы могут выступать результаты исследования похожего повреждения на черепе ребенка из палеоматериалов могильника Устюг-1 [Слепченко и др., 2013]. Могильник расположен в подтаежной зоне Тюменской области, изучаемые останки относятся автором раскопок к раннему средневековью [Матвеева, 2012]. Повреждение представляет собой крупное отверстие на левой теменной кости. Трасологические исследования повреждения позволили установить, что «исследуемый дефект есть результат преднамеренного действия, выполненного с целью удаления участка теменной кости, иными словами — это трепанация» [Слепченко и др., 2013, с. 62], а также что следы на краях отверстия «связаны с отделением мягких тканей свода черепа при очищении будущего места трепанации от надкостницы и остатков мягких тканей» [Там же]. Трепанирование вдавленного перелома авторы исследования рассматривают как один из вариантов интерпретации действий, приведших к такому повреждению⁴. Сходные разрушения наблюдаются на черепах индейцев с территории современного Перу и Боливии, которые также связываются со срезанием травмирующих краев кости (трепанацией) в ходе хирургической операции по устранению вдавленных переломов от ударов «дубинкой» [Verano, 2003; Andrushko, Verano, 2008]. Против этого свидетельствует отсутствие (точнее, ненахождение) ударного оружия в виде дубинок у таяжных народов Западной Сибири исследуемого периода.

Таким образом, можно заключить, что овальное единичное повреждение возникало в результате удара по голове клинком или дубинкой. При этом в цели нападавшего не входило убийство жертвы. Единичные овальные повреждения обнаружены только в раннем средневековье. К этому типу относятся 30–40 % повреждений. Примерно с одинаковой частотой они фиксируются и у мужчин и у женщин. Эти повреждения примерно равно представлены и в сайгатинских, и в барсовских некрополях, в других местах они не обнаружены (табл. 3).

2-й тип краниальных повреждений: *множественные параллельные борозды* (рис. 2). Данный тип представляет собой комплекс из 2–3 параллельных депрессий, расположенных на моз-

⁴ В качестве другого варианта интерпретации предполагается ритуально-медицинская трепанация.

Травмы черепов средневекового населения Западной Сибири: распространение, структура...

говой коробке, размерами 1,5÷2,5×3÷6 см, глубиной до 3 мм, всегда со следами заживления, без проникновения. Когда обнаруживается три борозды, то средний дефект, как правило, оказывается меньше боковых. Комплекс локализуется примерно с одинаковой вероятностью на правой (2 случая) или левой (1 случай) теменной кости, на одном черепе (№ 3) зафиксированы сразу два комплекса на обеих теменных костях. К этому типу относятся повреждения на черепах № 2–5.

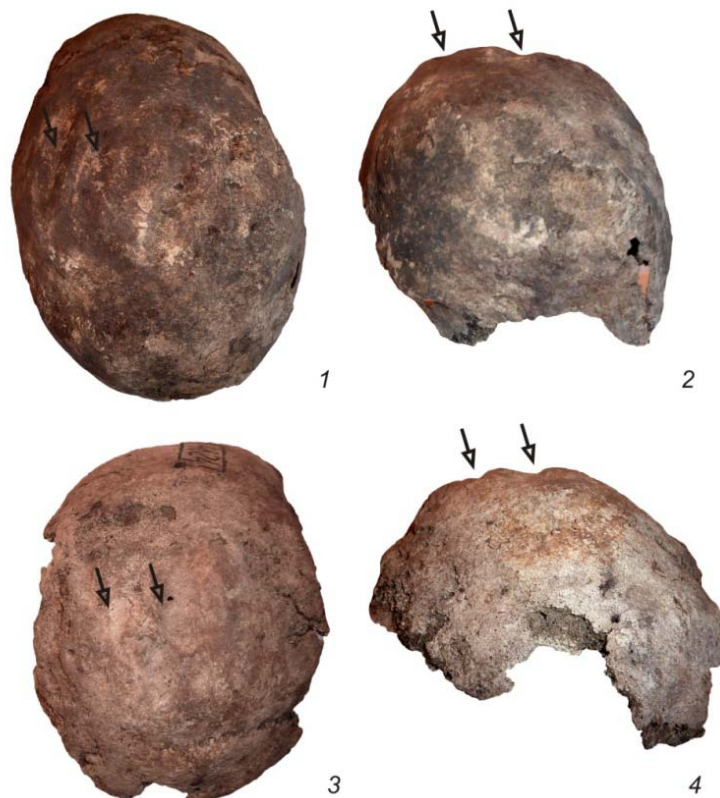

Рис. 2. Множественные параллельные борозды на черепах:
1, 2 — Барсовский 1, № 2, вид сверху и сзади; 3, 4 — Барсовский 1, № 5, вид сверху и сзади.
Повреждения показаны стрелками

Описанная морфология повреждения характерна для вдавленных переломов, возникающих в результате удара твердым тупым предметом. Однако проведенное ранее исследование черепа № 12 позволяет предположить еще один механизм образования травм этого типа. На черепе мужчины были зафиксированы сходные, но более тяжелые повреждения. Соотношение размеров и взаимоположение борозд позволили обосновать гипотезу, что это ранение было нанесено двойным царапаньем лапами в процессе нападения медведя на человека [Ражев, 2006]. Таким образом, комплекс из нескольких неглубоких борозд также мог получиться в результате удара и царапанья твердым предметом с заостренными выступами и представлять собой вдавленные переломы в сочетании со скоблением.

Оба варианта, и просто со вдавленными переломами, и с переломами с царапаньем, могут быть связаны с ударом по голове предметом специфической формы, например дубинкой с продольными лопастями, похожей на шестопер, или с поперечными валиками, похожей на рубель (приспособление для глажки белья). При этом наносился удар не летальный, но чувствительный. Такое регулярное явление едва ли может интерпретироваться как результат ранения в смертельном сражении. Против этого свидетельствует выживание всех жертв и косвенным образом — локализация повреждений с обеих сторон черепа. Вероятнее всего, это демонстративная или ритуальная агрессия. Об этом как раз и говорит повторяемость событий и выживание прошедших через ранение людей.

Аргументом против этих рассуждений является ненахождение такого типа орудий в археологических памятниках средневековых народов Западной Сибири.

Повреждения в виде параллельных борозд являются особо хроногеографически локализованными. Они обнаружены только в выборке VIII–XII вв. из барсовских могильников, где составляют 50–60 % от общего количества травм, в близкой степени затрагивая и мужчин и женщин.

3-й тип повреждений: полоса надрезов вокруг мозговой коробки. Данный тип, как и предыдущий, является комплексным, представляя собой последовательность неглубоких вдавленных переломов длиной 2–3 см, глубиной около 1 мм, опоясывающих мозговую коробку. В исследуемой выборке все повреждения такого типа оказались без следов заживления. К этой категории относятся повреждения на черепках № 8 и 14 (рис. 3).

Рис. 3. Полоса надрезов на черепках:
1 — Сайгатинский 6, № 8; 2 — Зеленый Яр, № 14. Повреждения показаны стрелками

Подобные повреждения получают в результате циркулярного подрезания кожи головы остролезвийным орудием для ее удаления. Такой вид полного снятия кожи головы был распространен в практике североамериканских индейцев [Бодровский, Табарев]. В пользу бытования подобного ритуала среди таежных народов свидетельствуют фольклорные материалы [Медникова, 2001; Карачаров, Ражев, 2002]. Стоит отметить, что в исследуемой совокупности жертвы, подвергшиеся этому нелетальному ритуалу, погибли. Это позволяет предположить, что данная форма скальпирования могла применяться к уже мертвому противнику. Тогда с точки зрения типологии интерпретаций типы 1 и 3 — это две подгруппы одного типа.

Останки с циркулярным типом повреждений имеют весьма скупые характеристики. Так, половую принадлежность не удалось определить в обоих случаях, хронологическая принадлежность в рамках периодов установлена только для одного индивидуума. Таким образом, частота встречаемости таких поражений составляет около 10 % от количества травмированных черепов общей совокупности.

4-й тип травматических повреждений: проникающие ранения без следов заживления (рис. 4). Этот, последний тип повреждений, выделенный среди травм средневековой таежной выборки, может иметь большое разнообразие морфологических проявлений. Объединяющей чертой для этого типа является дефект, проникающий в мозговую полость, и отсутствие следов репарации. В эту категорию попадают повреждения на черепках № 9, 10, 15.

Рис. 4. Проникающие ранения без следов заживления:
1 — Сайгатинский 6, № 9, вид спереди; 2 — Сайгатинский 6, № 10, вид сзади слева

Травмы черепов средневекового населения Западной Сибири: распространение, структура...

В исследуемой выборке данный тип повреждений представлен щелевидными и дырчатым переломами. Щелевидные переломы располагаются в левой части чешуи лобной кости черепа № 9 и на левой теменной кости черепа № 10. Морфология повреждений позволяет однозначно реконструировать механизм их образования как разруб остролезвийным предметом, например саблей. Очевидно, к этой же категории относятся и рубленое ранение лица на черепе № 16, и отсечение головы, установленное по комплексу костных элементов в окружении мумифицированных тканей «черепа» № 17 (рис. 5).

Рис. 5. Особые случаи проникающих ранений без следов заживления:
1 — Сайгатинский 6, № 16; 2 — Сайгатинский 6, № 17

Единственный случай дырчатого перелома представляет отверстие треугольной формы со сторонами 1–1,5 мм на чешуе лобной кости черепа № 15. Он образовался в результате сильного удара в переднюю часть головы предметом с треугольным наконечником. Аналогичный случай представляет обнаружение наконечника стрелы в заполнении черепа № 18. Расположение наконечника указывает, что стрела пробила глазницу и осталась в черепе. Ранение сопровождало смерть жертвы.

Таким образом, все описанные травмы, очевидно, являются боевыми ранениями, нанесение которых имело целью убийство человека. Во всех проанализированных случаях цель была достигнута. Проникающие боевые ранения были обнаружены только на мужских черепах, их относительное количество среди краниальных травм общей выборки составляет 17 %. В условно многочисленной мужской выборке раннего средневековья эти поражения составляют 17 %, увеличиваясь до недостоверных 100 % в случае единственного травмированного черепа позднего средневековья. Среди локальных выборок они многочисленны в сайгатинских некрополях (33 %) и не выявлены в барсовской совокупности, богатой по общему количеству поражений (табл. 3).

Особое повреждение, не вписывающееся в установленную выше типологию, на черепе № 12 Сайгатинского 3 могильника подробно описано в специальной публикации [Ражев, 2006]. Оно представляет собой 7 разноразмерных борозд, расположенных фронтодорзально на теменных костях. Длина повреждений от 4 до 8 см, глубина до 1,5 см, на дне нескольких углублений имеются проникновения в полость мозговой коробки, наблюдаются следы заживления (рис. 6). В качестве интерпретации этой травмы была предложена только одна версия. Данные повреждения являются следами двойного царапанья медвежьей лапы по голове человека. При этом была содрана кожа и разрушена наружная и внутренняя пластинки черепа. Человеку оказали адекватную медицинскую помощь, и он выжил. Как видно из реконструкций и интерпретаций, особые травмы являются отражением экстраординарных событий и не укладываются ни в один из описанных типов повреждений.

Данные по черепному травматизму являются важной информацией в аспекте вовлеченности социума в вооруженные конфликты различного рода, от межличностных до межгрупповых. В качестве такого показателя может рассматриваться относительное количество преднамеренных повреждений, полученных в ходе сражений. В средневековой таежной выборке к подобным травмам могут быть отнесены повреждения 4, 3 и 1-го типа. Эндемичные повреждения 2-го типа и случайные поражения, на наш взгляд, не соответствуют понятию «конфликтных». В общей выборке количество «конфликтных» повреждений составляет около 5 % (табл. 4). Для мужчин этот показатель примерно в 3 раза больше, чем для женщин. В раннем средневековье относительное

число поражений составляет 7 %, на следующем этапе стремительно уменьшается до 1 %. Значительная разница наблюдается для локальных выборок. Так, в барсовской группе показатель конфликтного травматизма максимальный в данном исследовании и составляет около 8 %, почти одинаково затрагивая и мужчин и женщин. В сайгатинской же совокупности он в 2 раза ниже и касается только мужчин.

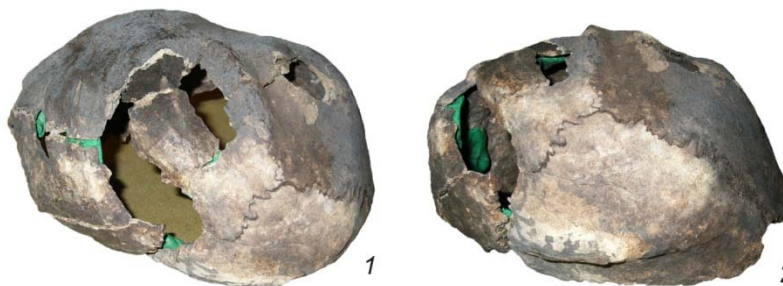

Рис. 6. Особое повреждение на черепе № 12 из могильника Сайгатинский 3. Вид слева сзади и сзади

Таблица 4

«Конфликтные» травмы на черепях выборок таежной зоны Западной Сибири

Пол	Всего N	Череп с «конфликтными» травмами	
		n	%
Общее			
Мужчины	136	7	5,1±1,9
Женщины	66	1	1,5±1,5
<i>Всего</i>	204	10	4,9±1,5
VIII–XII вв.			
Мужчины	83	6	7,2±2,4
Женщины	27	1	3,7±3,6
<i>Всего</i>	111	8	7,2±2,5
XII–XVI вв.			
Мужчины	53	1	1,9±1,8
Женщины	38	0	0,0
<i>Всего</i>	91	1	1,1±1,1
Сайгатинские			
Мужчины	89	4	4,5±2,2
Женщины	50	0	0,0
<i>Всего</i>	140	5	3,6±1,6
Барсовские			
Мужчины	25	2	8,0±5,4
Женщины	12	1	8,3±7,5
<i>Всего</i>	37	3	8,1±4,5

Заключение

В целом для средневековой выборки повреждения были зафиксированы на 7 % черепов. У мужчин травмы наблюдаются в разы чаще, чем у женщин. Основное количество повреждений приходится на период раннего средневековья (VIII–XII вв.), для которого их относительное количество приближается к 12 %, затрагивая и мужчин и женщин. В позднем средневековье уровень травматизма снижается до 1 %, ранения обнаруживаются только у мужчин. Количество незаживших повреждений составляет 2 % в общей выборке таежной совокупности.

Ранения, сопряженные со смертью, обнаружены только у мужчин, и только в период раннего средневековья. При расчете от общего количества травм относительное количество ранений, сопутствовавших смерти, составило около 30 %, включая случаи скальпирования на черепных крышках с неустановленной половой принадлежностью. Из 70 % травм со следами полного заживления 17 % являются дефектами, проникающими в мозговую полость. Существенное количество таких повреждений свидетельствуют о высоком уровне медицинских знаний таежного средневекового населения, отразившемся в эффективной практике лечения тяжелых ранений.

Травмы черепов средневекового населения Западной Сибири: распространение, структура...

Для конструктивной работы с разнообразными травмами была проведена типологизация повреждений, опирающаяся на повторяемость некоторых морфологических характеристик и позволяющая предлагать единую реконструкцию событий. Было выделено четыре типа повреждений. Единичные овальные повреждения в форме депрессий или отверстий обнаружены только в раннем средневековье. Но в это время они были достаточно распространенными, к ним относятся 30–50 % повреждений. Примерно с одинаковой частотой они фиксируются и мужчин и у женщин. Травмы этого типа могли возникнуть в результате рубящего удара клинком или дробящего удара «дубинкой». При этом удар рассчитывался таким образом, чтобы жертва не была убита. В качестве достаточно обоснованной и наиболее привлекательной версии интерпретации этого типа повреждений видится ритуал частичного скальпирования, при котором с головы жертвы снимался лоскут кожи с волосами. Вероятно, в ряде случаев скальпирование проводилось ударом клинка, при котором повреждались теменные кости черепа. При лечении этих ран в ряде случаев применялась хирургическая трепанация для удаления отломков.

Второй тип повреждений представляет собой комплекс из двух-трех параллельных борозд. Он имеет очень локальное проявление и встречается только в выборке VIII–XII вв. барсовских могильников. Но для этой совокупности он составляет более 50 % всех повреждений, в равной степени затрагивая и мужчин и женщин. Этот тип повреждений может возникнуть в результате удара по голове предметом специфической формы, имеющим твердые ребристые выступы. При этом наносился удар не смертельный, но достаточно сильный, чтобы повредить кости. Такое регулярное явление, вероятнее всего, может возникать в повторяющихся ситуациях с проявлением демонстративной или ритуальной агрессии.

Еще один комплекс повреждений — последовательность неглубоких порезов, опоясывающих мозговую коробку, отнесен к третьему типу. Подобные повреждения получаются в результате циркулярного подрезания остролезвийным орудием кожи головы. В данном случае мы имеем дело с последствиями еще одной формы скальпирования — полного удаления кожи головы. Они составляют около 10 % от общего числа травм. В рассматриваемой средневековой выборке травмы этого типа не имеют признаков заживления, что позволяет предположить приоритетное применение данной формы скальпирования к мертвому противнику.

В четвертый тип объединены повреждения с наличием незажившего проникающего дефекта вследствие рубящих и проникающих ударов. Все эти травмы, очевидно, являются сопряженными со смертью боевыми ранениями. Повреждения данного типа обнаружены только на мужских черепах, их относительное количество от общего числа травм составляет 17 %.

Кроме классифицируемых травм в средневековой выборке было обнаружено единичное специфическое повреждение — многочисленные разноразмерные борозды, интерпретируемые как последствия царапанья медвежьей лапой.

Рассмотрение «конфликтных» повреждений (типы 1, 3, 4) показывает, что их относительное количество в общей выборке близко к 5 % и мужчины ожидаемо травмированы в несколько раз больше, чем женщины. В хронологическом рассмотрении количество «конфликтных» поражений резко уменьшается — от 7 % раннесредневекового периода к 1 % позднего средневековья.

Биоантропологические исследования населения раннего железного века степных территорий Евразии позволили выделить три категории обществ по уровню боевого травматизма. «К первой категории относятся общества, в погребениях которых пораженные черепа не превышают 3 %. Боевой травматизм затрагивает очень небольшую часть таких коллективов, и очевидно, что их представители в основном не участвовали в военных сражениях. ...Во второй категории объединяются коллективы, в могильниках которых краниальные травмы отмечаются в пределах 3–10 % как на мужских (в основном), так и на женских черепах. Боевые поражения в этих случаях затрагивают значительную часть общества — десятки процентов. По всей видимости, это население регулярно втягивалось в военные действия, причем выступая как агрессорами, так и жертвами» [Ражев, 2009, с. 313]. Раннесредневековый социум в полной мере соответствует воинственным обществам второй категории, представители которых регулярно участвовали в боевых конфликтах в качестве и нападавших, и жертв. Общество же позднего средневековья соответствует более миролюбивой первой категории.

В локально-географическом плане для сопоставления оказались доступны две близкие группы могильников — сайгатинские и барсовские. Их сравнение выявило значительные различия. В барсовской группе зафиксировано достаточно большое количество травм — более 20 %, при этом их количество у женщин и мужчин отличается незначительно. В сайгатинской же со-

вокупности краниоповреждений в 5 раз меньше и присутствуют они только у мужчин. Сходная ситуация отражается и на конфликтных травмах. В барсовской совокупности их 8 %, что приближает их к категории постоянно воюющих обществ [Ражев, 2009]. В сайгатинской совокупности их в разы меньше. С другой стороны, раны, сопряженные со смертью, обнаружены только в сайгатинской выборке и отсутствуют в травмообильной барсовской. Кроме того, в барсовской совокупности зафиксированы эндемичные повреждения 2-го типа, которые могут интерпретироваться как последствия особых ритуалов, с нанесением ударов по голове предметами специфической формы. Все это указывает на то, что сайгатинские и барсовские некрополи были оставлены группами, значительно различающимися в социальном плане.

Исследование выявило основные типы травм черепа, встречающихся среди средневекового населения Западной Сибири. Дальнейшая работа видится в детализации локально-хронологического распространения краниопатологий, увеличении обоснованности реконструкций травмирующих действий и их социально-исторических интерпретаций.

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность О.Е. Пошехоновой за действенную помощь в работе над текстом, М.П. Рыкун за разрешение работать с коллекциями, К.Г. Карачарову за возможность использовать неопубликованные палеоантропологические материалы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеева Т.И.* К оценке травматических повреждений на скелетах древнего человека. Дискуссия // РА. 1997. № 4. С. 107.
- Бодровский А.П., Табарев А.В.* Скальпирование в Северной Америке и Западной Сибири по данным археологии // Месоамерика глазами русских первопроходцев. 2001–2002 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.mesoamerica.ru/indians/north/scalp-tabarev.html>.
- Васильев С.В., Нечвалода А.И., Карачаров К.Г., Ражев Д.И.* Комплексная палеоантропологическая реконструкция находок из могильников Сайгатинский IV и VI // Вестн. антропологии. 2006. Вып. 13. С. 55–63.
- Зыков А.П.* Кузнечные изделия населения Северо-Западной Сибири во II–XVII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 24 с.
- Карачаров К.Г., Ражев Д.И.* Обычай скальпирования на севере Западной Сибири в средние века // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. Вып. 4. С. 137–140.
- Крюков В.Н.* Судебная медицина. М.: Медицина, 1990. 448 с.
- Мамонова Н.Н.* Боевые травмы на черепах из могильника Улангом (V–III вв. до н.э.) // РА. 1997. № 4. С. 108–121.
- Матвеева Н.П.* Могильник Устюг-1 по раскопкам 2009–2010 гг. // АВ ORIGINE. 2012. Вып. 4. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, С. 38–75.
- Медникова М.Б.* К вопросу о распространении посмертной трепанации черепов в Центральной Азии // РА. 1997. № 4. С. 130–142.
- Медникова М.Б.* Трепанация у древних народов Евразии. М.: Науч. мир, 2001. 304 с.
- Нагорнов М.Н., Солохин Ю.А.* Классификация переломов свода черепа: Информационное письмо. М., 2001. 7 с.
- Наран Б., Тумэн Д.* Травматические повреждения на черепах Чандманьского могильника // РА. 1997. № 4. С. 122–129.
- Ражев Д.И.* Случаи черепных травм средневекового населения Западной Сибири // Вестн. антропологии. 2006. Вып. 14. С. 98–101.
- Ражев Д.И.* Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург: УрО РАН, 2009. 492 с.
- Ражев Д.И., Пошехонова О.Е.* Обычай срубания кос у средневековых воинов Западной Сибири // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2009. № 10. С. 83–89.
- Ражев Д.И., Святова Е.О.* Опыт описания и интерпретации множественных переломов ребер (при палеоантропологическом анализе) // Вестн. антропологии. 2006. Вып. 14. С. 268–282.
- Слепченко С.М., Пошехонова О.Е., Скочина С.Н.* К вопросу о медицинских знаниях раннесредневекового населения Притоболья (по материалам могильника Устюг-1) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. № 1 (20). С. 58–66.
- Соловьев А.И.* Военное дело коренного населения Западной Сибири (эпоха средневековья). Новосибирск, 1987. 193 с.
- Andrushko V. A., Verano J. W.* Prehistoric Trepanation in the Cuzco Region of Peru: A View Into an Ancient Andean Practice // Amer. Journ. of Physical Anthropology. 2008. 137. P. 4–13.
- Ortner D. J., Putschar W. G. J.* Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. Washington: Smithsonian Inst. Press, 1985. 488 p.

Травмы черепов средневекового населения Западной Сибири: распространение, структура...

Verano J. V. Chapter 17. Trepanation in prehistoric South America: Geographic and temporal trends over 2,000 years // Trepanation. History, Discovery, Theory / Ed. By R. Arnton, S. Finger and C. U. M. Smith. Swets & Zietlinger, Lisse, Netherlands. 2003. P. 223–236.

Тюмень, ИПОС СО РАН
rajevd0@gmail.com

The undertaken investigation, basing on a sampling of 204 crania distinguished by gender, chronological and local characteristics, managed to manifest specific features and structural elements of craniotraumatism with medieval population from taiga zone of West Siberia. Injuries were registered with 7 % of the crania. With males, traumas were observed several times more often than with females. The dominant number of injuries falls on a period of early Middle Ages for which their number approximates 12 %, involving both males and females. During late Middle Ages level of traumatism was reduced to 1 %, while injuries were detected exceptionally with males. Mortal injuries were detected only with males, and only during early Middle Ages. The author selected 4 types of intentional injuries differing in methods of application as well as in cultural and historical interpretation, determining their chronological dynamics and local variability.

West Siberia, taiga zone, Middle Ages, cranium, traumas.

КРАНИОЛОГИЯ НАСЕЛЕНИЯ БАБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

А.А. Казарницкий

Статья посвящена анализу краниометрических данных носителей бабинской археологической культуры. Сопоставление с краниологическими сериями эпохи средней и поздней бронзы Восточной Европы свидетельствует о сходстве представителей бабинской культуры с другими посткатакомбными степными популяциями лопинской культуры и криволукской культурной группы, а также о значительном участии в формировании бабинского населения потомков носителей восточно-европейских культур шнуровой керамики.

Физическая антропология, краниология, бабинская культура, посткатакомбные культуры, археология, эпоха бронзы.

Бабинская археологическая культура, или культура многоваликовой керамики, была распространена в Северном Причерноморье и Нижнем Подонье в 2200–1800 гг. до н.э. [Литвиненко, 2002, 2009]. Краниологические материалы из бабинских погребений известны по ряду публикаций украинских антропологов [Зиневич, 1967; Зиневич, Круц, 1968; Кондукторова, 1969, 1973; Круц, 1969, 1973, 1984], в которых присутствуют подробные измерительные данные черепов, однако не анализируется степень сходства бабинской краниологической выборки с другими сериями черепов эпохи бронзы Восточной Европы. Причинами этого, по всей видимости, являются долгий период формирования выборки и, как правило, плохая сохранность антропологических материалов. Данная работа посвящена заполнению этого существенного пробела.

Мужская серия бабинской культуры состоит из 37 черепов преимущественно плохой сохранности, некоторые из них представлены всего двумя-тремя размерами. Представителям мужской части населения бабинской культуры в среднем свойственны следующие характеристики (табл. 1): очень длинная, узкая и высокая мозговая коробка, долихокранная по черепному указателю и ортокранная по высотно-продольному; лоб средней ширины, сильно наклонный; лицевой отдел средней высоты, узкий на уровне скул, но широкий на уровне фронтально-малярно-темпоральных точек, ортогнатный по общему лицевому углу, по верхнему лицевому указателю — лептен; горизонтальная профилированность лица очень резкая на верхнем уровне, и резкая — на среднем; орбиты широкие, средневысокие, мезоконхные; нос средневысокий, узкий, лепторинный, очень сильно выступающий; носовые кости средней ширины и очень высокие, симметрический указатель на границе больших и очень больших значений; клыковая ямка средней глубины; небо среднеширокое.

Женская серия бабинской культуры представлена 10 черепами более плохой сохранности, чем мужские, и в среднем характеризуется следующими чертами (табл. 1): длинная мозговая коробка средней ширины и высоты, долихокранная и ортокранная по черепному и высотно-продольному указателям; средненаклонный лоб средней же ширины; ортогнатное лицо средней высоты и ширины (хотя на верхнем уровне ширина лица попадает в начало категории больших значений), по верхнему лицевому указателю — мезен, горизонтальная профилированность лица резкая; орбиты узкие и очень низкие, мезоконхные; нос средневысокий, узкий, мезоринный, со средним углом выпуклости относительно вертикального лицевого профиля; носовые кости средней ширины и очень высокие, симметрический указатель очень большой; клыковая ямка средней глубины; небо среднеширокое. По сравнению с мужской серией, женская в целом менее лептоморфная, однако, с учетом малого числа наблюдений в последнем случае, различия вряд ли достоверны.

Для внутригруппового анализа методом главных компонент (ГК) были использованы данные по 11 линейным признакам² 30 наиболее хорошо сохранившихся мужских черепов. Первые две компоненты отразили в результате 54 % общей изменчивости. Максимальные нагрузки в ГК I получили продольный и поперечный диаметры, ушная высота, наименьшая ширина лба, верх-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 13-06-00031.

² Продольный и поперечный диаметры черепной коробки, высота черепа от порионов, наименьшая ширина лба, скуловой диаметр, верхняя ширина и верхняя высота лица, ширина и высота левой орбиты, ширина и высота грушевидного отверстия.

Краниология населения бабинской культуры

няя ширина лица и ширина орбиты, в ГК II — все остальные признаки, т.е. скуловой диаметр, верхняя высота лица, ширина и высота носа и высота орбиты.

Таблица 1

Средние краниометрические данные мужской и женской серий бабинской культуры

Признак	Мужчины			Женщины		
	n	X	sd	n	X	sd
1. Продольный диаметр	36	193.0	6.7	10	180.3	5.7
8. Поперечный диаметр	34	136.4	5.4	10	134.7	6.1
17. Высотный диаметр	13	137.5	7.3	6	129.3	2.9
5. Длина основания черепа	10	106.9	4.9	6	101.3	4.0
20. Ушная высота	30	116.9	5.1	8	110.6	4.0
9. Наименьшая ширина лба	31	98.3	4.2	8	93.1	4.0
11. Ширина основания черепа	28	121.8	5.5	7	116.4	7.8
45. Скуловой диаметр	23	130.4	6.2	7	123.4	5.3
40. Длина основания лица	11	100.4	7.1	4	91.8	3.4
48. Верхняя высота лица	27	72.1	4.4	7	67.9	3.5
43. Верхняя ширина лица	27	107.6	4.1	8	103.1	3.5
46. Средняя ширина лица	15	95.5	5.9	4	86.8	3.9
60. Длина альвеолярной дуги	9	54.6	2.1	2	50.5	0.7
61. Ширина альвеолярной дуги	11	60.3	3.1	2	60.5	2.1
62. Длина неба	6	44.7	2.1	3	43.3	3.1
63. Ширина неба	7	36.0	3.8	3	35.0	2.0
55. Высота носа	26	52.0	3.3	8	49.1	3.9
54. Ширина носа	24	24.3	1.8	8	23.1	1.0
51. Ширина орбиты от mf	23	43.0	2.2	6	39.2	1.4
52. Высота орбиты	26	33.6	2.2	6	30.9	2.3
77. Назомалярный угол	13	133.7	4.7	6	136.6	5.8
Зигомаксиллярный угол	12	127.0	4.8	4	128.8	12.0
SC. Симотическая ширина	14	8.4	1.5	6	9.1	1.9
SS. Симотическая высота	14	5.0	1.2	6	4.8	0.9
32. Угол наклона лба от n	13	77.4	4.5	4	83.3	3.3
GM/FH. Угол наклона лба от gl	14	70.5	5.1	4	76.8	3.8
72. Общий лицевой угол	11	87.0	1.8	4	86.5	2.9
75(1). Угол выступания носовых костей	7	34.3	6.4	2	24.0	2.8
FC. Глубина клыковой ямки	21	5.9	2.1	7	5.1	1.4
8:1. Черепной указатель	33	70.6	2.6	10	74.8	3.8
17:1. Высотно-продольный указатель от ba	13	71.3	3.6	6	71.8	4.0
20:1. Высотно-продольный указатель от po	29	60.3	2.5	8	61.0	1.9
48:45. Верхний лицевой указатель	19	55.2	3.4	6	54.7	4.0
54:55. Носовой указатель	22	46.2	2.4	8	47.4	4.3
52:51. Орбитный указатель	23	78.0	7.5	6	79.0	5.7
SS:SC. Симотический указатель	14	59.5	9.8	6	53.4	11.7
63:62. Нёбный указатель	3	80.6	8.0	3	80.9	4.2

Расположение черепов в координатном пространстве первой и второй главных компонент (рис. 1) может соответствовать нормальному распределению морфологически однородной выборки. Наиболее типичное сочетание краниометрических признаков наблюдается у сконцентрированных в центре графика черепов из курганов Запорожья (на рис. 1 № 1, 3–6). Однако из-за минимальных значений по обоим компонентам оказались несколько обособлены три черепа из памятников Новопетровка II, Петропавловка и Вольногрушевка (на рис. 1 № 7, 17, 18) — им свойственны сравнительно большие размеры нейрокраниума, меньшие высота и ширина носа и лица в целом, а также более широкие орбиты. Упомянутые могильники довольно далеки друг от друга и расположены на разных берегах Днепра, при этом другие черепа из тех же или соседних памятников (Вольногрушевка и Новопетровка I) имеют стандартную для представителей бабинской культуры краниологическую характеристику (на рис. 1 № 8, 16). Гистограммы значений использованных в анализе признаков почти повсюду близки к кривым нормального распределения, за исключением наименьшей ширины лица и высоты орбиты, на которые в том числе легли высокие нагрузки в первой главной компоненте. Кроме того, при сравнении корреляций краниометрических признаков рассматриваемой серии со стандартными [Ефимова, 1991] можно отметить пониженную корреляцию между продольным диаметром, с одной стороны, и скуловым диаметром и верхней высотой лица, с другой, а также ряд повышенных коэффициентов, связанных с шириной и высотой носа и шириной орбит (табл. 2).

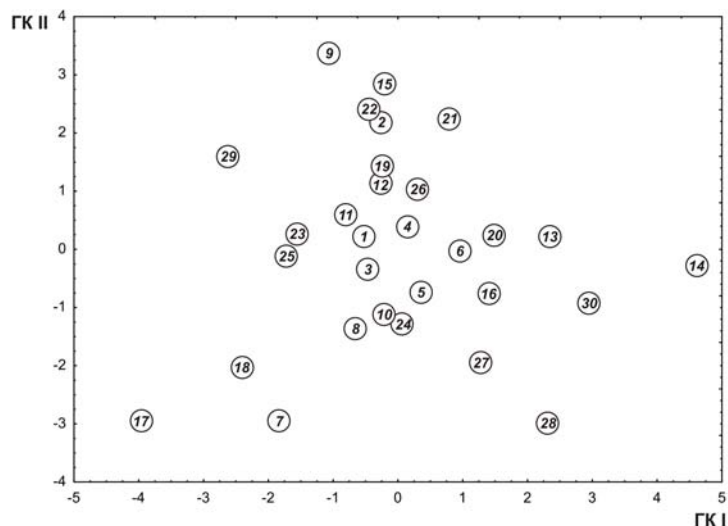

Рис. 1. Мужские черепа носителей бабинской культуры в пространстве первой и второй главных компонент: 1 — с/з Суворова, к. 1 п. 2; 2 — Златополь, к. 17 п. 7; 3 — Коминтерн, к. 46 п. 7; 4 — Вольнянка, к. 2 п. 4; 5 — Опытная станция, к. 1 п. 8; 6 — Вольнянка, к. 17 п. 7; 7 — Вольногрушевка, к. 1 п. 11; 8 — Вольногрушевка, к. 2 п. 5; 9 — Любимовка, к. 1 п. 2; 10 — Красный Перекоп, PI/IV, к. 1 п. 6; 11 — Скадовск, ур. Цукур, к. 1 п. 12; 12 — Любимовка, к. 42 п. 1; 13 — Гавриловка, к. 1 п. 7; 14 — хутор Шевченко, к. 4 п. 14; 15 — группа 13 км, к. 3 п. 7; 16 — Новопетровка, I к. 2 п. 4; 17 — Новопетровка, II к. 1 п. 13; 18 — Петропавловка, к. 5 п. 2; 19 — Адамовка, к. 1 п. 13; 20 — Адамовка, к. 1 п. 7; 21 — Адамовка, к. 1 п. 8а; 22 — Марьянское, к. 1 п. 9; 23 — Усть-Каменка, к. 1 п. 10; 24 — Новогригорьевка, к. 2 п. 6 ск. 1; 25 — Новокондаково, р. 3 п. 1; 26 — Новокондаково, р. 3 п. 2; 27 — Кошары, к. 1 п. 2; 28 — Кошары, к. 1 п. 3; 29 — Кошары, к. 1 п. 4; 30 — Кошары, к. 1 п. 6. В анализ не включены черепа из Адамовки, к. 1 п. 8Б; Нижнего Рогачика, к. 1 п. 4; Шевченко, к. 2 п. 16; Вольнянки, к. 2 п. 6; Вольнянки, к. 8 п. 11; Ковалевки II, к. 1 п. 3, и Ковалевки III, к. 1 п. 4

Таблица 2

Корреляции признаков, использованных для внутригруппового анализа

	1	8	20	9	45	48	43	55	54	51	52
1	1.000										
8	0.323	1.000									
20	0.403	0.237	1.000								
9	0.468	0.599	0.501	1.000							
45	-0.230 [†]	0.324	-0.115	0.475	1.000						
48	-0.249 [†]	0.472	-0.194	0.116	0.431	1.000					
43	0.657	0.607	0.514	0.778	0.078	0.199	1.000				
55	-0.340	0.521 [*]	-0.132	0.131	0.341	0.735	0.136	1.000			
54	-0.530 [*]	0.353	-0.279	0.138	0.691 [*]	0.432	-0.111	0.698 [*]	1.000		
51	0.455	0.194	0.672 [*]	0.216	-0.299	0.015	0.429	0.064	-0.312	1.000	
52	-0.309	0.167	-0.385	-0.052	-0.007	0.434	0.017	0.506	0.212	-0.223	1.000

[†] Корреляции ниже стандартных.

^{*} Корреляции выше стандартных.

Таким образом, основания для выделения локальных популяционных групп в рассматриваемой краниологической серии отсутствуют, но перечисленного достаточно для предположения о том, что какая-то часть представителей бабинской культуры могла иметь отличающееся от большинства происхождение. Недостаточная сохранность краниологических материалов не позволяет сделать более конкретные выводы по результатам внутригруппового анализа. При этом следует иметь в виду, что при обсуждении внутривидовой структуры не были учтены крайне важные для дифференциации европеоидов, но слишком скудные данные об угловых размерах бабинских черепов.

Межпопуляционный дискриминантный канонический анализ был проведен по индивидуальным краниометрическим данным в несколько этапов с разным составом серий. При отсутствии отдельных измерений подставлялись средние по группам значения, что, к сожалению, не редкость для палеоантропологических материалов эпохи бронзы и снижает степень дифференциации краниологических серий, но отнюдь не делает ее невозможной, позволяя при этом

Краниология населения бабинской культуры

использовать большее количество признаков³, чем при внутригрупповом анализе. Перечень серий, использованных в межгрупповом сопоставлении, приведен в табл. 3.

Таблица 3

Краниологические серии, используемые для межгруппового анализа

№	Серия	Источник
1	Абашевская культура (Чувашия)	[Дебец, 1948; Акимова, 1955; Лебединская, Герасимова, 1966]
2	Балановская культура	[Акимова, 1947, 1963]
3–5	Фатьяновская культура;	[Денисова, 1975]
6	Могильник Кивуткалнс (Латвия)	[Денисова, 1975]
7	Криволукская культурная группа	[Хохлов, Мимоход, 2008]
8	Лолинская культура	[Герасимова, Калмыков, 2007; Хохлов, Мимоход, 2008; Казарницкий, 2010]
9	Бабинская культура	[Зиневич, 1967; Зиневич, Круц, 1968; Кондукторова, 1973; Круц, 1973; Круц, 1984]
10	Могильник Лчашен (Армения)	[Азизян, 1965]
11	Могильник Гинчи (Дагестан)	[Гаджиев, 1975]
12	Могильник Норадуз (Армения)	[Алексеев, 1974]
13	Могильник Ором (Армения)	[Мкртчян, 2001]
14	Могильник Артик (Армения)	[Алексеев, 1974]
15	Полтавкинская культура	[Хохлов, 1998, неопубл.]
16	Катакомбная культура Волгоградской обл.	[Фирштейн, 1967; Шевченко, неопубл.]
17	Катакомбная культура Ростовской обл. (правый берег Дона)	[Шевченко, неопубл.; Казарницкий, 2012б]
18	Катакомбная культура Ростовской обл. (левый берег Дона)	[Шевченко, неопубл.; Казарницкий, 2012б]
19	Катакомбная культура Запорожской области (Украина)	[Круц, 1984]
20	Катакомбная культура Николаевской области (Украина)	[Круц, 1984]
21	Катакомбная культура Хесонской области (Украина)	[Круц, 1984]
22	Катакомбная культура Калмыкии	[Шевченко, неопубл.; Казарницкий, 2012б]
23	Черкаскульская культура	[Акимова, 1968; Шевченко, 1980]
24–25	Федоровская культура	[Дремов, 1997]
26	Алакульская культура (Западный Казахстан)	[Гинзбург, 1962; Алексеев, 1964]
27	Алакульская культура (Южное Приуралье)	[Китов, 2011, неопубл.]
28	Синташтинская культура	[Линдстром, 2002; Рыкушина, 2003; Китов, неопубл.]
29	Потаповские памятники	[Яблонский, Хохлов, 1994]
30	Покровская культура	[Хохлов, 1998, неопубл.]

На первом этапе в анализ были включены 25 мужских европеоидных краниологических выборок общей численностью 525 черепов, происходящих из памятников эпохи бронзы Восточной Европы, Южного Приуралья и Западной Сибири. В первом каноническом векторе (КВ I) наибольшую дифференцирующую способность проявили скуловой диаметр, высота орбиты и поперечный диаметр; во втором каноническом векторе (КВ II) — угол выступания носа, зигомаксиллярный угол и высота носовых костей (табл. 4).

Положение серий в пространстве первых двух канонических векторов, отражающих в совокупности 45 % общей изменчивости, представлено на рис. 2. Минимальные значения в первом векторе при средних значениях в КВ II получили несколько локальных краниологических серий катакомбной культуры, для которых в целом характерно сочетание самых низких в данном масштабе орбит, широкого лица и средних для европеоидов показателей выступания носа, высоты носовых костей и горизонтальной профилированности лица на среднем уровне. Наименьшие значения в КВ II получили серии черепов из могильников Северного Кавказа и Закавказья из-за очень малого зигомаксиллярного угла и самого большого в данном масштабе угла выступания носа. Наибольшие значения в том же втором векторе — у восточных серий черкаскульской и федоровской культур, имеющих противоположные кавказским особенности (ослабленная профилировка лица и небольшой угол выступания носа). Наконец, самостоятельное скопление в поле максимальных значений в КВ I сформировали серии, чье происхождение связано с кругом культур

³ Продольный, поперечный и высотный диаметры черепной коробки, наименьшая ширина и угол наклона лба (от назиона), скуловой диаметр, верхняя высота лица, верхняя ширина лица, средняя ширина лица, ширина и высота левой орбиты, ширина и высота грушевидного отверстия, назомаллярный угол, зигомаксиллярный угол, ширина и высота носовых костей, общий лицевой угол и угол выступания носа.

А.А. Казарницкий

шнуровой керамики (балановская, фатьяновские, кивуткалнская),— их отличают наиболее лептоморфное строение как лицевого отдела, так и нейрокраниума при средних по сравнению с другими выборками углах выступания носа и горизонтальной профилированности лица. Кроме того, нужно отметить, что наблюдаемое на графике расположение трех южных катакомбных серий (левобережная ростовская, калмыцкая и волгоградская) чуть в стороне от катакомбного большинства и ближе к кавказским выборкам объясняется участием кавказских коллективов в формировании населения катакомбной культуры Предкавказья и Нижнего Поволжья [Казарницкий, 2012б].

Таблица 4

Элементы первых двух канонических векторов (КВ) для трех этапов межгруппового анализа

Признак	Этап I		Этап II		Этап III	
	КВ I	КВ II	КВ I	КВ II	КВ I	КВ II
1. Продольный диаметр	0.200	-0.333	0.192	-0.345	0.210	-0.486
8. Поперечный диаметр	-0.449	0.324	-0.443	0.345	-0.422	0.400
17. Высотный диаметр	0.002	-0.104	0.014	-0.090	0.030	-0.125
9. Наименьшая ширина лба	-0.221	-0.086	-0.231	-0.086	-0.216	-0.060
45. Скуловой диаметр	-0.510	0.258	-0.514	0.275	-0.446	0.284
48. Верхняя высота лица	0.036	-0.376	0.034	-0.368	0.025	-0.406
43. Верхняя ширина лица	-0.313	0.145	-0.328	0.167	-0.311	0.170
46. Средняя ширина лица	-0.031	0.187	-0.042	0.178	-0.005	0.128
55. Высота носа	0.171	-0.274	0.163	-0.272	0.178	-0.314
54. Ширина носа	-0.132	0.155	-0.123	0.173	-0.098	0.075
51. Ширина орбиты	0.014	-0.016	0.004	0.027	0.063	0.122
52. Высота орбиты	0.490	-0.171	0.477	-0.208	0.502	-0.223
77. Назомалярный угол	-0.131	0.256	-0.139	0.265	-0.103	0.338
Зигомаксиллярный угол	-0.023	0.495	-0.014	0.495	0.024	0.471
SC. Симотическая ширина	0.123	-0.188	0.116	-0.185	0.116	-0.128
SS. Симотическая высота	-0.077	-0.409	-0.101	-0.393	-0.118	-0.331
32. Угол наклона лба от назиона	0.033	0.043	0.027	0.064	-0.001	0.127
72. Общий лицевой угол	-0.044	-0.028	-0.048	-0.038	-0.040	-0.084
75(1). Угол выступания носовых костей	-0.396	-0.625	-0.455	-0.616	-0.448	-0.596
Процент дисперсии	26.512	18.951	23.545	18.201	19.315	15.223

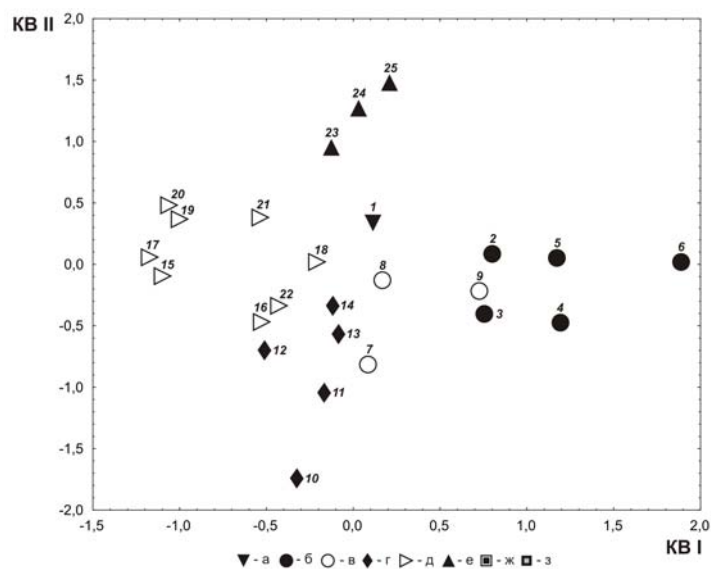

Рис. 2. Мужские краниологические серии эпохи бронзы в пространстве первого и второго канонического векторов. Этап I:

Номера серий см. в табл. 3. Условные обозначения (здесь и далее): а — абашевская культура; б — шнурокерамические балановская и фатьяновская культуры и могильник Кивуткалнс; в — посткатакомбные бабинская и лолинская культуры и криволукская культурная группа; г — могильники Северного Кавказа и Закавказья; д — катакомбные культуры; е — андроновские федоровская, алакульская и черкаскульская культуры; ж — синташтинские, потаповские и покровские памятники; з — серии срубной культуры Башкирии, Ульяновской, Самарской, Саратовской, Волгоградской, Ростовской, Астраханской областей, Калмыкии и Украины

Краниология населения бабинской культуры

Краниологические выборки блока посткатакомбных культур (бабинская, лолинская, и криволюкская) расположились в многомерном пространстве неподалеку друг от друга, демонстрируя ряд общих морфологических черт. Однако если лолинская и криволюкская группы тяготеют к кавказским и южным катакомбным сериям, то бабинская оказалась ближе к шнурокерамическим. Соседство координат бабинской и фатьяновских серий вряд ли уместно трактовать как свидетельство непосредственного участия носителей фатьяновских культурных традиций в формировании населения бабинской культуры, учитывая территориальный разрыв между их ареалами. Скорее всего, это показатель наличия общего популяционного пласта, на основе которого сформировалось население восточно-европейских культур шнуровой керамики и, вероятно, значительная часть населения бабинской культуры.

На втором этапе в анализ были включены две серии алакульской культуры из Западного Казахстана и с Южного Урала и выборки из синташтинских, потаповских и покровских памятников Приуралья и Зауралья. Численность анализируемых материалов — 30 групп из 595 мужских черепов. Это не изменило ни нагрузки на признаки в первых двух канонических векторах (табл. 4), ни расположение в многомерном пространстве серий из предыдущего этапа межгруппового сопоставления (рис. 3). Добавленные на втором этапе серии морфологически разнообразны [Яблонский, Хохлов, 1994; Хохлов, 2010; Китов, 2011]: синташтинская и южно-уральская алакульская выборки расположились возле наиболее восточных серий, западно-казахстанская алакульская и покровская — ближе к кавказским, потаповская — среди катакомбных групп.

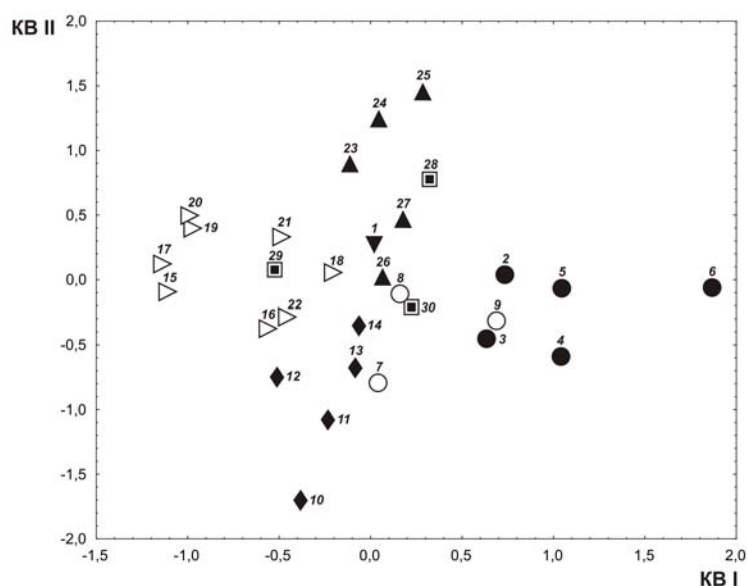

Рис. 3. Мужские краниологические серии эпохи бронзы в пространстве первого и второго канонического векторов. Этап II (номера серий см. в табл. 3, условные обозначения — в подписи к рис. 2)

На третьем этапе межгруппового анализа были добавлены 15 краниологических серий срубной культуры Башкирии, Ульяновской, Самарской, Саратовской, Волгоградской, Ростовской, Астраханской областей, Калмыкии и Украины [Дебец, 1954; Батиева, 2011; Герасимова, 1958; Зиневич, 1967; Зиневич, Круц, 1968; Круц, 1984; Фирштейн, 1967; Хохлов, 2000; Хохлов, неопубл.; Хохлов, Мимоход, 2008; Шевченко, 1986; Шевченко, неопубл.]. Общая численность анализируемых мужских групп достигла 45 (799 черепов), снизился процент общей изменчивости, отражаемый первыми двумя каноническими векторами (табл. 4). Среди признаков с высокой нагрузкой в KB I наряду с прежними скуловым диаметром, высотой орбит и поперечным диаметром оказался угол выступания носа; в KB II наиболее значимыми стали вновь угол выступания носа и зигомаксиллярный угол, а также верхняя высота лица, поперечный и продольный диаметры.

Несмотря на некоторые изменения нагрузок на признаки, взаиморасположение анализировавшихся на первых двух этапах серий в пространстве первых двух канонических векторов

полностью сохранилось (рис. 3). Срубные выборки заняли все графическое пространство, демонстрируя максимальное для эпохи бронзы морфологическое разнообразие в рамках одной культурной общности [Казарницкий, 2012а]. В этом масштабе по-прежнему сохраняется соседство координат бабинской серии, с одной стороны, с фатьяновскими, с другой — с лопатинской и криволукской группами. Три выборки поздней бронзы, наиболее морфологически сходные с бабинской, — это в первую очередь серия черепов из грунтового могильника Широкое (Украина) белозерского этапа срубной культуры [Зиневич, 1967] и в меньшей степени — серии из подкурганых погребений срубной культуры Ростовской области⁴ [Батиева, 2011] и снова Украины⁵ [Зиневич, Круц, 1968; Круц, 1984]. При этом последняя здесь все-таки более сходна с покровской, лопатинской и закавказскими группами, чем с бабинской.

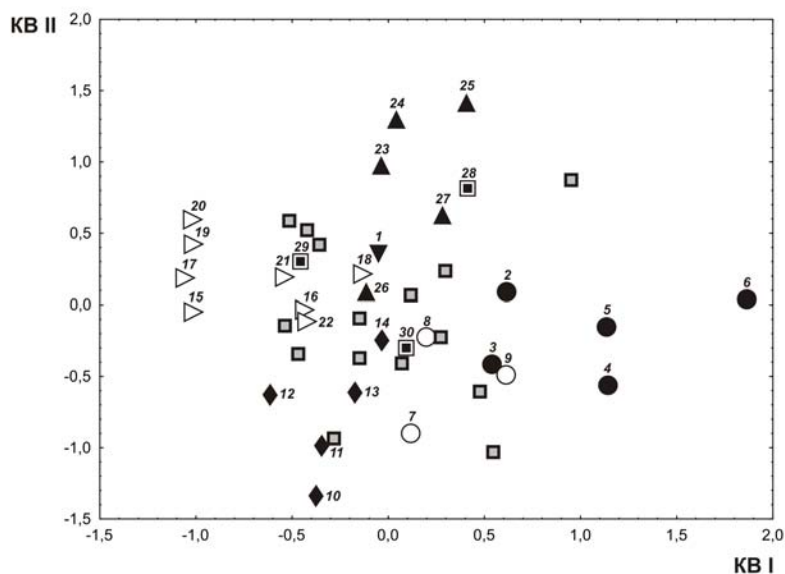

Рис. 4. Мужские краниологические серии эпохи бронзы в пространстве первого и второго канонического векторов. Этап III (номера серий см. в табл. 3, условные обозначения — в подписи к рис. 2)

Итак, результаты многомерного межгруппового сопоставления свидетельствуют о том, что популяции носителей бабинской археологической культуры формировались на основе населения восточных шнурокерамических культур при участии коллективов, происхождение которых было связано с территориями Северного Кавказа и Закавказья. Вклад предшествующего бабинскому населения катакомбной культуры Северного Причерноморья пока не прослеживается. Потомки носителей бабинских культурных традиций, по всей видимости, вошли в состав популяций, оставивших погребения срубной культуры Украины и Ростовской области.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Азизян Г. Палеоантропологический материал из погребений у селения Лчашен // Историко-филол. журн. АН Армянской ССР. Ереван, 1965. № 3. С. 306–316.
- Акимова М.С. Антропологический тип населения фатьяновской культуры // Тр. ИЭ АН СССР. Нов. сер. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 268–282.
- Акимова М.С. Палеоантропологические материалы с территории Чувашской АССР // КСИЭ. М., 1955. XXIII. С. 78–92.
- Акимова М.С. Палеоантропологические материалы из Балановского могильника // Бадер О.Н. Балановский могильник: Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 322–362.
- Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука, 1968. 120 с.
- Алексеев В.П. Антропологический тип населения западных районов распространения андроновской культуры. // Проблемы этнической антропологии Средней Азии. Ташкент, 1964. С. 20–28.

⁴ Могильники Александровский II, Савельевский, Ейский, Разметный, Рогожкинский, Ясиновский.

⁵ Могильники Златополь, Львово, Новоалександровка, Новоалексеевка, Новоукраинка, Новочерноморье, Первоконстантиновка, с/з Суворова, Тимашевка, Чаплинский загон, Шевченко.

Краниология населения бабинской культуры

- Алексеев В.П.* Происхождение народов Кавказа. М.: Наука, 1974. 316 с.
- Батиева Е.Ф.* Антропологические материалы из срубных погребений междуречья Дона и Чира // Ша-
рафутдинова Э.С., Житников В.Г. Курганные могильники раннесрубной культуры на Верхнем Чире (юг
Среднего Подонья). СПб.: Изд-во филол. факультета СПбГУ: Нестор-История, 2011. С. 162–176.
- Гаджиев А.Г.* Древнее население Дагестана. М.: Наука, 1975. 127 с.
- Герасимов М.М.* Восстановление лица по черепу. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 585 с. (Тр. ИЭ АН СССР.
Нов. сер. Т. 28).
- Герасимова М.М.* Черепа из погребений срубной культуры в Среднем Поволжье // КСИИМК. 1958.
Вып. 71. С. 72–77.
- Герасимова М.М., Калмыков А.А.* Палеоантропологические исследования погребений лопинской куль-
туры // Вестн. антропологии. 2007. № 15. Ч. II. С. 246–255.
- Гинзбург В.В.* Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы: (Захоро-
нения могильника Тасты-Бутак I в Актюбинской области) // Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тас-
ты-Бутак I в Западном Казахстане. М.; Л.: Наука, 1962. С. 186–198.
- Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 392 с. (Тр. ИЭ АН СССР. Нов.
сер. Т. 4).
- Дебец Г.Ф.* Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры Среднего Заволжья
// МИА. 1954. № 42. С. 485–499.
- Денисова Р.Я.* Антропология древних балтов. Рига: Зинатне, 1975. 404 с.
- Дремов В.А.* Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). Томск: Изд-во
ТГУ, 1997. 260 с.
- Ефимова С.Г.* Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: Изд-во МГУ. 1991. 95 с.
- Зиневич Г.П.* Очерки палеоантропологии Украины. Киев: Наук. думка, 1967. 224 с.
- Зіневич Г.П., Круц С.І.* Антропологічна характеристика давнього населення території України. Київ: На-
ук. думка, 1968. 102 с.
- Казарницкий А.А.* Краниология лопинской культуры // Вестн. археологии, антропологии и этнографии.
Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. № 1 (12). С. 132–140.
- Казарницкий А.А.* Векторы миграций степного населения Восточной Европы в эпохи средней и позд-
ней бронзы (по палеоантропологическим данным) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с
древними цивилизациями. Т. 2. СПб.: ИИМК РАН: Периферия, 2012а. С. 126–132.
- Казарницкий А.А.* Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы. СПб.: Наука, 2012б. 264 с.
- Китов Е.П.* Палеоантропология населения Южного Урала эпохи бронзы: Дис. ... канд. ист. наук. М.,
2011. 216 с.
- Кондукторова Т.С.* Антропологічний склад племен території України в епоху бронзи // Матеріали з
антропології України. 1969. Вип. 4. С. 33–56.
- Кондукторова Т.С.* Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М.: Наука,
1973. 128 с.
- Круц С.І.* Черепи епохи бронзи з курганів Криворіжжя // Матеріали з антропології України. 1969. Вип. 4.
С. 23–32.
- Круц С.І.* Палеоантропологічні матеріали Вільнянської експедиції // Матеріали з антропології України.
1973. Вип. 7. С. 51–71.
- Круц С.І.* Палеоантропологические исследования Степного Поднепровья (эпоха бронзы). Киев: Наук.
думка, 1984. 208 с.
- Лебединская Г.В., Герасимова М.М.* Абашевский человек // Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Гераси-
мова М.М. Пепкинский курган. Йошкар-Ола, 1966. С. 37–46.
- Линдстром Р.У.* Антропологические характеристики популяции кургана 25 Большекараганского мо-
гильника // Аркаим: Некрополь. Кн. 1. Челябинск, 2002. С. 159–164.
- Литвиненко Р.А.* Культура Бабино (многоваликовой керамики) и проблемы бронзового века бассейна
Дона // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2002. С. 76–85.
- Литвиненко Р.О.* Культурне коло Бабине (за матеріалами поховальних пам'яток): Дис. ... д-ра іст. на-
ук. Київ, 2009.
- Мкртчян Р.А.* Палеоантропология Оромского могильника. Ереван, 2001. 120 с. (Материалы по антро-
пологии Армении; Вып. 1).
- Рыкушина Г.В.* Антропологическая характеристика населения эпохи бронзы Южного Урала по мате-
риалам могильника Кривое Озеро // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном
Зауралье. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 2003. С. 345–360.
- Фирштейн Б.В.* Антропологическая характеристика населения Нижнего Поволжья в эпоху бронзы // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев: Наук. думка, 1967. С. 100–140.
- Хохлов А.А.* Палеоантропология пограничья лесостепи и степи Волго-Уралья в эпохи неолита —
бронзы: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.
- Хохлов А.А.* Краниологические материалы срубной культуры юга Среднего Поволжья // Народы Рос-
сии: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. 2. М.: Старый Сад, 2000. С. 217–242.

А.А. Казарницкий

Хохлов А.А. О происхождении и дальнейшем развитии физического типа носителей синташтинско-потаповского круга культур // Аркаим-Синташта: Древнее наследие Южного Урала. Челябинск: Изд-во Чел. ун-та, 2010, С. 112–132.

Хохлов А.А., Мимоход Р.А. Краниология населения степного Предкавказья и Поволжья в посткатакомбное время // Вестн. антропологии. 2008. № 16. С. 44–69.

Шевченко А.В. Антропологическая характеристика населения черкаскульской культуры и вопросы его расогенеза // Современные проблемы и новые методы в антропологии. М.: Наука, 1980. С. 163–183.

Шевченко А.В. Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л.: Наука, 1986. С. 121–215.

Яблонский Л.Т., Хохлов А.А. Новые краниологические материалы эпохи бронзы Самарского Заволжья // Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Изд-во СамГУ, 1994. С. 186–205.

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Музей антропологии и этнографии РАН
kazarnitski@mail.ru*

The article is devoted to description of craniometrical data with bearers of the Babino archaeological culture. A correlation with craniological series of East European middle and late Bronze Age testifies to similarity of representatives of the Babino culture with other post catacomb steppe populations of the Lolino culture and the Krivoluksky culture group, as well as to considerable participation of descendants of East European cultures of corded pottery into development of the Babino population.

Physical anthropology, craniology, the Babino culture, post catacomb cultures, archaeology, Bronze Age.

ЭТНОЛОГИЯ

РЕКА ДЕМЬЯНКА НА КАРТАХ С.У. РЕМЕЗОВА И ЭТНОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

С.С. Тихонов

Рассмотрены возможности ведения этноархеологических работ и изучения этнографо-археологических комплексов (ЭАК) народов Сибири по материалам карт С.У. Ремезова, а также детального изучения некоторых компонентов ЭАК: системы расселения, путей сообщения, границ между группами населения.

Этноархеология, этнографо-археологические комплексы, Демьянка, С.У. Ремезов.

Группа этнографов и археологов во главе с Н.А. Томиловым с 1991 г. ведет изучение этнографо-археологических комплексов (ЭАК) народов Западной Сибири, главным образом аялыньских татар и русских старожилов, проживающих по берегам Иртыша и его притоков Оша и Тара преимущественно в Большереченском и Тарском районах Омской области. Результаты исследований представлены большим количеством публикаций, библиография которых содержится в ряде обобщающих работ [Корусенко и др., 1998; Корусенко, Томилов, 2004, 2009].

Объект исследований — ЭАК русских и татар Прииртышья — был выбран довольно удачно, поскольку имелись археологические памятники нескольких групп аялыньских татар, причем о них помнило и знало современное население. Имелся также значительный корпус материалов этнографических, письменных, картографических, что позволило и плодотворно разрабатывать теоретико-методологические аспекты, и вести полевые этнографо-археологические исследования. Однако вскоре стало ясно, что полученные результаты необходимо проверить на материалах других народов. ЭАК русских, изученные примерно в этом же районе, представляли интерес, но их было недостаточно. По нашему мнению, для успешного проведения работ на небольшой территории нужно изучать археологические памятники и сопрягающиеся с ними этнографические объекты, причем комплексно, используя данные других наук. Поэтому в конце 1990-х — начале 2000-х гг. район наших работ значительно расширился. Как показали предварительные исследования, возможны масштабные этнографо-археологические работы в Знаменском районе Омской области по рекам Шиш и нижнему течению Оши (ЭАК татар) или в среднем течении Томи на участке между устьями рек Нижняя Терсь и Мунгат (ЭАК русских).

Возможно, таким же районом является бассейн правого притока Иртыша — р. Демьянки. Внимание на него обратили при изучении системы расселения русских в Приобье и Прииртышье по материалам Г.Ф. Миллера 1734–1740 гг. [Сибирь XVIII века..., 1996]. Для более детального изучения этой территории мы обратились к более ранним материалам Спафария — последняя четверть XVII в. [2010] и С.У. Ремезова [Служебная чертежная книга, 2006; Хорографическая чертежная книга..., 2011; Чертежная книга..., 2003] и более поздним С.К. Патканова — вторая половина XIX в. [1999]. Система расселения русских, татар, хантов, манси по сведениям, содержащимся в этих работах, реконструировалась великолепно, а материалы отлично дополняли друг друга. Эти же источники свидетельствовали и о том, что на Демьянке возможно проводить плодотворные археолого-этнографические работы с целью изучения ЭАК народов Сибири. Основания для такого предположения давали:

— археологизированные русские деревни и юрты аборигенов XVII–XIX вв. (вероятно, и связанные с ними кладбища или одиночные могилы), которые могут быть базовыми при проведении раскопок;

— корпус письменных источников и географических материалов, отражающих систему расселения и путей сообщения населения Демьянки, что облегчает локализацию археологизированных объектов;

— корпус архивных материалов и этнографических данных о численности, занятиях и быте жителей бассейна Демьянки.

Полагаем, что влияние русских на аборигенов Демьянки в XVII–XVIII вв. было невелико, поскольку и самих русских там было немного. Об этом косвенно свидетельствуют знания, а скорее, незнания русских о реке и ее населении. Спафарий пишет: «Да на правой стороне Иртыша Демьянка, а вышла она из-под Тары города и степью от калмыков; от речки Бобровки 3 версты. А пониже Демьянки стоит Демьянский ям. А стоит на красном месте, на яру, а живут Русские люди, а на яму 50 паев, в ином паю по 2 и 3 двора, да церковь Алексея, человека Божия...» [2010, с. 61].

Получается, что в 1675 г. русские неверно представляли себе, где находятся истоки реки, поскольку между городом Тарой и Демьянкой находились другие притоки Иртыша — Уй, Шиш, Туй, Большая Бича, Туртас. Калмыков же, как и степей, на Демьянке никогда не было. В устье Демьянки поселились ямщики, осуществлявшие гоньбу на одном из участков пути между Тобольском и Самаровским ямом. По роду занятий их внимание должно было концентрироваться на организации извоза, возможно, обработке земли, но не изучении среднего и верхнего течения большой реки. Хотя не исключено, что отдельные жители Демьянского яма могли торговать с аборигенами или охотиться на Демьянке. Численность же ямщиков была невелика. У Спафария говорится о 50 земельных паях и 2–3 дворах в некоторых из них [2010, с. 61]. Поэтому мы можем предположить, что, по самым оптимистичным подсчетам, в 1675 г. в Демьянском яме было не более 70–75 мужчин.

Слабое знание русскими территории Демьянки подтверждается и тем, что в среднем и верхнем течении реки в указанное время отсутствовали русские деревни, здесь не зафиксировано русских топонимов, исследователи реки не могли получить у местных жителей точных сведений о среднем и верхнем течении реки, наконец, соблюдались вотчинные права коренных жителей на данные территории. Картографические материалы свидетельствуют о том же. Так, на листе 33 «Служебной чертежной книги...» [2006], обозначенном С.У. Ремезовым как «Чертеж Андрея Андреевича Виниюса», Демьянка показана короткой, слегка извивающейся линией без каких-либо подробностей. Из этого следует, что статс-секретарь по делам Сибирского царства, глава Сибирского приказа в 1697–1698 г. А.А. Виниус о Демьянке практически ничего не знал. Поэтому на его карте междуречье Оби и Иртыша с реками Тара, Уй, Туй, Шиш, Демьянка, Юган, Васюган и другими выглядит белым пятном. Обратим внимание и на такой факт, что исследователи XVIII в. — Д.Г. Мессершмидт, И.Г. Гмелин, Г.В. Стеллер, П.С. Паллас, И.П. Фальк, И.Г. Георги, составившие великолепные описания земель по Алтаю, вокруг Томска, Красноярска и далее к востоку, совершенно не касались означенного междуречья. Сведения о нем собрал только Г.Ф. Миллер со слов немногочисленных информаторов, но сам он эти места не посещал [1996, с. 272].

Поэтому можно считать, что эти территории, в том числе Демьянка, были русским известны плохо, а их проникновение туда было минимальным. Логично предположить здесь наличие «чистых» (в крайнем случае, с незначительным влиянием русской культуры) археологических комплексов аборигенов XVII–XVIII вв., а также более ранних, что позволяет при проведении археологических раскопок изучать самобытную культуру аборигенов и динамику ее трансформации под влиянием культуры русских.

Обратимся к картам С.У. Ремезова с изображением Демьянки. Естественно, они не соответствуют современным канонам: непропорциональность разных участков, некоторая смещенность географических объектов, ориентация не на север и т.д. Первоначально это доставляет некоторые неудобства, но со временем, с опытом работы, на них перестаешь обращать внимание. Главное, что карты С.У. Ремезова — великолепный источник по истории, географии, исторической географии Сибири. На них показаны речная сеть, места расположения населенных пунктов и дороги между ними, причем с расстоянием от одного до другого объекта в верстах, днях пути на лодках, «вьючным» ходом или «зимним путем». С.У. Ремезов указал места промыслов на диких животных (соболя, бобра), месторождения полезных ископаемых, границы между группами населения. Его карты могут быть источником и для этнографо-археологических работ.

Первые научные географические съемки были проведены в Сибири только в 1740-х гг., почти через 50 лет после работ С.У. Ремезова, поэтому следует признать, что он опередил свое время. Результат картографирования — «Атлас Российский...» [1745] — долгие годы оставался

Река Демьянка на картах С.У. Ремезова и этнографо-археологические исследования

лучшим атласом в мире. Но страница атласа, посвященная Сибири, менее подробна, нежели ремезовские данные.

Сопоставление этих и современных карт показывает, что многие объекты хорошо идентифицируются. Сошлюсь на опыт работы с ними коллег из Новосибирска [Катионов, 2002], Омска [Матвеев, Яворская, 2003, 2004], Тобольска [Белич, 2009, 2010], Тюмени [Матвеев, 2011а, б; Матвеев, Аношко, 2012] и собственный [Тихонов, 2012а–в].

Вернемся к картам Демьянки. Менее всего деталей содержится на листе «Чертеж всех сибирских градов и земель» «Чертежной книги...». На интересующем нас фрагменте показаны города Тобольск, Нарым, Сургут и междуречье Оби и Иртыша с Туралинским болотом в центре, из которого берут начало реки бассейна Оби — Васюган, Парабель, Чая и Иртыша — Демьянка и Тара. Эту же географическую ситуацию — начало Демьянки в Туралинском (в более поздних источниках — Васюганском) болоте, близость истоков Демьянки и Большого Югана, Демьянки и Васюгана — С.У. Ремезов показал на листе «Чертеж земли Сургутского города» (рис. 1) этой же книги, а также на листах 123 (рис. 2) и 125 (рис. 3) «Хорографической чертежной книги...».

Рис. 1. Изображение верховой р. Демьянки на «Чертеже земли Сургутского города» [Чертежная книга..., 2003]

Рис. 2. Изображение верховой р. Демьянки [Хорографическая чертежная книга..., 2011, л. 123]

Это серьезный шаг в географии, показывающий, что русские получили представление о верховьях рек в Обь-Иртышском междуречье. К этноархеологии же имеет отношение надпись на 125 листе: «Волок на тару ходу три недели», что является свидетельством существования пути сообщения с верховья Демьянки на Тару, а также контактов жителей этих территорий.

Рис. 3. Истоки рек Демянки и Васюгана [Хорографическая чертежная книга..., 2011, л. 125]

Значительно подробнее изображена Демянка на листе «Чертеж земли Тобольского города» «Чертежной книги...» [2003, т. 1]. Картограф показал все течение реки, ее притоки, а также населенные пункты русских — Демянский ям и д. Каюкова и аборигенов — юрты Карабашевы, Кибиревы, Еликовы, Ермаковы, Абрамковы, Тимошкины, Янгочины, Меркушевы, Палчерковы, Чигирковы, Лукашины, Терешкины. Ясно видно, что русские не селились на Демянке. Исключение составляет д. Каюкова в нижнем течении реки. Однако С.К. Патканов писал, что в третьей четверти XIX в. на месте остяцких юрт Ситиковых и Карабашевых возникли русские деревни Ситиковская и Карабашева [1999, с. 130]. Мы можем предполагать, что д. Каюкова, названная по распространенной фамилии юганских хантов и, вероятно, изначально бывшая аборигенным поселением, сменила статус вследствие появления русского населения.

Рис. 4. Нижнее течение р. Демянки [Хорографическая чертежная книга..., 2011, л. 71]

Практически идентична ситуация на листе «Чертеж земли Тобольского города» в «Служебной чертежной книге» [2006, т. 1]. Отличия небольшие, в «Служебной чертежной книге» на карте в другом месте показаны юрты Абрамковы и нет юрт Чигирковых в верховьях реки.

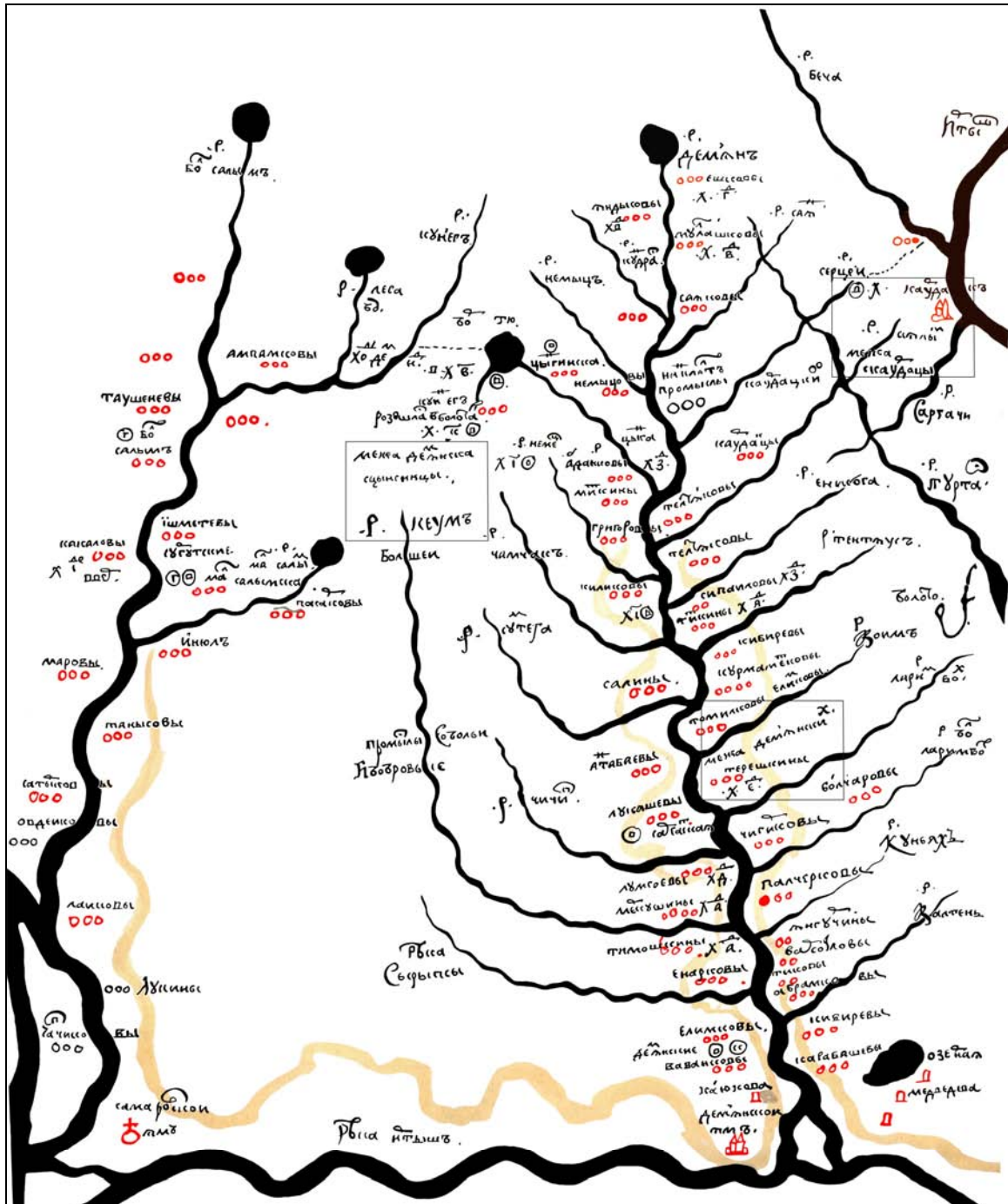

Рис. 5. Изображение р. Демьянки на карте С.У. Ремезова [Хорографическая чертежная книга..., 2011, л. 71]

В «Хорографической чертежной книге...» Демьянка показана на листах 162, 162-оборот и 71 [2011]. На листе 162 — обобщающей карте — нанесены Обь и Иртыш с притоками. В центре фрагмента карты — болото с вытекающими из него реками, в том числе Демьянкой, правда, изображена она без подробностей, которые имеются на других листах книги. На обороте есть несколько слов о Демьянке: «...Тоболеск (город, от Тобола до Тары ходу 8 дней), р. Демьянка, Демьянский ям, Демьянской (острог)... от Т(обольска) до Самар х(оду) 8 дней пеш...».

На листе 71 (рис. 4) изображены участок Иртыша и впадающая в него Демьянка. На Иртыше обозначены русские деревни, отсутствующие на других картах, — Чермнова, Ярок, Моховая, Со-

лянка и д. Озерная на Демьянке. Показаны и юрты аборигенов — Рачевы, Карины, Кайдаюловы, Есауловы на Иртыше и Саргачевы, Григорковы на Демьянке, отсутствующие на других картах.

Наиболее подробно Демьянка отражена на отдельном листе — вклейке к листу 71 (рис. 5). Кроме Демьянки на карте показаны Иртыш, его притоки Туртас и Беча, а также Обь и ее приток Салым. Карта Демьянки является главной на листе. На ней имеется три участка, где обозначены «межи» (рис. 6). На рис. 7 — современной карте — неправильным многоугольником выделена площадь, которая обозначена на карте С.У. Ремезова на листе 71. При их сравнении становится ясно, что картограф несколько исказил пропорции (особенно там, где находится р. Туртас) и соотношение рек.

Во-первых, река показана подробно и полностью от истоков до устья, нанесены и подписаны ее притоки, обозначены юрты аборигенов (три кружка). Из анализа их расположения видно, что русские в это время жили только в приустьевой части Демьянки, а аборигены равномерно заселяли все ее течение. Сопоставляя данные этой карты С.У. Ремезова и материалы С.К. Патканова [1999], можно сделать вывод о том, что население среднего и верхнего течения Демьянки еще в середине XIX в. имело минимальные контакты с русскими, что позволяет надеяться на обнаружение «чистых» археологических комплексов аборигенов.

Во-вторых, С.У. Ремезов показал на карте несколько «межей» — границ между какими-то группами аборигенов или их волостями. Вероятно, эти данные уникальны, поскольку на других картах «Служебной...», «Чертежной...», «Хорографической...» книг я такой информации не нашел. Обращение к справочному аппарату книг помогло найти несколько деревень с названиями типа «Межевая» или «Межевная», но не межи. Анализ расположения «межей» позволил предполагать наличие минимум четырех районов проживания населения: двух на Демьянке и по одному на Салыме и Иртыше, т.е. фактически в перспективе появляется редчайшая возможность изучения разных групп населения в одной экологической ситуации. Всего показано три межи. Первая обозначена как «межа демьянска с цынгины» (рис. 6, А) и находится в верховьях Кеума и Ку[и]неги. Здесь граница идет по междуречью. Вторая «межа» (рис. 6, Б) показана чуть выше юрт Терешкиных между реками Ларимбох и Боим. Третья (рис. 6, В) — «межа с каурдацы» отделяет жителей Демьянки от татар Прииртышья и проходит в верховьях р. Аялы.

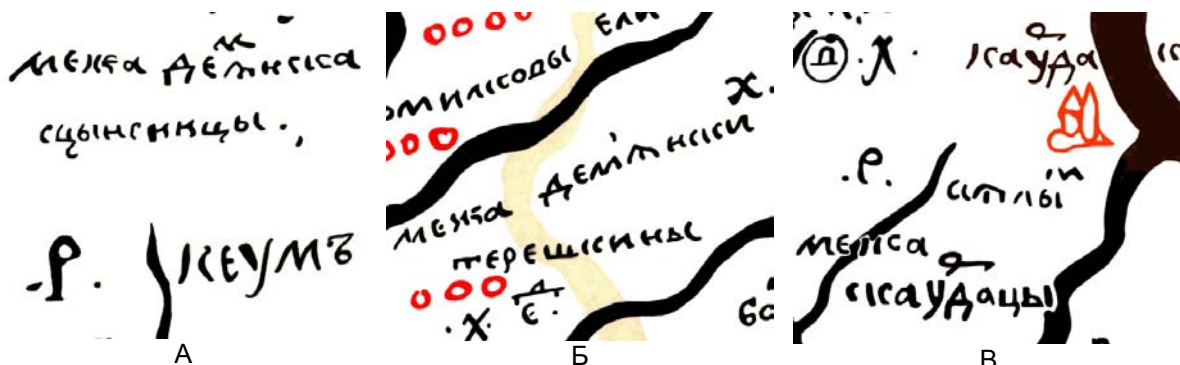

Рис. 6. Межи в бассейне Демьянки [Хорографическая чертежная книга..., 2011, л. 71]:
А — на Кеуме; Б — на Демьянке; В — на Иртыше

Предварительные выводы по межам таковы:

— «межи», которые пока будем считать границами между группами населения или волостями, можно (и, может быть, нужно) искать не только на больших реках, но и на их притоках;

— границы между группами населения могут проходить по междуречьям, как в верховьях Кеума (рис. 6, А). Ф.Л. Малиновский, собрав данные о межевании в России, писал, что межами могли служить реки, озера, горы, буераки — «естественные признаки» и рвы, валы, межники, столбы, курганы и т.д. — «искусственные признаки» [1844, с. 60–65]. Не исключено, что такие же могли быть и на Демьянке;

— можно предполагать наличие нескольких районов с разным населением на Демьянке. Первый — нижнее течение реки, второй — верхнее и среднее течение реки, отделенное «межами» от первого района, а также от жителей юрт Цынгинских и Каурдакских. В этот район можно было попасть с низовьев Демьянки, а также через водораздельные болота с рек Салым и Бича. Этот район был мало затронут русским влиянием. Третий район — место расположения

Река Демьянка на картах С.У. Ремезова и этнографо-археологические исследования

юрт Каурдацки и Каурдаццы на левых притоках Демьянки или на Туртасе. К сожалению, на современных картах эти юрты не обнаружены. Судя по названию юрт — они татарские. Четвертый район — юрты Цингински и верховья Югана и Кеума.

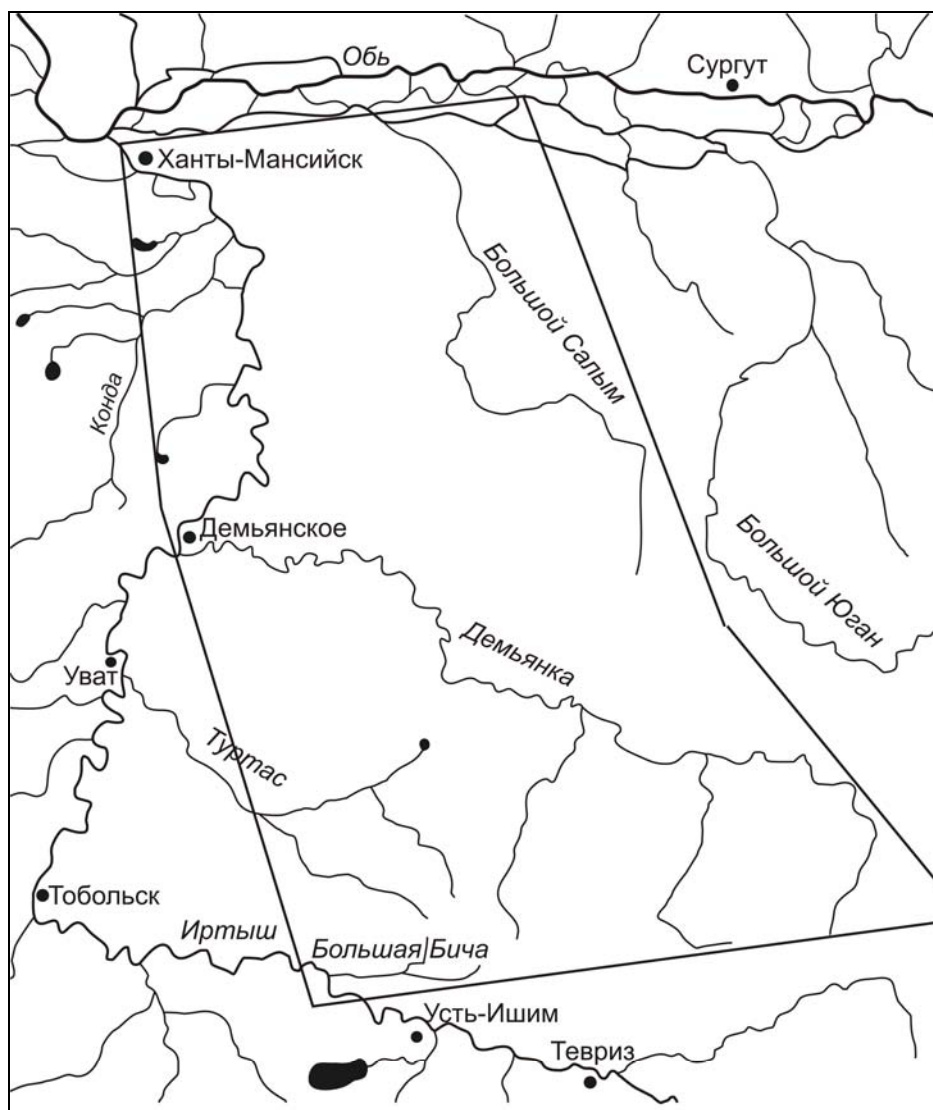

Рис. 7. Современная карта Обь-Иртышского междуречья с бассейнами Демьянки и Большого Салыма

Интересно было бы посмотреть межи на местности. Мне самому «межу» — границу между двумя владениями довелось видеть только один раз, когда в 1991 г. я и мои друзья и коллеги Лариса и Сергей Татауровы обследовали правый берег р. Тары между д. Алексеевка и п. Муромцево (Муромцевский район Омской области). Между рекой Бергамак и речкой Меткая мы несколько раз встречали длинную, абсолютно прямую траншею, в местах поворота с прямыми углами, шириной около метра, глубиной до 40–50 см, причем отвал везде был сложен на одну сторону траншеи. Житель ныне несуществующей д. Кордон-Бергамак А.Д. Лисин рассказал нам, что, по преданию, эта траншея разделяла земли купцов и тянулась от устья Тары до Муромцева.

В-третьих, отмечены переходы с правого притока Демьянки, обозначенного С.У. Ремезовым как р. Цынга, на р. Кунер (левый приток Большого Салыма) и с левого притока Демьянки — р. Серцей в нижнее течение р. Беча или Туртаса (правые притоки Иртыша). Вообще, дороги аборигенов — один из компонентов ЭАК, изучение которого изрядно затруднено тем, что в Сибири дорожное полотно появилось относительно недавно, а многие современные дороги про-

ложены с учетом традиционных путей. Говоря же о переходах через водораздельные болота, можно предположить, что имеются минимум два пункта на дороге — место выхода к переходу и место выхода из него. Вероятно, в этих местах люди готовились к переходу через болота, отдыхали перед ним и после него. Тогда должны остаться следы. К сожалению, поиски подобного перехода с р. Бергамак (правый приток Тары) на р. Исас (левый приток р. Уй) в Омской области пока не увенчались успехом. Может быть, это получится при изучении дорог на Демьянке.

В-четвертых, на карте можно увидеть места ведения промыслов на Кеуме и в верховьях Демьянки, а также места, занятые курдакскими татарами на р. Аялы (на современных картах реки с таким названием в бассейне Туртаса, Бечи и Демьянки не обнаружено). Промысловые территории — очень интересный объект исследований. Промысел предполагает сезонность и, следовательно, особый тип жилищ и хозяйственных построек. Это значительно дополняет представления об ЭАК.

Эти данные могут быть дополнены этнографическими материалами, которые весьма интересны. Как пример приведем две работы В.Н. Адаева [2007, 2012]. В первой он показал возможности поиска и изучения культовых мест, а также верований аборигенов Демьянки, а во второй — пути через водораздельные болота из разных мест Прииртышья на Демьянку.

Итак, карты С.У. Ремезова с изображением р. Демьянки свидетельствуют, что имеется совокупность элементов ЭАК: система расселения, промысловые территории, пути сообщения, границы между разными группами населения (или волостями) в одной экологической нише, — сочетание довольно редкое, если не сказать — уникальное. Что касается археологических памятников, то совершенно очевидно — они есть, поскольку в материалах конца XVII — начала XVIII в. говорится об обитаемости этой территории. Естественно, после людей остались и поселения, и могильники, а возможно, и промысловые сооружения. Поэтому логичен вывод о том, что территория бассейна Демьянки — перспективный район для организации исследований этнографо-археологических комплексов народов Сибири.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Адаев В.Н. Ушедший хозяин Демьянки: (Почитание духа-хозяина р. Демьянки в XX веке) // Земля Тюменская: Ежегодн. Тюм. обл. краевед. музея. Тюмень, 2007. Вып. 20. С. 186–205.

Адаев В.Н. Болотные маршруты: Пути и способы сообщения народов нижнего Прииртышья через водораздельные территории в XVIII–XX вв. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3 (18). С. 110–120.

Атлас российский, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненной по правилам географическим и новейшим наблюдениям, с приложенным притом генеральною картою великой сея Империи. Старанием и трудами Имп. академии наук. СПб.: Тип. АН, 1745. 18 с., 20 л. карт.

Белич И.В. Чертеж «Кучюмово городище» С.У. Ремезова из «Хорографической чертежной книги» // Вестн. ТюмГУ. Сер. ист. наук. 2009. С. 90–101.

Белич И.В. Чертеж «Кучюмово Городище и Старая Сибирь» из «Хорографической чертежной книги» С.У. Ремезова: К 300-летию составления первого русского географического атласа Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. № 1 (12) С. 141–155 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Катионов О.Н. Обь-Иртышское междуречье на картах Сибири // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 2002. Т. 5. С. 82–85.

Корусенко М.А., Тихонов С.С., Томилов Н.А. Список работ омских ученых по этноархеологической проблематике (1981–1995) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 1998. С. 263–271.

Корусенко М.А., Томилов Н.А. Список работ омских ученых по этнографо-археологической проблематике (2001–2005) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Омск: Издат. дом «Наука», 2004. С. 279–297.

Корусенко М.А., Томилов Н.А. Список работ омских ученых по этнографо-археологической проблематике (1996–2000) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Омск: Издат. дом «Наука», 2009. С. 313–347.

Малиновский Ф.Л. Исторический взгляд на межевание в России до 1765 года. СПб.: Тип. И. Сычева, 1844.

Матвеев А.В. В поисках места гибели атамана Ермака // Культура русских в археологических исследованиях: Междисциплинарные методы и технологии. Омск, 2011а. С. 127–145.

Река Демьянка на картах С.У. Ремезова и этнографо-археологические исследования

Матвеев А.В. К историко-географической оценке вагайской версии гибели Ермака // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011б. Вып. 4. С. 87–90.

Матвеев А.В., Аношко О.М. Ермакова перекоп на старинных картах и в материалах полевого историко-археологического обследования // Вестн. Омск. ун-та. 2012. № 2. С. 275–281.

Матвеев А.В., Яворская Л.Я. Территория современной Омской области на листах «Хорографической чертежной книги Сибири С.У. Ремезова 1697–1711 // Изв. ОГИКМ. Омск, 2003. С. 147–162.

Матвеев А.В., Яворская Л.Я. Павлодарская область на листах «Хорографической чертежной книги Сибири С.У. Ремезова 1697–1711. Олкетану — Краеведение. Спец. вып.: Этноархеология: Актуальные проблемы и перспективы развития. Павлодар, 2004. Вып. 3. С. 139–143.

Миллер Г.Ф. Путешествие от Березова вверх по рекам Оби и Иртышу до Тобольска // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск: Сиб. Хронограф, 1996. С. 261–283. (История Сибири. Первоисточники; Вып. 6).

Патканов С.К. По Демьянке (бытовой и экономической очерк) // Патканов С. Очерк колонизации Сибири. Т. 2. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. С. 124–185.

Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск: Сиб. Хронограф, 1996. 312 с. (История Сибири. Первоисточники; Вып. 6).

Служебная чертежная книга Т. 1. Факсимильное изд. рукоп. Рос. нац. б-ки. [Б.м.] [Б.и.] 2006. 334 с.

Спафарий Н. Путешествие в Китай. М.: Директ-Медиа, 2010. 230 с.

Тихонов С.С. Выявление и этнографо-археологическое изучение контактных зон аборигенов Сибири // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012а. № 2 (17). С. 87–91 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Тихонов С.С. Карты XVII — начала XVIII века как источник для этнографо-археологического изучения кочевников Центральной Азии // Монгол болон Байгал нуур орчмын сибирийн эртний соел. 2-р дэвтэр. Улаанбаатар, МУИС Хэвлэх уйлдвэр. 2012б. С. 638–642.

Тихонов С.С. Контактные зоны и промысловые территории населения Нижнего Прииртышья (на примере материалов Г.Ф. Миллера 1740 года) // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012в. Вып. 2. С. 291–293.

Хорографическая чертежная книга Сибири С.У. Ремезова. Т. 1. Факсимильное изд. Houghton library of the Harvard college Harvard univ. Тобольск: [б.и.], 2011. 350 с.

Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. Т. 1. Факсимильное изд. М.: [б.и.], 2003. 201 с.

Омский филиал ИАЭТ СО РАН,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
st-57@mail.ru

The paper describes opportunities of conducting ethno-archaeological works and studying ethno-archaeological complexes (EAC) of Siberian peoples after maps by S.U. Remezov, as well as of conducting detailed studies of certain components of EAC: a settling system, means of communication, boundaries between population groups.

Ethno-archaeology, ethno-archaeological complexes, the Demyanka river, S.U. Remezov.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПОЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ XIX — НАЧАЛА XX в.

В.Н. Шайдуров

Статья посвящена вопросам формирования и развития польской общины в Западной Сибири в XIX — начале XX в. Особо говорится об источниках формирования общины в регионе. Представлены данные о численности, размещении, хозяйственных занятиях поляков в Сибири, приведены различные факты из их жизни.

Польская община, Западная Сибирь, численность населения, экономика, хозяйственные занятия.

В отечественной исторической науке на протяжении длительного времени отмечается устойчивый интерес к формированию полиэтничного сибирского социума. История формирования и экономическая, социально-политическая деятельность отдельных национальных общин рассматривались в работах историков различных направлений. Однако полного отражения в научной литературе общины Сибири до сих пор не получили.

Сибирская община имеет достаточно длительную историю. Историография по этому направлению формировалась в том же русле, что и изучение прочих национальных общностей Сибири (немцев, евреев, эстонцев и пр.). Лишь в 1970-е гг. стало возможно рассматривать полонию не только как результат царской ссылки, но как более многогранное явление. В это время появились выполненные на основе различных источников работы на русском и польском языках [Шостакович, 1974; Lukawski, 1978]. В середине 1990-х гг. исследователи смогли обратиться к различным аспектам формирования и развития польской диаспоры в сибирском регионе [Масярж, 1995; Скубневский, 1998]. Начало 2000-х гг. ознаменовано новыми исследованиями, которые закрывали «белые пятна» в историческом прошлом поляков Сибири. Но историографической особенностью по-прежнему является преобладающий интерес исследователей к польской ссылке, религиозной жизни, общественно-политической деятельности польского населения [Skubniewski, 2005; Никулина, 2005; Ключева, 2006; Шайдуров, 2008; Кальмина, 2009; Нам, 2009; Скубневский, 2009; Сливовская, 2010] при крайне незначительном внимании к роли польской общности в экономической жизни сибирского региона в XIX — начале XX в. [Скубневский, 2001, 2008; Качинская, 2002; Масярж, 2002; Карих, 2004; Шайдуров, 2005, 2009; Островский, 2010]. Большое внимание на рубеже XX–XXI вв. уделяется публикации документальных источников [Из истории земли Томской..., 1998; Кутилова и др., 1999; Воспоминания из Сибири..., 2009]. Некоторые из источников, например воспоминания польских ссыльных, снабжены подробными научными комментариями, которые позволяют лучше понять минувшую эпоху.

В нашей статье мы определим основные этапы формирования полонии Западной Сибири, выделим их специфику, проанализируем эволюцию хозяйственной деятельности ее представителей в XIX — начале XX в.

Первые поляки появились в сибирских городах в XVII в. Преимущественно это были военнопленные эпохи русско-польских войн. По условиям Деулинского перемирия 1619 г. и Андрусовского мира 1667 г. (Московские трактаты 1667 и 1672 гг.) между Россией и Речью Посполитой производился обмен военнопленными и возвращение поляков на Родину [ПСЗ РИ-I, т. 1, № 398]. Это привело к тому, что полония в Сибири к началу следующего столетия практически исчезла.

В конце XVIII — середине XIX в. рост численности поляков в регионе был связан в первую очередь с ссылкой участников освободительного движения. Этот период может быть разделен на несколько этапов.

Первый этап пришелся на середину 90-х гг. XVIII в.: именно в это время часть польских конфедератов были сосланы в Сибирь и оказались в Нерчинских заводах. Так, например, декабрист Н.И. Лорер в своих воспоминаниях писал о генерале С.Р. Лепарском, который в 1791 г.,

О некоторых особенностях формирования и экономического развития польской общины...

будучи поручиком, сопровождал польских арестантов. Он так хорошо исполнил это поручение, что имя его с того времени сделалось известным по всей армии [Лорер, 1988, с. 406–407]. Уже в первый месяц царствования Павла I была начата амнистия, означенная именным указом от 29 ноября 1796 г., согласно которому предписывалось освободить всех попавших под «наказание, заточение и ссылку по случаю бывших в Польше замешательств» [ПСЗ РИ-I, т. 24, № 17585]. Ответственность за исполнение монаршей воли возложили на Сенат, который, в свою очередь, должен был сделать соответствующие распоряжения губернаторам и земским начальникам. Однако, как показала практика, не все бывшие конфедераты получили возможность вернуться на прежнее место жительства или покинуть Россию. Иногда требовалось вмешательство из Петербурга. Так, например, по распоряжению генерал-прокурора Сената А.Б. Куракина в 1797 г. из сибирской ссылки освободили некоторых участников восстания 1794 г. Правда, некоторых из них, в том числе Иосифа Терясевича, тобольские власти разыскивали по всей губернии [ГУТО ГАТ, ф. 329, оп. 13, д. 14]. О жизни бывших конфедератов в сибирской ссылке сведений не сохранилось. По всей вероятности, непродолжительность пребывания в Тобольской губернии не позволила им заняться какой-то деятельностью.

На 1830-е гг. пришелся новый приток поляков в Сибирь. Как и прежде, он был связан с насильственным переселением, но теперь уже участников Польской войны 1830–1831 гг. и членов различных тайных обществ, действовавших на территории Царства Польского после его подавления, например «Содружества польского народа» [Шостакович, 2009, с. 304].

Именно в это время формируется законодательная база для политической ссылки. Так, появился ряд документов, определявших дальнейшую судьбу участников восстания 1830–1831 гг. Важнейшими из них были постановление «Об окончательном уничтожении состава бывшей польской армии» от 14 февраля 1832 г., указ «О бунте, происшедшем в трех уездах Виленской губернии, и о суждении всех дворян или шляхты, принявших участие в сем бунте, военным судом по Полевому Уголовному Уложению» от 22 марта 1831 г., «Положение о пленных и добровольно переходящих польских чинах» от 31 мая 1831 г. Кроме того, на поляков, подвергшихся наказаниям за участие в Ноябрьском восстании и национально-освободительном движении 1840–1850-х гг., распространялись правила 1826 г., которые были переработаны и дополнены в декабре 1834 г. Означенные документы определили дальнейшую судьбу поляков-военнопленных: их надлежало отправить в военную службу в Сибирские линейные батальоны, а мальчиков определить в военные кантонисты [ПСЗ РИ-II, т. 6, № 4444].

На время плена и следования к месту службы военнопленные обеспечивались казенным денежным и продовольственным обеспечением, размер которого зависел от воинского звания до событий 1830 г. Вполне очевидно, что такое решение преследовало исключительно прагматическую цель — поставить в удаленные сибирские и кавказские гарнизоны солдат, физически способных нести тяжелую службу в суровых климатических условиях [Самович, 2011, с. 163]. В 1839 г. денежное довольствие ссыльных на этапе составляло 6 грошей в день. В условиях сибирской дешевизны на продукты питания это позволяло не голодать. Так, этапу конарщиков 1839 г. в количестве 8 чел. получаемых денег хватало на то, чтобы каждый получал «с утра кружку молока с булкой, на обед — борщ или суп с крупой и с мясом, приготовленный в таком количестве, что хватало и на ужин» [Ручинский, 2009, с. 337].

Уже к концу 1830-х гг. поляки оказались рассеяны по всей Сибири. Среди них были не только ссыльные, но и те, кто перебрался за Урал по долгу службы, — пока еще немногочисленные военные. Немало ссыльных находилось в Тобольске [Ручинский, 2009, с. 330]. Здесь же присутствовали и чиновники-поляки. Ссыльный Ю. Ручинский в своих мемуарах, например, упоминает чиновников особых поручений при генерал-губернаторе Западной Сибири князе П.Д. Горчакове Кузьминского и неизвестного А.Ф. Козелло-Поклевского (Поклевского-Козелл), о котором мы скажем далее (в тексте он упоминается как Кожелло-Пахлевский). Последний с 1834 г. занимал различные должности в Томском губернском правлении, а с 1836 г. состоял в штате генерал-губернатора Западной Сибири. Поляки были среди офицеров сибирского этапа, лавочников, ремесленников. Сосланные в Восточную Сибирь оказались в Нерчинских заводах и служили солдатами в местном батальоне и инвалидной роте, некоторые были определены в торговые работы. «Разнородная среда польских ссыльных определила их дальнейшую судьбу. Так, некоторые переженились на местных девушках и навсегда стали сибиряками; других нужда заставила пойти в батраки к крестьянам; немногочисленным ремесленникам было легче, т.к. их продукция находила сбыт на местном рынке» [Ручинский, 2009, с. 385]. Это замечание совре-

менника свидетельствует о трансформации национальной идентичности: некоторые ссыльные предпочли влиться в сибирский социум, приняв нормы и законы его существования. Но в то же время часть польских ссыльных не оставляли надежды вернуться на Родину, а потому стремились сохранить отдельные элементы национальной и религиозной польской жизни.

Делопроизводственная документация, отложившаяся в архивных фондах Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург), позволяет определить динамику численности польского населения в 50–60-е гг. XIX в. по общему количеству католиков в крае¹. Так, по данным Второго Сибирского комитета, на 1852 г. в городах Западной и Восточной Сибири (без Тобольска) проживало около 6250 католиков, которые имели 2 приходские церкви в Иркутске и Томске. При этом самая крупная католическая община была приписана к томскому приходу (2,4 тыс. чел.) [РГИА, ф. 1265, оп. 1, д. 44, л. 1]. Разумеется, это приблизительные сведения, включающие в себя как ссыльных, так и свободное население.

Вторая половина XIX в. характеризуется некоторыми изменениями в составе сибирской колонии. С одной стороны, она по-прежнему пополнялась ссыльными и поселенцами, например после 1863 г. С другой стороны, в это время в Сибирь в рамках государственных переселенческих кампаний отправлялись из польских губерний крестьяне.

К 1860-м гг. уже была частично создана основная правовая база для политической ссылки. основополагающими законодательными актами являлись «Устав о ссыльных» 1822 г., «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. и ряд других законов, большая часть из которых объединялась в «Свод законов уголовных». Был создан также ряд специальных правил и инструкций, регулировавших прежде всего условия препровождения, размещения и материального обеспечения ссыльных, правила их поведения, отдельные обязанности и права, а также взаимоотношения с административно-полицейскими учреждениями, ведавшими и управлявшими ссылкой. Эти законы затрагивали преимущественно уголовную ссылку.

С началом репрессий против участников Январского восстания выяснилось, что эти правила трудноприменимы в новой ситуации. Никогда прежде политическая ссылка не носила такой массовой характер. За участие в восстании 1863–1864 гг. были высланы представители всех существовавших в то время сословий, различного имущественного положения, возраста и даже гражданства. История дореволюционной России не знает другого примера столь масштабной административной и судебной ссылки за политические преступления. В связи с этим появилась необходимость в выработке законов и подзаконных актов, регулирующих судопроизводство, виды наказаний и места водворения, а также правила надзора за бывшими повстанцами. Для детальной регламентации ссылки предполагалось создать целый комплекс нормативно-правовых актов.

Так, 5 марта 1864 г. появилось положение Западного Комитета «о порядке водворения в Империи лиц, высланных из Царства Польского и Западного края, за прикосновенность к мятежу». Уже в документах этого времени определялось, что причастные к восстанию являются «польскими переселенцами» [РГИА, ф. 1263, оп. 3, д. 77, л. 1]. Ответственным за переселение поляков в Сибирь стал министр внутренних дел П.А. Валуев.

В середине октября 1865 г. в Комитет министров была внесена записка «О выдаче пособий отправляемым в Сибирь на водворение польским переселенцам», в которой указывалось, что водворение переселенцев необходимо производить на основании правил, установленных для государственных крестьян, переселявшихся из малоземельных в многоземельные губернии с предоставлением им тех же льгот и пособий. В записке, в частности, приведены данные о масштабах кампании: «из числа лиц, приговоренных к содержанию в арестантских ротах гражданского ведомства за участие в польском мятеже — 77 человек уже отправлено в Сибирь для водворения на казенных землях и 6230 человек содержится еще в арестантских ротах» [Там же, л. 5–5 об.]. Основные положения документа в конце 1865 — начале 1866 г. были согласованы МВД, МГИ и МФ, и уже 22 февраля 1866 г. Комитет министров утвердил записку «О выдаче пособий...», придав ей силу закона [Там же, л. 25]. Таким образом, польские переселенцы могли рассчитывать на получение денежного довольствия во время следования в Сибирь и по водворении на новом месте жительства. Для руководства переселением был назначен заведующий делами по их водворению барон Фелькерзам, имевший резиденцию в с. Спасском Каинского округа Томской губернии.

¹ Поляки составляли среди католиков Сибири от 70 до 80 %.

О некоторых особенностях формирования и экономического развития польской общины...

К сожалению, до 1897 г. в России не проводилось полномасштабных переписей населения, поэтому нам приходится восстанавливать картину по отрывочным данным, в том числе по однопольным переписям и статистическим материалам «памятных книжек». Так, на 1869 г. в Томской губернии проживало 6516 католиков (поляки составляли около 5,2 тыс. чел.) [ПК ТГ², 1871, с. 57].

Восстановить примерную численность поляков в Западной Сибири возможно и по церковным документам. Так, из рапорта от 12 декабря 1872 г. Томского курата Архиепископу Могилевскому Митрополиту всех римско-католических церквей Антонию Фиалковскому следует, что уже только «в Томском приходе находится католиков приблизительно около 6,5 тыс. В том числе мужского пола около 5550, женщин до 950. Проживающих в Томской губернии 5405 мужского пола, 945 женского пола, в Семипалатинской области 145 мужского пола, 5 женского пола» [РГИА, ф. 826, оп. 3, д. 76, л. 26]. При этом в тексте своего донесения курат указывал на то, что католики его прихода — поляки. По всей видимости, курат обладал неполными данными о своей пастве. «Статистический обзор Томской губернии за 1872 год» содержит иные данные, согласно которым католическое население в губернии составляло 7323 чел. [СО ТГ, 1872, с. 9].

Городские однопольные переписи 1870–1880-х гг. позволяют определить численность поляков в крупных городах. Так, по данным И.Я. Словцова, на 1877 г. в г. Омске проживало 656 поляков обоих полов, при этом 97 % были католиками, но встречались среди них православные (13 чел.) и даже протестанты (4 чел.) ([1880, табл. 4], подсчет наш). В 1881 г. была проведена однопольная перепись населения г. Тобольска, которая показала, что в нем проживает поляков обоих полов 521 чел. ([ПК ТобГ³, 1884, ведомость VII], подсчет наш).

История формирования этнических общин в регионе, дальнейшее расселение поляков в городах и сельской местности оказали заметное влияние на их хозяйственные занятия. В частности, это выразилось в выборе экономических «ниш», которые позволяли полякам, с одной стороны, сохранять этническое единство, с другой — интегрироваться в сибирский социум, который на рубеже XIX–XX вв. начинает развиваться достаточно динамично.

Рассмотрим структуру хозяйственной занятости представителей польской общины в середине 1880-х гг. Для этого используем сводные данные по Тобольской губернии. В дальнейшем сопоставим их с данными переписи 1897 г., чтобы выявить наличие или отсутствие преемственности.

Об источниках доходов польских поселенцев в Тобольске наглядно говорит одна из ведомостей однопольной переписи 1881 г., данные которой приведены в табл.

Занятость поляков по сословиям и роду деятельности, чел.*

Сословие	Собственные средства	Иждивение	Промышленность	Торговля	Ремесло	Транспорт	Прочее	Всего
Мещане	2	62	3	2	116	0	17	202
Крестьяне	0	27	0	1	3	0	9	40
Ссылные	5	7	3	26	39	12	75	167

* ПК ТобГ, 1884, ведомость XVII, XVIII.

Из приведенных данных видно, что значительная часть польского населения была занята в промышленно-ремесленной сфере (40 %), крайне незначительная часть мещан, крестьян и ссылных, составлявших тобольскую полонию, жила за счет собственных средств либо была задействована в транспортной сфере (1,7 и 2,9 % соответственно). Наибольшую активность по родам занятий проявляли, как видим, польские мещане и ссылные, тогда как крестьянство было достаточно пассивным в рассматриваемых сферах.

Обращает на себя внимание тот факт, что в польской среде был достаточно высоким процент иждивенцев из числа политических ссылных и поселенцев, особенно среди мещан и крестьян (около 24,5 %), которые существовали преимущественно за счет средств, присылаемых родственниками. В фонде Тобольского губернского управления сохранилось большое количество запросов мещан и дворян из польских губерний, которые разыскивали своих сосланных близких [ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 2, д. 86, 100 и др.].

² ПК ТГ — Памятная книжка Томской губернии.

³ ПК ТобГ — Памятная книжка Тобольской губернии.

Польская община достаточно прочно обосновалась в некоторых сферах, которые стали для нее со временем основными «экономическими нишами». Так, например, среди тобольских ремесленников в 1882 г. поляки составили 10 %, в ямском промысле — 6,5 %, в промышленности — 5,6 %, в торговле — 5,5 % [ПК ТобГ, 1884, ведомость XVII, XVIII].

Нередко оказавшиеся в Сибири поляки вынуждены были заниматься хозяйственной деятельностью. Для одних она становилась источником обогащения, для других — единственным источником дохода.

Одним из наиболее наглядных примеров в первом случае является А.Ф. Поклевский-Козелл (Козелло-Поклевский), который после выхода в отставку обратился к предпринимательству. В 1845 г. он купил выстроенный в Тюмени пароход «Основа» (1838 г.), положивший начало «Пароходству А.Ф. Поклевский-Козелл и К°», а после отмены в регионе откупной системы им были приобретены казенные винокуренные заводы и он стал одним из первых производителей водки в Западной Сибири [Сибирский листок, 1891, № 19]. В дальнейшем в их руках оказались железоделательные заводы, золотые и асбестовые прииски, лесные дачи Урала и Сибири [Скубневский, 2001, с. 143].

Другим примером могут служить многочисленные польские ссыльные, оказавшиеся в регионе после 1863 г. Так, Игнаций Пляпас был известен в Тобольске как один из лучших мастеров резьбы по кости. Первоначально он сбывал свои работы оказавшимся в ссылке богатым полякам, которые поддерживали его заказами, а в дальнейшем, когда значительная часть шляхты вернулась в польские губернии, на крупные суммы реализовывал свои изделия оказавшимся в Тобольске иностранцам. Например, датский консул Мерк купил у него резных изделий из кости более чем на 400 руб. Покупателями были итальянцы, англичане, немцы. Заказы на работы из моржовой кости поступали даже из обеих столиц. О коммерческом успехе свидетельствует тот факт, что И. Пляпасу удалось на выручаемые средства содержать семью умершего брата и скопить около 3 тыс. руб. [Кое-что о ремеслах..., 1891]. И. Пляпас не только возродил в Тобольске костяной промысел, который был поднят на высокий художественный уровень еще пленными шведами во второй трети XVIII в., но и подтолкнул к нему местное русское население.

Подобное распределение по сферам занятий во многом объясняется прошлым членов общин. В тобольской колонии распределение по сословиям было достаточно традиционным: 1/4 составляло дворянство (ссыльные дворяне составляли в Сибири около 1/3 поляков), почти половина поляков относилась к мещанскому сословию (47,4 %), доля крестьянства была меньше — 17,4 % [ПК ТобГ, 1884].

В 1870–1880-е гг. многие вернулись в польские губернии, однако наиболее предприимчивые предпочли остаться на новом месте жительства и продолжали свою деятельность. В значительной степени это объясняется тем, что бывшим ссыльным полякам было разрешено причисляться к купеческим гильдиям, заниматься золотодобычей и другими промыслами. Те же, кто не находился под надзором полиции, допускались в сферу государственной и общественной службы [Герасимов, 1918, с. 13–14]. Подобного рода правовые изменения привели к трансформации структуры занятости в польской общине, что достаточно наглядно продемонстрировали результаты Первой всеобщей переписи населения 1897 г.

На рубеже XIX–XX вв. начинается качественно новый этап в формировании польской общины Сибири: все большее значение приобретает добровольное переселение. В это время колония формируется за счет двух источников. С одной стороны, это ссыльные и их потомки, а с другой — добровольные переселенцы из числа польских крестьян, военных, врачей, инженеров, которые начинают проникать в Сибирь уже в 1880–1890-е гг.

В адрес губернских властей поступало большое количество прошений польских крестьян, которые не могли успешно вести хозяйство вследствие малоземелья у себя на родине. Некоторые количественные данные о переселенцах из привислинских губерний содержатся в ежегодных «обзорах» сибирских губерний. Так, в 1897 г. в Сибирь проследовало переселенцев 251 чел., из которых 235 добирались самостоятельно. Общий вес этой группы был невысок и составлял всего 0,3 % от общего количества переселенцев [ОТобГ⁴, 1898, с. 90]. В 1898 г. из Седлецкой, Плоцкой и Калишской губерний в Тобольской губернии водворилось 15 крестьян [ОТобГ, 1899, с. 30]. Пик переселенческой активности пришелся на 1899 г., в течение которого в Тобольской

⁴ ОТобГ — Обзор Тобольской губернии.

О некоторых особенностях формирования и экономического развития польской общины...

губернии обосновалось 70 семей в составе 375 чел. Наибольшее количество переселенцев этой партии были выходцами из Седлецкой и Люблинской губерний: 13 семей (56 чел.) и 42 семьи (234 чел.) [ОТобГ, 1900, с. 39]. Особенностью польской аграрной миграции этого периода являлось преобладание переселенцев, которые следовали в Сибирь по паспортам и без переселенческих свидетельств. Это заставляло сибирских губернаторов время от времени рассматривать и удовлетворять прошения крестьян на переселение [Из истории земли Томской..., 1998, с. 243–244].

В фонде Переселенческого управления Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург) сохранились дела о переселенческом движении крестьян из польских губерний в Сибирь. Анализ документов по Люблинской, Седлецкой и иным губерниям позволяет сделать вывод о том, что местные власти не всегда были сторонниками переселения крестьян в Сибирь. В условиях несовершенства переселенческого законодательства комиссары по крестьянским делам имели возможность отказать им в праве на переезд. Так, например, отказ мог последовать в случае, если семья состояла из родителей и малолетних детей. Чиновники заявляли, что такие семьи «не имели взрослых работников» [РГИА, ф. 391, оп. 2, д. 839, л. 38 об.]. Непременным условием для получения разрешения являлось наличие достаточных денежных средств — крестьяне должны были документально подтвердить свое материальное благосостояние. В случае, если денежных средств не хватало, о переселении и речи быть не могло, однако их наличие также не гарантировало получения разрешительных документов. Например, чиновники Люблинской губернии заявляли, что «каждый хозяин, располагающий имуществом в 500 руб., может при посредстве Крестьянского Поземельного банка приобрести участок вполне доброкачественный в пределах Люблинской губернии и завести на эти деньги необходимый инвентарь», а потому «ходатайство просителей не заслуживает удовлетворения» [Там же, л. 28]. Местные комиссары по крестьянским делам проводили среди желавших уехать в Сибирь «разъяснительную работу», стремясь удержать крестьян от переезда. Многие после подобных бесед отказывались от своих планов и оставались на прежнем месте жительства. Подобная ситуация объяснялась отсутствием достоверной информации о Сибири. К тому же для многих поляков она по-прежнему ассоциировалась с каторгой и ссылкой.

Но миграционный поток из польских губерний постепенно набирал силу. Так, в прошении о разрешении на строительство католической церкви на имя тобольского губернатора коллежский советник А.С. Гриневицкий отмечал, что только «в г. Тара и Тарском уезде проживает до двух тысяч католиков» [Там же, ф. 391, оп. 2, д. 850, л. 4]. В докладной записке от 6 июля 1901 г. статс-секретарю А.Н. Куломзину он писал, что нужно «делать хотя что-нибудь для переселенцев католического вероисповедания, переселившихся из Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской губерний и поселившихся в поселках... Тарского уезда Бутаковской волости и других волостях того же уезда» [Там же, л. 2 об.].

В годы столыпинской аграрной реформы в положительную сторону меняется общее представление об Азиатской России, чему способствовали многочисленные разъяснительные брошюры, издававшиеся губернскими переселенческими управлениями и иными организациями: крестьяне получили более достоверную информацию о местах водворения и условиях переселения, и это способствовало распространению среди польских крестьян миграционных настроений. На рубеже XIX–XX вв. они начинают создавать обособленные поселения. Наиболее известным является п. Белосток. Основанный в Томской губернии в 1899 г., он вскоре становится центром притяжения польских переселенцев. Здесь в начале XX в. открыли римско-католический костел — впоследствии не только религиозный, но и образовательный центр. К 1916 г. в поселке насчитывалось уже 95 крестьянских хозяйств (516 жителей) [Из истории земли Томской..., 1998, с. 245].

Более точно о численности польского населения Сибири можно говорить на основании опубликованных материалов Первой всеобщей переписи населения 1897 г. Отсутствие в переписном листе графы «национальность» заставляет реконструировать этническую картину по сведениям о родном языке и вероисповедании. По сводным данным переписи, за Уралом поляки составляли около 30,5 тыс. чел. [ПВПН РИ⁵, т. 73, 1904, с. 52; т. 74, 1904, с. 64; т. 78, 1905, с. 76; т. 79, 1904, с. 70; т. 81, 1905, с. 50; Патканов, 1912, т. III, с. 434–437], а на территории Западной Сибири проживало 13 274 поляка обоих полов, считавших польский язык родным, из них

⁵ ПВПН РИ — Первая всеобщая перепись населения Российской империи.

5745 — в Тобольской [ПВПН РИ, т. 78, с. 76], 6387 — в Томской губернии [Там же, т. 79, с. 70] и 1142 — в Акмолинской области [Там же, т. 81, с. 50].

Статистические данные показывают весьма низкий уровень урбанизированности польских общин, средний показатель для которых составил около 25 %. Эти данные лишним раз подтверждают факт водворения поляков преимущественно в сельской местности [Патканов, 1911, т. II, с. 2–5, 130–133, 322–325].

В начале XX в. поляки селились на образованных переселенческих участках, которые становятся ареалами сельской колонии. Значительная часть поселений возникает на территории Томской губернии, ставшей центром притяжения польских мигрантов. Это было связано как с общим направлением миграционного потока, так и с бурным сельскохозяйственным и промышленным развитием юга Западной Сибири.

Сводные данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. по Тобольской губернии дают возможность реконструировать сферы хозяйственных занятий сельских и городских жителей по национальному признаку. Это позволяет нам определить структуру хозяйственных занятий как внутри этнической группы, так и относительно социума в целом. Так, в конце XIX в. большинство поляков было связано с обработкой земли (43 % семей), различных видов сырья (16 %) и выполнением функций прислуги и поденщиков преимущественно в городах (15 %) [ПВПН РИ, т. 78, с. 156–161]. В этом они были близки, например, к немцам, проживавшим в регионе. В то же время можно выделить сферы, сближавшие поляков и евреев. Таковой была, например, торговля. Некоторые сферы привлекали интерес представителей различных национальных групп. Это, например, изготовление одежды, ремонт и строительство. В целом поляки по-прежнему занимались активно различными ремеслами. Но сокращение удельного веса ремесленников с 40 до 16 % связано не столько с падением престижа ремесленно-промышленной сферы, сколько с перераспределением польского населения по экономическим сферам.

Появление значительной части поляков в сельской местности объясняет рост числа семей, занятых в сельском хозяйстве. Крестьянство стало одной из основных составляющих польской общины региона. Первоначально они выступали в качестве арендаторов казенно-оброчных статей⁶. Чаще всего на территории статей основывались небольшие поселения, а арендный договор оформлялся на одного из наиболее авторитетных членов общины. Иначе невозможно объяснить, например, факт аренды польским переселенцем Огинским в Каинском округе Томской губернии участка в 5401 дес. [Ведомость... по Каинскому округу, 1883, № 40]. Кроме того, встречались случаи аренды земельных участков небольшой площади [Ведомость... по Семилужской волости, 1883, № 42]. Кроме того, в «Томских губернских ведомостях» достаточно часто можно встретить упоминание о польских крестьянах-переселенцах, проживающих в уже существовавших поселениях в различных округах губернии [1883, № 15].

Часть поляков оказались связанными с различными отраслями перерабатывающей промышленности. В это время на всей территории региона наблюдался бурный расцвет маслоделия. В отрасль была вовлечена значительная часть населения и финансовых ресурсов. На территории только Томской губернии, по данным 1911 г., официально функционировало более 1,8 тыс. маслодельных заводов, принадлежавших частным лицам, артелям, торговым домам [Указатель маслодельных заводов..., 1912]. Этот факт свидетельствует о прибыльности отрасли, продукция которой на 80 % экспортировалась в Западную Европу. Поляки открывали свои заводы, которые по объему произведенной продукции уступали, например, еврейским, но вносили свой вклад в развитие отрасли. Так, в Верхне-Омской волости им принадлежало 8 предприятий, которые произвели в 1911 г. более 10 тыс. пуд. сливочного масла (21,3 % общего объема) [Там же, с. 34–35].

Вследствие благоприятных природно-климатических условий и притока переселенцев в начале XX в. одним из основных зернопроизводящих районов Сибири стал Алтай. Это вызвало к жизни развитие мукомольного производства, в котором поляки также приняли активное участие. Так, например, в 1904 г. варшавским помещиком Петром Пель вблизи Барнаула была построена мукомольная мельница [ГААК, ф. 31, оп. 1, д. 181]. Поляки открывали небольшие предприятия не только в городах, но ориентировались и на сельскую местность. При этом они сталкивались в новых условиях с определенными проблемами. Примером предпринимательской ак-

⁶ Казенными оброчными статьями являлись казенные недвижимые имущества (земли), отдаваемые в оброчное с публичных торгов.

О некоторых особенностях формирования и экономического развития польской общины...

тивности поляков в сельской местности может служить А. Ковальский, переселившийся в 1904 г. на Алтай со своим семейством. Выходец из Могилевского уезда Подольской губернии, он прибыл по приглашению своего друга, который в многочисленных письмах указывал, «что здесь заселенность большая, нуждается в паровых мельницах и мастерских для исправления крестьянских сельскохозяйственных орудий» [Там же, ф. 31, д. 255, л. 8].

До переселения в Сибирь А. Ковальский содержал мельницу в Бессарабской губернии. Основав небольшую мельницу на арендованном участке Локтевского имения, он сразу столкнулся со сложностями. Они проявились в первую очередь в различиях действующего законодательства о промышленных предприятиях, выпускающих продукцию, облагающуюся акцизом. Дело в том, что в Европейской России контроль над использованием паровых двигателей на производстве осуществлялся со стороны фабрично-заводской инспекции. В Сибири в это время она еще отсутствовала, а ее обязанности выполнялись различными органами, в том числе полицией, строительным отделением губернского управления и пр.

В марте 1907 г. переписка между А. Ковальским и томскими чиновниками позволила выявить противоречия, но еще до этого возникла конфликтная ситуация между мелким предпринимателем и представителями полиции, настаивавшими на соблюдении действующего регионального законодательства. При этом представители полиции действовали достаточно жестко, но последовательно. Первоначально они предложили мукомолу представить томскому начальству необходимые для открытия раструсной мельницы документы. Однако А. Ковальский постарался сослаться на законодательство, знакомое ему по прежнему месту жительства, и продолжал незаконно эксплуатировать локомобиль [Там же, ф. 31, д. 255, л. 8, 18]. Несговорчивость поляка привела к тому, что два года спустя с начала разбирательства по распоряжению змеиногорского исправника шелковниковский пристав опечатав локомобиль [Там же, л. 18], таким образом оставив А. Ковальского без работы.

Возникшая ситуация заставила мукомола в сравнительно короткий срок изыскать средства для выполнения в надлежащей форме чертежа мельницы, двигателя, составления всех сопроводительных документов и отправить их в Томск. Это позволило ему получить 30 апреля 1909 г. разрешение на работу мельницы. Повторное открытие раструсной мельницы позволило обеспечить мукой население близлежащих 15 населенных пунктов [Там же, л. 18 об.].

Изучая историю сибирской колонии, в полной мере можно согласиться с высказыванием современника, который указал, что «поляки, водворившись в районе Тобольской губернии, в значительной степени содействовали развитию цивилизации и промышленности в среде ее обывателей. Молодежь, получившая образование в высших или средних учебных заведениях империи, занималась преподаванием наук молодому поколению тоболяков, приготавливая их к поступлению в гимназию, или же поступали на государственную службу; люди же пожилые, преимущественно из среднего сословия, имел торговые или промышленные занятия, открывали магазины галантерейных вещей, устраивали гостиницы, столовые или мелочные лавочки, или же, наконец, занявшись мастерством сапожным, токарным, слесарным или шорным, вполне удовлетворяли потребности местного населения» [ПК ТобГ, 1884, с. 50].

Таким образом, следует говорить о том, что польская община в Сибири в течение XIX — начала XX в. прошла достаточно сложный путь в своем развитии. Значительно изменилось соотношение между источниками ее формирования. Все большее значение приобретало добровольное переселение. Это, в свою очередь, приводило к изменениям в сословной структуре. Одновременно это означало трансформацию места колонии в социально-экономической структуре сибирского региона: государственная служба и каторга были заменены сельскохозяйственными занятиями и предпринимательством.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Неопубликованные источники

- ГААК. Ф. 31. Строительное отделение Томского губернского правления.
ГУТО ГАТ. Ф. 152. Тобольское губернское управление; Ф. 329. Тобольское губернское правление.
РГИА. Ф. 391. Переселенческое управление Министерства земледелия; Ф. 826. Канцелярия Митрополита римско-католических церквей в России Министерства внутренних дел; Ф. 1263. Комитет министров (1802–1906 гг.); Ф. 1265. Второй Сибирский комитет.

Опубликованные источники

- Ведомость* казенно-оброчных статей предназначенных к отдаче в оброчное содержание с начала 1884 года по Семилужской волости // Томские губернские ведомости. 1883. № 42.
- Ведомость* казенно-оброчных статей, предназначенных к отдаче в оброчное содержание с начала 1884 года по Каинскому округу // Томские губернские ведомости. 1883. № 40.
- Воспоминания* из Сибири: Мемуары, очерки, дневниковые записи польских ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия. Иркутск: Артиздат, 2009. 724 с.
- Из истории* земли Томской. Сибирский Белосток: Сб. документов и материалов. Томск, 1998.
- Кое-что* о ремеслах в г. Тобольске // Сиб. листок. 1891. № 3.
- Кутилова Л.А., Нам И.В., Наумова Н.И., Сафонов В.А.* Национальные меньшинства Томской губернии: Хроника общественной и культурной жизни. 1885–1919. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. 296 с.
- Лорер Н.И.* Записки моего времени. Воспоминание о прошлом // Мемуары декабристов. М., 1988.
- Обзор* Тобольской губернии за 1897 год. Тобольск, 1898.
- Обзор* Тобольской губернии за 1898 год. Тобольск, 1899.
- Обзор* Тобольской губернии за 1899 год. Тобольск, 1900.
- Памятная* книжка Тобольской губернии на 1884 год / Сост. А.И. Дмитриевым-Мамоновым и К.М. Голдниковым. Тобольск, 1884.
- Памятная* книжка Томской губернии на 1871 г. Томск, 1871.
- Первая* всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 73: Енисейская губерния. СПб., 1904.
- Первая* всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 74: Забайкальская область. СПб., 1904.
- Первая* всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 78: Тобольская губерния. СПб., 1905.
- Первая* всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 79: Томская губерния. СПб., 1904.
- Первая* всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 81: Акмолинская область. СПб., 1905.
- Полное собрание законов* Российской империи. Изд. I. СПб., 1830.
- Полное собрание законов* Российской империи. Изд. II. СПб., 1831.
- Ручинский Ю.* Конарщик // Воспоминания из Сибири: Мемуары, очерки, дневниковые записи польских ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия. Иркутск: Артиздат, 2009. С. 325–476.
- Сибирский* листок. Тобольск. 1891. № 19.
- Словцов И.Я.* Материалы по истории и статистике Омска, извлеченные из однодневной переписи 1877 г. Ч. 1. Омск, 1880.
- Статистический обзор* Томской губернии. Томск, 1872.
- Томские губернские ведомости*. 1883. № 15. № 40, 42.
- Указатель* маслодельных заводов по Томской губернии. Составлено на основании данных за 1911 год. Ново-Николаевск, 1912.

Литература

- Герасимов Б.* Ссыльные поляки в Семипалатинской области: (Краткий исторический очерк) // Зап. Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Семипалатинск, 1918. Вып. 12. С. 22–24.
- Кальмина Л.В.* Социокультурная характеристика католической общины Верхнеудинска в начале XX в. (по метрическим книгам Верхнеудинского польского католического костела) // Стереотипы и национальные системы ценностей в межкультурной коммуникации. СПб.; Ольштын: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2009. Вып. 1. С. 185–191.
- Карих Е.В.* Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения: XIX — начало XX в. Томск: Изд-во ТГУ, 2004.
- Качинская Э.* Поляки в Сибири (1815–1914 гг.): Социально-демографический аспект // Сибирь в истории и культуре польского народа. М.: Ладомир, 2002. С. 225–277.
- Клюева В.П.* Иноземцы в Сибири XVII в.: Стратегии конфессионального предпочтения // Иноземцы в России в XV–XVII веках. М.: Древлехранилище, 2006. С. 463–472.
- Масярж В.* Поляки в Восточной Сибири (1907–1947 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1995.
- Масярж В.* Миграция польских крестьян в Сибирь в конце XIX — начале XX века // Сибирь в истории и культуре польского народа. М.: Ладомир, 2002. С. 241–245.
- Нам И.В.* Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 500 с.
- Никулина И.Н.* Из истории пребывания поляков на Алтае (60-е гг. XIX в.) // Диаспоры. 2005. № 4. С. 83–99.
- Островский Л.К.* Польское население городов Западной Сибири (1890–1917 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 4. С. 80–83.
- Патканов С.К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). СПб., 1911. Т. II.

О некоторых особенностях формирования и экономического развития польской общины...

Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). СПб., 1912. Т. III.

Самович А.Л. Проблема польских военнопленных и пути ее решения в 1831 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2011. № 2. Ч. 3. С. 161–164.

Скубневский В.А. Польское население Сибири по материалам переписи 1897 года // Польская ссылка в России XIX–XX веков: Региональные центры. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 1998. С. 170–175.

Скубневский В.А. Предпринимательство поляков в Сибири: Вторая половина XIX — начало XX вв. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2001. Вып. 3. С. 139–152.

Скубневский В.А. Источники изучения хозяйственной деятельности поляков в Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.) // Восточная Европа и Россия: История, современное состояние и перспективы взаимоотношений. СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2008. С. 82–92.

Скубневский В.А. Деятели науки и культуры польского происхождения в Западной Сибири XIX — начала XX в. // Стереотипы и национальные системы ценностей в межкультурной коммуникации. СПб.; Олштын: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2009. Вып. 1. С. 180–185.

Слизовская В. Польская Сибирь — мифы и действительность // Новая Польша. 2010. № 1 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.novpol.ru/index.php?id=1262>.

Шайдуров В.Н. Европейские диаспоры в Западной Сибири: Численность, размещение и хозяйственные занятия (по материалам Первой Всеобщей переписи населения 1897 г.) // Современное историческое сибиреведение (XVII — начало XX вв.). Барнаул, 2005. С. 105–116.

Шайдуров В.Н. Национальные общины Западной Сибири второй половины XIX — начала XX вв. (по материалам периодической печати) // Науч. ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2008. Т. 5. № 1. С. 65–72.

Шайдуров В.Н. Польская община Западной Сибири в конце XIX — начале XX в.: Особенности формирования и развития // Изв. АлтГУ. 2009. Т. 3. № 4. С. 253–258.

Шостакович Б.С. Конарщик Юстысьян Ручиньский и его воспоминания о сибирской ссылке // Воспоминания из Сибири: Мемуары, очерки, дневниковые записи польских ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия. Иркутск: Артиздат, 2009. С. 301–324.

Шостакович Б.С. Поляки в Сибири в 1870–1890-е гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1974. 43 с.

Lukawski Z. Ludność polska w Rosji. 1863–1914. Wrocław, 1978. 278 s.

Skubniewski Walery. Źródła do badań działalności gospodarczej Polaków na Syberii (druga połowa XIX i początek XX w. // Wrocławskie Studia Wschodnia. 9 (2005). Wrocław, 2005.

*Санкт-Петербург,
Национальный минерально-сырьевой университет «Горный»
s-w-n@mail.ru*

The article is devoted to questions of formation and development of a Polish community in West Siberia in XIX — early XX c. Of particular comment being sources of the community's formation in the region. The author presents data on its number, location, and economic activities of the Poles in Siberia, citing different facts from their life.

Polish community, West Siberia, number of population, economy, economic activities.

ПУТИ ПЕРЕХОДА С КОЧЕВОГО НА ОСЕДЛЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ И ОБРАТНО НА ЯМАЛЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ 30-х гг. XX в.¹

Е.А. Волжанина

Рассматриваются факторы, обуславливающие переход от оседлого к кочевому образу жизни и обратно у ненцев Ямала в первой трети XX в. На основании анализа конкретных примеров из первичных материалов похозяйственной переписи народов Севера показано, что ведущим объективным стимулом, определяющим выбор в пользу кочевания, являлось стремление и возможности получения хозяйством экономической выгоды.

Кочевое население, Ямал, оленеводство.

Традиционная хозяйственная деятельность большинства современных коренных малочисленных народов Севера в прошлом предполагала сезонную смену места жительства. При этом народы Севера не всегда официально признавались кочевниками. Существующие в научных кругах знания о них в разные исторические периоды способствовали отнесению их к различным категориям населения. Согласно Уставу М.М.Сперанского «Об управлении инородцев», охотники, рыбаки и оленеводы включались в разряд бродячих, т.е. «ловцов, переходящих с одного места на другое по рекам и урочищам» [Судьбы народов..., 1994, с.19]. Данную точку зрения пересмотрели в середине 20-х гг. XX в., когда было принято решение, что название «бродячие» «совершенно не соответствует установившемуся за последнее время наиболее правильному понятию кочевых охотников, оленеводов и прочих», для которых на самом деле характерен определенный порядок перекочевки и сезонная смена пастбищных и охотничьих угодий [Терлецкий, 1932, с. 6]. С этого времени ведущим методологическим приемом в статистических исследованиях при анализе их экономики стало разделение хозяйств народов Севера на кочевые и оседлые.

На сегодняшний день более половины кочевого населения Российской Федерации составляют ненцы Ямало-Ненецкого автономного округа, проживающие главным образом в трех тундровых районах: Приуральском, Тазовском и Ямальском, в хозяйствах которых сосредоточена основная часть общероссийского поголовья оленей [Клоков, Хрущев, 2006, с. 25]. Вопрос о времени отнесения ненцев к числу кочевников тесно связан со становлением у них оленеводства крупнотабунного типа. Опираясь на палеогеографические, археологические, этнографические и нарративные данные, исследователи по-разному датируют начало и завершение становления крупнотабунного оленеводства у ненцев, выделяют разные этапы и стимулирующие факторы его развития [Васильев, 1976; Хомич, 1976; Головнев, 1993; Крупник, 1974]. Несмотря на расхождения между учеными, общее мнение таково, что к началу XX в. крупнотабунное оленеводство являлось ведущей формой ненецкой экономики со сложившимся комплексом характерных представлений и методов хозяйствования. Именно к периоду становления новой отрасли хозяйства относится формирование традиционной установки, признанной аксиомой для ненцев, согласно которой «каждый “сидячий” тундровой промысловик, не имеющий возможности кочевать, стремился “подняться на каслание”, т.е. нарастить поголовье оленей, сделаться оленеводом и жить... “настоящей жизнью”» [Харючи, 2001, с. 12], что отмечается в работах разных исследователей [Головнев, 1995, с. 45; Stammier, 2004, с. 220].

В данной статье рассматриваются факторы, обуславливающие выбор ненцами кочевого или оседлого образа жизни. В этой связи мы решили обратиться к источникам конца 20-х — первой половины 30-х гг. XX в., характеризующим традиционные отношения внутри ненецкого общества во взаимосвязи с социально-экономическими и этнокультурными процессами, проис-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Кочевое население и традиционное землепользование на Ямальском Севере в первой трети XX в.», проект № 12-31-01236, и гранта в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре»: «Кочевой образ жизни и традиции землепользования ненцев Ямала в XX–XXI веке».

Пути перехода с кочевого на оседлый образ жизни и обратно на Ямале...

ходящими в их среде. Это первичные материалы переписи Ямальского райисполкома 1932–1933 гг. и похозяйственной переписи Управления народохозяйственного учета РСФСР 1934–1935 гг., землеустроительной экспедиции 1934–1935 гг. в Ямальском районе, содержащие характеристики хозяйств ненцев и их рассуждения о преимуществах и недостатках кочевого и оседлого стилей жизни, качества работы торговой и административной системы на Севере накануне мероприятий, направленных на ликвидацию их культурной отсталости (коллективизация, перевод на оседлый образ жизни и др.), записанные регистраторами непосредственно со слов опрашиваемых домохозяев.

Тундровый хозяйственный комплекс, сформировавшийся у ненцев, не предполагал, что все оленеводы должны быть владельцами крупных стад [Головнев, 1993, с. 89]. Более того, мы можем говорить о складывании в тундровой зоне целостной системы хозяйства, включавшей тундровый (оленоводческий), арктический, южно-тундровый и лесотундровый хозяйственные комплексы, ни один из которых не мог существовать по отдельности [Там же, с. 131]. В этом отношении показательны сведения о размерах оленьих стад у населения, свидетельствующие о преобладании малооленных хозяйств, с поголовьем оленей, не дотягивающим до необходимого прожиточного минимума, составлявшего, по оценкам разных исследователей, от 130 до 500 голов [Там же, с. 78; Евладов, 1992, с. 251; Суслов, 1930, с. 34–35]. Согласно посемейно-хозяйственным бланкам 1932–1933 гг., 58,9 % хозяйств в Ямальском районе имели стада до 100 голов, 21,6 % — от 101 до 200, 13,5 % — от 201 до 400 и 6 % — 401 и более [Волжанина, 2011, с. 225]. В 1934 г. в ходе переписи УНХУ в южной части Ямальского полуострова из 296 зарегистрированных оленьих хозяйств 235 имели до 100 оленей [ГАРФ, ф. А-374, оп. 26, д. 36, л. 173]. Данные факты указывают, с одной стороны, на завершение процесса выделения отдельных семей в составе родов и перехода оленей в их собственность [Васильев, 1976, с. 327–328]. В первой трети XX в. малооленными становились нуклеарные семьи, выделившиеся из состава больших семей и получившие оленей в результате хозяйственного раздела. С другой стороны, малооленность семейных хозяйств можно рассматривать как выражение временного состояния разорившихся в силу разных обстоятельств или недостаточно окрепших семей оленеводов, компенсирующих недостаточное количество оленей промыслами.

На состояние оленеводческого хозяйства оказывает влияние множество факторов (биологических, санитарно-эпидемиологических, социально-экономических). Одним из следствий распространения оленеводства на Ямале стали периодические вспышки заболеваний оленей, приобретавшие характер эпидемий и приводившие к массовой гибели животных и разорению их владельцев. В 1908, 1911, 1914 гг. наблюдался падеж оленей от сибирской язвы в районе озер Яррото, Ямбуто, Нейто, Мордымалто, мыса Каменного, рек Тарко-Сале, Таркасэбэсьяха, Харасавэй [Королев, Кувичев, 1990, с. 34], в 1931–1933 гг. — от копытки и легочных заболеваний в бассейнах рек Сеяга (Карская), Ясовой-Яга, Паду-яга, Ой-яга, Падератта [ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 188а, л. 203; Волжанина, 2011, с. 226].

Распространение малооленных семей и, как следствие этого, сокращение поголовья оленей в Ямальском районе в первой половине 30-х гг. XX в. участники землеустроительной экспедиции объясняли нехваткой промышленных и продовольственных товаров и низким выходом песка, из-за чего население вынуждено было забивать больше оленей, чем обычно [ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 188а, л. 203]. О непостоянстве «оленьего счастья» свидетельствует динамика поголовья оленей в отдельных ненецких хозяйствах, переписанных в 1926, 1932 и 1935 гг. (табл. 1). Авторы таблицы использовали ее для доказательства хищнического заоя оленей шаманами и кулаками. На наш взгляд, эти данные ярко демонстрируют стремление бедных хозяйств нарастить свое стадо несмотря ни на что. Не случайно число хозяйств, у которых поголовье оленей выросло за 10 лет, совпадает с количеством хозяйств, у которых стада уменьшились, независимо от их социальной принадлежности. Несмотря на то, что отнесение хозяйства к той или иной социальной группе только на основании количества оленей в рассматриваемый период теоретически считалось неверным, оно очень широко применялось на практике. Проведение государством обязательной контракции оленей у кулаков и середняков, размеры которой составляли от 15 до 700 голов, послужило еще одной причиной сокращения оленьих стад в рассматриваемый период [Волжанина, 2011, с. 226]. В результате действия всех вышеобозначенных факторов поголовье оленей в Ямальском районе в 1935 г. сократилось на 25 % по сравнению с 1926 г. [ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 188а, л. 202 об.].

**Динамика оленьего поголовья в отдельных хозяйствах ненцев
по данным переписей 1926, 1932 и 1935 гг.***

Фамилия, имя главы хозяйства	Поголовье оленей		
	1926	1932	1935
А. Бедняцкие хозяйства			
1. Сэротетто Сэроко	32	32	27
2. Сэротетто Полита	22	37	60
3. Езынги Сеська	54	64	103
4. Езынги Ханси	29	26	30
5. Езынги Ванья	46	36	92
6. Езынги Омбу	72	75	85
7. Ламду Ханюты	25	64	30
8. Солиндер Толька	90	80	59
9. Солиндер Хабнине	85	100	42
10. Салиндер Яули	22	59	34
11. Солиндер Епсутта	32	48	90
12. Сарпиво Папали	107	36	31
13. Сэротэтто Пупта	78	56	53
14. Сэротетто Арка	40	40	121
15. Сэротэтто Тир	85	89	100
16. Сэротэтто Нибоку	33	69	56
17. Сэротэтто Савоие	183	113	137
18. Худи Яптоко	55	76	100
19. Худи Хануй	88	150	83
20. Худи Тындали	65	105	32
21. Худи Вэмбой	88	84	90
22. Худи Тэблю	100	100	134
23. Худи Михаил	46	57	40
24. Худи Мынидома	47	81	80
25. Худи Вэрье	220	118	120
26. Яптик Пароди	45	42	50
27. Яптик Вачу	179	70	70
28. Яптик Мойма	31	73	159
29. Окотэтта Хасовой	219	100	170
30. Окотэтто Хатю	54	140	250
31. Яптик Онсю	201	50	20
32. Вануйта Пики	368	143	100
33. Окотэтто Лякы	170	360	150
34. Вануйта Тяну	80	53	30
35. Сэрпиво Янг	77	126	120
Итого по бедняцким хозяйствам	3168	2952	2968
Б. Средняцкие хозяйства			
1. Окотэтто Вэли	160	145	200
2. Сэротэтто Юрнопом	80	160	225
3. Сэротэтто Ноби	188	199	250
4. Сэрпиво Ачикоче	109	216	300
5. Окотэтто Хасоворка	200	198	250
6. Сэрпиво Вэле	116	164	213
7. Сэротэтто Хасовой	492	333	350
8. Окотэтто Хатей	200	216	300
9. Худи Алу	300	280	186
10. Худи Сась	310	290	250
11. Яптик Нелеку	248	140	110
12. Яптик Хавули	413	280	163
13. Езынги Сейку	81	115	138
14. Окотэтто Уды	574	391	153
15. Худи Яворчи	418	370	300
16. Тибичи Кузьма	490	338	267
17. Сэротэтто Пуда	177	111	257
18. Сэротетто Тада	320	260	90
19. Сусой Хабай	191	200	200
20. Окотэтто Нембой	312	321	300
Итого по средняцким хозяйствам	6436	4730	4502
В. Кулацко-шаманские хозяйства			
1. Вануйто Юзы	1120	810	432
2. Окотэтто Вазеда	1020	880	800
3. Венга Терка	634	350	300
4. Сэрпиво Ютола	145	290	80
5. Тусида Ярколоко	986	500	450
6. Худи Сылома	778	340	503
7. Хородя Нарикуче	1050	665	800
Итого по кулацко-шаманским хозяйствам	5773	3695	3270
Всего по всем социальным группам	14377	11377	10880

* Источник: ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 188а, л. 202–202 об.

Пути перехода с кочевого на оседлый образ жизни и обратно на Ямале...

По переписи 1932–1933 гг., на Ямале насчитывалось 558 кочевых, преимущественно ненецких, хозяйств [Волжанина, 2011, с. 223], в 1934 г. — 698 [ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 188а, л. 95, 97 об.]. К сожалению, абсолютные данные не доказывают количественного роста за 2 года. Если брать относительные данные, то доля кочевников даже сократилась в общем числе хозяйств, проживающих на Ямале, с 79,5 до 72 %. При этом в первом случае было переписано все население полуострова, а во втором — только промысловое.

Регистраторы похозяйственной переписи УНХУ РСФСР 1934–1935 гг., охватившей юг Ямальского района, сумели выявить разные модели поведения ненцев, оказавшихся перед выбором: кочевать или жить оседло. На основании ее материалов, все ненецкие хозяйства делятся на кочевые, передвигавшиеся со своими стадами круглый год с места на место, независимо от продолжительности кочевого маршрута; полуоседлые, занимавшиеся главным образом рыболовством, владевшие небольшим количеством оленей, лето проживавшие стационарно и кочевавшие зимой; и оседлые, имевшие жилые и хозяйственные постройки. Относясь к территории, на которой взаимозависимость трех хозяйственных комплексов (тундрового, южно-тундрового и лесотундрового) была наиболее ярко выраженной, данные переписи не оставляют сомнений, что кочевой образ жизни являлся привлекательным для ненцев. Хозяйства, потерявшие свое стадо в результате падежа оленей от болезней и ставшие малооленными, стремились снова приобрести их в достаточном количестве, чтобы кочевать, демонстрируя модель поведения, рассматривающую переход от кочевого к оседлому образу жизни как временное состояние.

Традиционными приемами, позволяющими хозяйству, несмотря на потерю оленей, продолжать кочевать, у ненцев были совместное кочевание с состоятельными оленеводами (не обязательно родственниками), найм к ним пастухами (плата осуществлялась оленями), взятие оленей во временное пользование (*подерпо*), объединение хозяйств для совместного выпаса оленей (*ларма*), система отдаривания (*тында*). Они практиковались и в конце 20-х — первой половине 30-х гг. XX в., но население стало прибегать к ним реже. Самым распространенным способом наращивания стада в этот период стал обмен продукции рыболовства и охотничьего промысла на оленей у богатых оленеводов: по стоимости 1 олень равнялся 1 песцу или 1 ящику рыбы (0,5 ц) [ГАРФ, ф. А-374, оп. 26, д. 39, л. 21 об.].

Указание в переписных листах на то, что хозяйство «стало кочевать только после революции» или «приобрело оленей на другой год после революции», является не только политическим приемом, показывающим преимущества советского строя перед предшествующим «царским режимом». На самом деле с изменением социально-экономической ситуации на Ямальском полуострове в конце 1920-х гг. население получило больше возможностей приобретать оленей путем их покупки в кредит и за наличные деньги. С образованием стационарных населенных пунктов (факторий, районного центра Яр-Сале, поселков: Новый Порт, Ходата, Пуйко, Горный Хаманел) ненцы стали зарабатывать деньги, занимаясь извозом, заготовкой топлива, службой. Значительная заинтересованность государства в пушнине, а также рыбе и мясе обусловила широкую практику предоставления кредитов промысловикам, в том числе на приобретение оленей. Большая заслуга в этом принадлежит Интегралкооперативу и Рыбтресту.

Некоторые хозяйства, прежде бравшие оленей в *подерпо*, в новых условиях стали прибегать к кредитам. Одним из примеров является хозяйство Того Мосю, проживавшего до революции на Малом Ямале и имевшего стадо в 56 голов [ГАРФ, ф. А-374, оп. 26, д. 39, л. 1 об.]. Будучи не в состоянии кочевать самостоятельно, он каждую осень брал 30 оленей в *подерпо*, а весной перед началом рыбного промысла отдавал их обратно. «После революции еще 8 лет держал оленей в *подерпо*. 9 лет тому назад переселился на Большой Ямал. Здесь бросили держать *подерпо*. К этому времени в хозяйстве было 17 голов. Взял в Интеграле ссуду в 30 оленей на сумму около 1000 рублей» [Там же]. Вануйто Тагана объяснял большое количество безоленных и малооленных хозяйств до революции отсутствием возможности «собрать денег на покупку оленей, а те, что были, тратились на дальнюю поездку в Обдорск. Крепко сидели в кабале у купцов. С революцией стали зарабатывать денег у Рыбтреста и первым делом стали закупать оленей» [Там же, д. 46, л. 211 об.]. Установленное путем расспросов количество лет, в течение которых хозяйство не кочевало, косвенно указывает на продолжительность восстановительного периода, растягивавшегося от 3 до 20 и более лет. Приобретая 50 оленей и больше, хозяйство уже могло перейти в разряд кочевого, хотя еще не было самостоятельным и могло кочевать только в составе кочевой группы [Там же, д. 46, л. 21 об.; д. 42, л. 31 об. и др.].

Статистические данные не позволяют говорить о массовом возвращении оленеводов в тундру в эти годы. Скорее всего, этот процесс носил стихийный характер. В создавшихся благоприятных условиях «заново поднялись» на класание семьи, проживавшие полуседло уже во втором поколении и имевшие стационарные постройки. Так, Адер Сергей, отец которого уже был безоленный, жил сначала оседло на Салемале, затем в Ватангах, где построил деревянный амбар, служивший летом жилищем, а зимой — хранилищем рыболовных принадлежностей, постепенно в течение 5 лет приобретал оленей «рубкой леса, охотой, рыбой», а в 1933 г. взял ссуду в Интеграле на покупку оленей [ГАРФ, ф. А-374, оп. 26, д. 39, л. 21 об.]. Смена образа жизни могла происходить на протяжении жизни одного поколения. Наличие жилых и хозяйственных построек не привязывало человека крепко к месту. В материалах переписи приведено описание нескольких случаев, когда семья в результате падежа оленей переходила жить в дом, купленный или построенный ими на месте рыболовного промысла, а затем оставляла его или продавала, а на вырученные деньги покупала оленей. Поронгуй Николай «года 3 назад купил избушку в Вануйто. Имел 4 оленей. До этого чумом постоянно стоял в Вануйто. В прошлом году (1933 г. — Е. В.) продал за 100 руб. избу и опять стал кочевать. ...11 голов оленей куплено в Интеграле прошлой осенью» [Там же, д. 38, л. 81 об.]. Подобным же образом поступил Яптик Илья, бросивший избу сначала в Обдорске (около 1903 г.), затем — в Нижнем Саматнеле (около 1929 г.) [Там же, д. 48, л. 31 об.]. В 1929 г. он купил оленей и стал кочевать «с малым радиусом кочевания», продолжая летом промыслять рыбу [Там же, л. 31 об.].

Население называло вполне рациональные причины, побудившие принять решение о смене рыболовного занятия на оленеводство и переходе с оседлого образа жизни на кочевой, что было наиболее выгодно в экономическом отношении в сложившихся условиях, прежде всего ввиду высокой закупочной цены на пушнину по сравнению с рыбой. Это положение хорошо резюмировал Яптик Ватуси, ответивший на вопрос, почему от перешел к кочевому быту: «...легче работать и выгоднее» [Там же, д. 44, л. 181 об.]. Уход в оленеводы стал реакцией на недоброкачественную работу организаций, занимающихся рыбодобычей на Ямале: «Рыбтрест плохо платил деньги, кредиты не давал и за добытую рыбу не получал [деньги]. [Я] распродал все и купил оленей» (Окотэтто Телька) [Там же, д. 41, л. 191 об.], «...рыболовное хозяйство бросил, так как русские его все обманывали, и перешел на оленеводство» (Сусой Нянгы) [Там же, д. 42, л. 191 об.]. Для некоторых полуседлых хозяйств возврат в оленеводство на какое-то время стал возможен благодаря найму пастухами во вновь организованные колхозы и совхозы [Там же, д. 41, л. 191 об.; д. 35, л. 21 об.].

Таблица 2

Валовой доход промыслового населения Ямальского района в 1934 г. в хозяйствах с разной оленеобеспеченностью (в среднем на 1 хозяйство, руб.)*

Размер стада, число голов	От рыболовства	От охоты
До 100 оленей	1891	591
От 101 до 200	1294	978
От 201 до 300	692	1233
От 301 до 500	748	1390
Свыше 500 оленей	489	775

* Источник: ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 188а, л. 107.

Участники землеустроительной экспедиции на основании сведений о полученных населением в 1934 г. доходах установили следующую зависимость величины валового дохода от размера стада, показав экономическую пользу для семьи от владения оленями (табл. 2). А именно: «с увеличением количества оленей, прежде всего, насыщается потребность хозяйства в транспорте, и туземец получает возможность увеличить размер опромышляемой площади охотничьих угодий и повысить доход от охотничьего промысла. Помимо этого, параллельно возрастанию стада идет и увеличение выхода оленеводческой продукции, и оленевод становится уже более заинтересованным в вылове рыбы не только для своей семьи, но и для продажи. Кстати, и его личная потребность в рыбе становится меньше, так как в хозяйстве есть достаточное количество мяса. Наконец, в тех случаях, когда стадо становится настолько велико, что можно весь год питаться мясом и еще иметь излишки продукции оленеводства, за счет продажи которых оле-

Пути перехода с кочевого на оседлый образ жизни и обратно на Ямале...

невод может покупать все необходимые ему продукты питания и товары, тогда отпадает уже заинтересованность и в добыче охотничьей продукции, и такие крупные оленеводы живут в основном на доходы оленеводческого хозяйства» [ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 188а, л. 107].

Появление сети населенных пунктов, распространение образования и новых форм хозяйственной деятельности (колхозы и совхозы) среди ненцев стали существенной альтернативой кочевому образу жизни, которой воспользовался целый ряд хозяйств. Вот несколько типичных ситуаций. Вануйто Молко, вступив в колхоз в 1932 г., «с тех пор не каслает, живет на одном месте в Ярсалях, отлучаясь на рыбный промысел, но на зиму вновь возвращается, живет в колхозном доме, хотя чум есть, но он его не ставит. Доктор не разрешает жить в чуме, так как Вануйто и его семья болели» [ГАРФ, ф. А-374, оп. 26, д. 35, л. 81 об.]. Лапсуй Тэмпо вступил в ППО «Харп», его хозяйство, «как и другие хозяйства, входимые в Харп... имеет постоянное местожительство в Яр-Сале. Большая часть Харпа живет в чумах, некоторые в колхозном доме. Обычно в чуме живет по несколько семей. Свои чумы имеют немногие, другие или их не имеют, или имеют это явно плохие, но чумов не ставят. Летом Лапсуй Тэмко и Лапсу Лаэ работают на рыбопромыслах, зимой иногда в оленеводстве. Но их постоянное место жительства, куда они всегда возвращаются это Ярсале. Хозяйство... перешло на оседлость, но своих постоянных построек не имеет, поставлен вопрос о постройке поселка для колхоза и колхозников» [Там же, д. 36, л. 31 об.]. Худи Николай Андреевич «с кочевого образа жизни в 1933 г. перешел к оседлому, потому что его завербовали учиться в педтехникум, а стадо... отдал его дяде. Сейчас постоянных построек тоже не имеет, живет в чуме» [Там же, д. 37, л. 111 об.]. Пандо Петр, потерявший оленей от копытки и построивший для себя избушку рядом с Аксаркой, каждый год на зиму устраивается работать сторожем в Вануйто [Там же, л. 71 об.]. Мы можем только предположить, что в каждом из этих случаев глава хозяйства рассматривал свое вынужденное стационарное проживание как временное (болезнь, получение образования, бедность).

В рамках южно-тундрового хозяйственного комплекса практиковалось разделение труда внутри одной семьи, когда часть ее членов жила оседло и занималась рыболовством, а другая кочевала с оленями, не доверяя наемным пастухам, при этом извлекая экономическую выгоду из обоих видов деятельности. Такие хозяйства были наиболее устойчивыми, так как при неблагоприятных обстоятельствах одна отрасль компенсировала другую.

В целом мы можем говорить о том, что стремление к получению экономической выгоды было определяющим фактором в выборе образа жизни для ненцев. В конце 20-х — первой половине 30-х гг. XX в. наличие оленей в хозяйстве не только удовлетворяло потребности семьи в пище, одежде, жилище, но и позволяло получать хорошую прибыль от охотничьего промысла и извоза, значительно повышавших доход оленеводческой семьи по сравнению с рыбацкой. Поэтому несмотря на сокращение поголовья оленей и высокий процент малооленных хозяйств, отмечаемые в Ямальском районе в рассматриваемый период, расширение сферы применения оленей и интенсивное их использование в других отраслях, имевших товарный характер, само по себе обеспечивало семье безбедное существование. Созданные благоприятные условия для наращивания стада (предоставление кредитов и денежные заработки) только стимулировали переход полуоседлых и оседлых хозяйств к кочевому образу жизни в соответствии с традиционной культурной установкой, чутко реагируя на социально-экономические изменения, что свидетельствует о предприимчивости ненцев.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

ГАРФ. ф. А-374. Оп. 26. Д. 35–39, 41, 42, 44, 46, 48.

ГАЯНАО. ф. 12. Оп. 1. Д. 188а.

Васильев В.И. Возникновение элементов частнособственнического уклада у самодийских народов Обско-Енисейского Севера // Становление классов и государства. М.: Наука, 1976. С. 314–343.

Волжанина Е.А. Население и оленеводство Ямала в материалах переписи 1932–1933 гг. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 2 (15). С. 225–235.

Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 204 с.

Головнев А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 610 с.

Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову. Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928–1929 гг. Тюмень: ИПОС СО РАН СО РАН, 1992. 281 с.

Е.А. Волжанина

Клоков К.Б., Хрущев С.А. Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера России // Межэтнические взаимодействия и социокультурная адаптация народов Севера России. М.: Издат. дом «Стратегия», 2006. С. 13–33.

Королев Б.А., Кувичев В.С. Отчет о выполнении научно-исследовательских работ «Изучение структуры зооантропонозов в районах освоения газовых месторождений Ямало-Ненецкого автономного округа (заключительный). Тюмень: ИПОС СО РАН, 1990. 54 с.

Крупник И.И. Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев // СЭ. 1974. № 2. С. 57–69.

Судьбы народов Обь-Иртышского Севера: (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.): Сб. документов. Тюмень, 1994. 321 с.

Суслев И.М. Расчеты минимального количества оленей, потребного для туземного середняцкого хозяйства // Сов. Север. 1930. № 3. С. 29–34.

Терлецкий П.Е. Население Крайнего Севера: (По данным переписи 1926/1927 гг.) // Тр. научно-исследовательской ассоциации Ин-та народов Севера ЦИК СССР. Т. 1. Вып. 1/2. Л.: Тип. «Коминтерн», 1932. 65 с.

Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. 228 с.

Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л.: Наука, 1976. 190 с.

Stammler F. Reindeer Nomads meet the market: culture, property and globalisation at the «End of the land». Zugl.: Halle-Wittenberg, Univ., Diss., 2004. 380 p.

Тюмень, ИПОС СО РАН
nyabako@mail.ru

The article considers factors determining transition from settled to nomadic life and vice versa, regarding the Yamal Nenets in 1930s. Basing on analysis of concrete examples obtained from the initial materials of a household census of the Northern peoples, it is shown that a leading objective stimulus determining a choice in favour of nomadic life was aim and opportunities for a household to gain economic benefit.

Nomadic population, Yamal, reindeer breeding.

КОМИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В ТАРСКОМ УЕЗДЕ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.¹

А.Х. Машарипова

Рассмотрены процессы формирования коми-зырянского населения на территории Тарского уезда. На основе анализа архивных документов выявлены динамика их численности и фамильный состав, территория прежнего проживания переселенцев, образование новых коми поселений в Тарском уезде.

Коми-зыряне, переселенцы, Тарский уезд.

На территории Тарского района Омской области среди этнических групп менее изученными в историческом и этнографическом отношении являются коми (зыряне). Цель данной статьи — рассмотреть историю формирования группы коми в конце XIX в. в Тарском уезде, установить их исходную территорию, выявить фамильный состав и определить некоторые этнодемографические показатели. Источниковую базу составили материалы учетной документации, ранее не вводившиеся в научный оборот: переписные листы первой Всероссийской переписи населения 1897 г. [ГБУТО ГАТ, ф. 417, оп. 2], метрические книги Николаевской церкви с. Нагорного и Богородице-Казанской церкви с. Атирского [КУОО ИсАОО, ф. 16, оп. 6].

Первые сведения этнографического характера о зырянах Тарского округа содержатся в отчете проф. И.Н. Шухова за 1927 г. По поручению совета Государственного Западно-Сибирского музея он исследовал охотничий промысел в северной части Тарского округа и при этом почти месяц прожил среди зырян п. Имшегал. Ему удалось подробно описать многие стороны их хозяйственной деятельности [Шухов, 1928, с. 99–120]. В 1896 г. исследователями ИЯЛИ Коми НЦ была организована комплексная фольклорно-этнографо-лингвистическая экспедиция по изучению локальных групп коми на территории Омской области, в том числе в п. Имшегальский. Участники экспедиции выявили, что процесс воспроизводства группы существенно нарушен, а начавшиеся ассимиляционные процессы привели к смене этнического самосознания и растворению коми в среде окружающего русского населения [Бараксанов и др., 1987, с. 19]. В 2005 г. среди коми Омской области, в том числе Тарского района, проводила исследования к.и.н., научный сотрудник ИАЭТ СО РАН О.В. Голубкова, ее целью было выявить сохранившиеся компоненты традиционного мировоззрения и современные мифотворческие процессы у славян и финно-угров Урало-Сибирского региона [Голубкова, 2009]. В 2012 г. этнографической экспедицией ИПОС СО РАН изучались процессы адаптации и этнокультурные связи переселенческих групп в таежной зоне Среднего Прииртышья²; полевые материалы и последующее дополнение их архивными данными позволили осветить некоторые подробности формирования коми населения в Тарском Прииртышье.

Коми переселенцы на севере Тарского округа появились в последней трети XIX в. По материалам Н.Д. Конакова, первое коми селение — д. Ивановская (ранее деревню называли «Зыряны», «Зырянская») [Юрьев, 2002] была основана в Седельниковской волости в 1879 г. В 1880 г. туда подселилось еще несколько вновь прибывших коми семей, а в 1885 г. пришла большая группа из Ялutorовского района [Конаков, Котов, 1991, с. 90]. Вначале поселились в землянках, из сельскохозяйственного инвентаря в первый год было лишь две сохи. Деревня состояла из двух параллельных улиц. Землей пользовались без ограничений, т.е. каждое хозяйство имело столько земли, сколько могло обработать [Очерки по истории..., 2007, с. 239]. На 1893 г. в д. Ивановской было уже 50 дворов и 283 коми жителя, а всего в Седельниковской волости насчитывалось 362 коми жителя, 63 двора [Там же].

Согласно официальным данным Всероссийской переписи населения 1897 г., численность зырянского населения в Тарском округе составила 321 чел. Основная часть проживала в Се-

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Семейные обычаи и обряды в культуре коми юга Западной Сибири» по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

² Полевые исследования проводились этнографическим отрядом ИПОС СО РАН под руководством В.Н. Адаева при финансовой поддержке полевого гранта Президиума СО РАН.

А.Х. Машарипова

дельниковской волости в д. Ивановской при р. Черной — 289 чел. (138 муж. и 151 жен.), несколько семей в Бутаковской волости — 22 чел. (14 муж. и 8 жен.) и 10 чел. в Аевской волости (4 муж. и 6 жен.) [Патканов, 1911, с. 66]. Таким образом, с 1893 по 1897 г. численность коми д. Ивановской практически не изменилась, а по волости — даже сократилась.

Обращение к первичным материалам, переписным листам Всероссийской переписи населения 1897 г., позволило выявить небольшое несоответствие с данными, обобщенными в работе С.К. Патканова. По нашим подсчетам, численность только жителей д. Ивановской Седельниковской волости на момент переписи составила 77 хозяйств, в которых насчитывалось 433 чел. Из них: зырянских — 52 хозяйства, в которых проживало 297 чел (в т. ч. 144 муж. и 153 жен.); русских — 25 хозяйств с населением в 136 чел. (73 муж. и 63 жен.) [ГБУТО ГАТ, ф. 417, оп. 2, д. 2380]. Помимо д. Ивановской семья коми Шеберова Иоана Максимовича и Анны Михеевны из 7 чел. проживала в соседнем с. Нагорном [Там же, л. 175]. Две коми семьи, проживающие в Бутаковской волости, были выявлены в с. Атирском. Это семья Уляшева Федора Михайловича и Матрены Ефимовны, прибывших из Вологодской губернии Усть-Сысольского уезда. Некоторое время они проживали в д. Ивановской Седельниковской волости, а на момент переписи в составе 10 чел. числились в с. Атирском [Там же, д. 2044]. В этом же селе проживала семья Филиппова Егора Яковлевича и Екатерины Григорьевны из 5 чел., указавших в качестве родного языка зырянский. Филипповы прибыли из д. Ухтинской Мезенского уезда Архангельской губернии. Ранее эта семья была отмечена в метрической книге за 1887 г. с. Бердюгинского Ялуторовского уезда [Там же, ф. 255, оп. 3, д. 451].

Переселялись коми-зыряне прежде всего из Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. Анализ метрических книг Николаевской церкви с. Нагорного позволил установить, что среди коми переселенцев основную массу составляли выходцы из деревень Помоздинской волости: Вильгортской (Кармановы, Пашнины, Поповы), Скородумской (Ефремовы), Бадъельской, Кузьмильской, Чулкидинской (Уляшевы), а также из д. Ручевской Деревянской волости (Ульнеровы, Чувьюровы, Юдины) [КУОО ИсаОО, ф. 16, оп. 6, д. 429, 584, 630, 761, 824, 1487; оп. 13, д. 64, 68, 72]. Были также выявлены семьи, прибывшие в 1880-е гг. в Седельниковскую волость из Ивановской волости Ялуторовского уезда Тобольской губернии. Это две семьи из с. Ивановского (Ворсины и Поповы) и три семьи из д. Александровки (Шомесовы и две семьи Уляшевых) [Там же, ф. 16, оп. 13, д. 64, 68, 72].

Другое зырянское поселение возникает в 1897 г. на севере Тарского округа — п. Имшагальский (с 1903 г. по административному делению входит в состав Атирской волости; в настоящее время село называется Имшегал). На 1897 г. численность населения составляла 134 чел. В 1899 г. ими было образовано сельское общество [ГБУТО ГАТ, ф. 49, оп. 1, д. 1573, л. 58 об.]. В п. Имшагальский поселились как семьи зырян из д. Ивановской Седельниковской волости Тарского уезда, так и вновь прибывшие переселенцы из Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии и зыряне из Ялуторовского уезда Тобольской губернии. Коми, переехавшие в Тарский округ, сохраняли связи с ялуторовскими родственниками и еще в 1920–1930-х гг. ездили к ним в гости и на заработки [Повод, 2008, с. 147].

Переселенцы, водворившиеся в урманных пространствах в Тарском округе, помимо государственной помощи в виде ссуды пользовались льготами: «...на десять лет со времени причисления по месту водворения освобождались от всякого рода казенных оброков и от земских и мирских (волостных) повинностей. Все члены семей, достигшие призывного возраста в течение первых четырех лет по водворению призываются к исполнению воинской повинности только через четыре года со дня заявки о водворении. В течение трех лет со времени заявления могли переходить в не таежные местности для водворения» [Там же, ф. 335, оп. 1, д. 16, л. 2, 59].

Насколько трудно было обустроиваться переселенцам на новом месте, можно увидеть из докладной записки Тобольского губернатора, сообщавшего министру внутренних дел в 1901 г.: «...первоначально урманные участки открывались под заселение при полном отсутствии дорог. Первые партии переселенцев шли туда с семьями пешком, прорубая дорогу и устраивая временные переходы через препятствия... Достойны удивления выносливость поселившихся в этой местности и их энергия. Дороги в поселке почти непроезжие, узкие тропы между огромными пнями, выбоины, наполненные водой, при встрече невозможно разъехаться. При перевозке зерна на мельницу, отстоящую в некоторых случаях в 50 верстах от поселка, возможно вести на небольшой плетенке не более двух мешков. Мне рассказывали поселяне, что попасть на отведенные участки иногда представляет большие затруднения: так прибывшие четыре года

Коми переселенцы в Тарском уезде Тобольской губернии в конце XIX — начале XX в.

назад в поселок Имшагальский пробирались на свой участок, находящийся в 12 верстах от дороги, 12 дней, прорубая в урмане просеку; получившие ссуду на продовольствие и семена — муку и зерно, должны были продавать их, хотя и «плакали», за невозможностью перевезти их в поселок...» (цит. по: [Вибе, 1994, с. 110]).

Несмотря на сложности в обустройстве, коми переселенцев привлекали нетронутые территории Тарского Прииртышья, близкие по природным условиям к Коми краю [Конаков, Котов, 1991, с. 90]. «В момент переселения зырян на Имшагальский переселенческий участок естественно-исторические условия района были таковы, что в отношении охотничьего промысла нельзя ничего было желать лучшего. Громадные кедровники, изобиловавшие соболем и другим зверем, давали хорошую добычу промышленнику, в отношении же сельскохозяйственных угодий требовалось немало усилий и труда для расчистки лесных площадей под сенокосные участки и пашни, так что первые пришельцы предпочитали заниматься охотничьим промыслом и второе место уделяли сельскому хозяйству» [Шухов, 1928, с. 104]. В статье М.Л. Бережновой, исследовавшей этнографию белорусов, в том числе в Тарском Прииртышье, упоминается способ расчистки леса у коми старожилов п. Имшагал: «... они “чертили лес”. Этот способ состоит в том, что в июне, когда береза в соку, ее кругом затесывали до древесины, перерубая кору и заболонь. Счерченный лес уже на следующее лето превращался в мертвые столбы, свободно пропускал лучи солнца и “осветлял” почву. В этом мертвом лесу уже можно было косить сено. Счерченный березовый лес на корню гнил 5 лет. Счерченная осина стояла 7 лет. Один рабочий мог в день счертить четверть десятины в густом березовом лесу, где на десятине более тысячи крупных деревьев. Одну десятину счерченного леса два человека могли расчистить от леса и от пней в 30 дней. Но этот способ требует длительного ожидания: от пяти до семи лет» [Бережнова, 2009, с. 35].

Предания жителей д. Имшегал хранят воспоминания о жизни первых переселенцев: «...В эти края сначала приехал родственник, увидев, что земли много и можно жить без притеснений, он написал. И наши предки из деревень Бадьельской, Помоздино, Руча поехали сюда с семьями. Ехали пять лет. По реке плыли, через Урал переходили. До Ялуторовска доехали. Потом жили в д. Ивановка, рядом с селом Нагорное. То тут поживут, то там, денег подкопят и дальше едут» [Уляшева А.С.]; «Здесь был дремучий лес. Плыли сюда на лодках, где пешком шли, потом до Иртыша на теплоходе. Было много братьев и сестер Уляшевых. С Коми родственники в гости приезжали и говорили, что у них там все еще по-старинному. Сюда ехали из-за земли» [Игнатова Н.Г.]; «Деды по отцу с Белоруссии с Витебской губернии, а мать с Коми. Сначала попали в Тюменскую область, в Ялуторовск, потом в с. Нагорно-Ивановское, затем в п. Имшагал, но здесь уже жили. А деревню основали два брата и сестра Уляшевы. Сначала дома поставили внизу, но стало топить, и они перекатали дома выше. Вокруг тайга была, охотились, ходили за болото, даже доходили до Томской области. Поля корчевали, выжигали, у каждого свой участок был, на чужой нельзя было ходить. Первые жители жили в землянках, кругом кедрач был. Прямо здесь и рубили. Еще долго по деревне пни стояли, была только одна улица и заимка. Жили единолично» [Прошкевич Н.Н.].

Первопоселенцами п. Имшагал считаются дети крестьянина Исаака Семеновича Уляшева: Афанасий, Иван и Степан (рис. 1), прибывшие из Помоздинской волости д. Бадьельск (сейчас Усть-Куломский район) [КУОО ИсАОО, ф. 16, оп. 13, д. 72]. Из анализа метрических книг Богородице-Казанской церкви с. Атирского следует, что в 1899 г. из д. Ивановской Седельниковской волости в п. Имшагальский переехало 15 семей: Ворсины, Есевы, Жангуровы, Поповы, Пыстины, Сенькины, Шаховы, Уляшевы. Две коми семьи, Сенькины и Уляшевы, на 1900 г. проживали в п. Князевском. С 1905 г. среди жителей этого поселка упоминаются семьи Мартюшевых и Юдиных [Там же, оп. 6, д. 584].

Семьи, прибывшие из Ивановской волости Ялуторовского уезда, проживали там достаточно долгое время. Так, согласно материалам переписи населения 1897 г., Ворсин Иоан Прокопьев, 41 года, родился в с. Ивановском Ялуторовского уезда 3 февраля 1884 г., в возрасте 29 лет он вступил в брак с девицей 19 лет из д. Большое Тихвино Фаветой Иоановной Шаховой [ГБУ ГАТО, ф. 255, оп. 3, д. 449]. В браке у них родились дети: Мария (1886 г.), Мария (1887 г.), Анастасия (1889 г.), Иоан (1890 г.), Марфа (1893 г.), Василий (1896 г.) [Там же, д. 450, 451, 453, 454, 457, 459]. На момент переписи в живых у них было отмечено только трое детей: Иван (6 лет), Марфа (3,5 года) и Василий (1 год) [ГБУТО ГАТ, ф. 417, оп. 2, д. 3738]. С 1898 г. семья Ворсиных, согласно метрической книге Николаевской церкви с. Нагорного, проживала в д. Ивановской

А.Х. Машарипова

Тарского уезда, где у них родился сын Андрей [КУОО ИсаОО, ф. 16, оп. 13, д. 68], а в 1902 г. в п. Имшагал у них родился сын Яков [Там же, оп. 6, д. 584], 24 июля 1903 г. Фавета Иоановна умерла при родах в возрасте 40 лет, а через месяц умерла их дочь Анна в возрасте 1 месяц от кори [Там же]. В 1905 г. Иоан Прокопьев женился во второй раз, на вдове Игнатовой Павле Андреевне (27 лет) из д. Ивановской Седельниковской волости [Там же, д. 443].

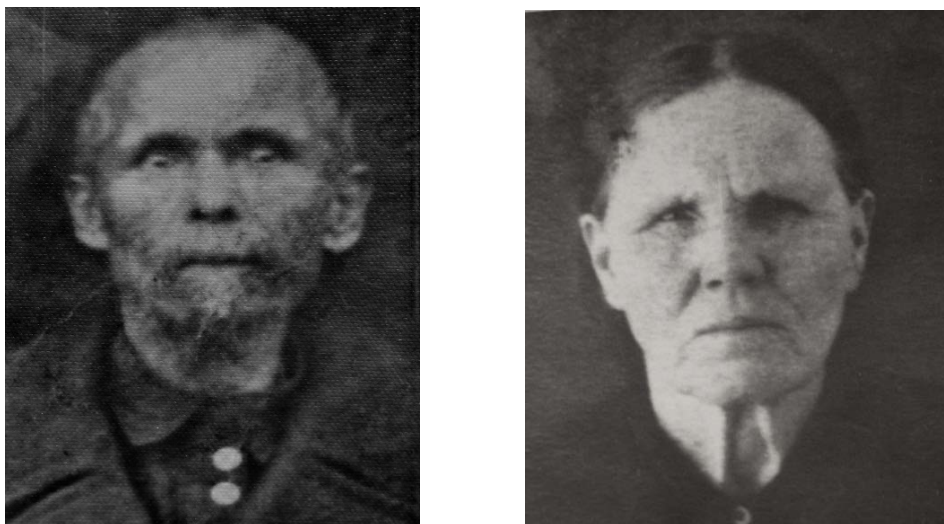

Рис. 1. Одни из первых жителей п. Имшагал: Уляшевы Иван Исаакович и Марфа Митрофановна. Фото из семейного архива Прошкевича Н.Н., жителя с. Имшегал Омской области

В переписных листах 1897 г. в д. Ивановской встречается 20 коми фамилий: Вакмин (или Ваксин), Габовы, Есевы, Жангуровы, Игнатовы, Кармановы, Коктомовы, Курочкины, Мартюшевы, Пашнины, Пешковы, Поповы, Пыстины, Сенкины, Уляшевы, Урдовы, Чисталевы, Шаховы, Шеберовы, Шомесовы. Из перечисленных фамилий самая распространенная — Уляшевы (93 чел., 18 семей) (табл. 1).

Таблица 1

**Список семей д. Ивановской Седельниковской волости Тарского уезда
Тобольской губернии на 1897 г.***

Коми фамилии	Кол-во семей	Кол-во членов семей	Русские фамилии	Кол-во семей	Кол-во членов семей
Вакмин (Ваксин)	1	4	Баканин	1	2
Габов	1	12	Бушмаков	1	14
Есев	1	5	Гарушин	1	4
Жангуров	1	6	Кислицин	1	5
Игнатов	4	35	Козлов	1	1
Карманов	1	9	Кокорин	1	5
Коктомов	1	7	Кропотов	1	3
Курочкин	2	10	Куликов	3	14
Мартюшев	2	10	Новиков	1	4
Пашнин	1	7	Пестов	2	8
Пешков	2	2	Попов	2	2
Попов	2	11	Русаков	2	6
Пыстин	1	5	Рылов	1	8
Сенкин	4	12	Сласников	1	9
Уляшев	18	93	Смертин	4	16
Урдов	1	4	Сысолятин	2	7
Чисталев	3	15	Тимкин	1	2
Шахов	5	28	Чашунин	1	5
Шеберов	3	17	Челланов	1	4
Шомесов	1	6	Чистоусов	1	7
			Чикешев	1	7

*Табл. составлена по: ГБУТО ГАТ, ф. 417, оп. 2, д. 2380.

Коми переселенцы в Тарском уезде Тобольской губернии в конце XIX — начале XX в.

В 1899 г. к ним присоединилось шесть семей, среди которых упоминаются Юдины и Чувьюровы, две семьи прибыли в 1901 г. (Пашнины, Уляшевы) и пять семей — в 1902 г., среди них появляются Ефремовы [КУОО ИсАОО, ф. 16, оп. 6, д. 362, 380, 400; оп. 13, д. 72]. После 1902 г. в метрических книгах фигурирует тот же фамильный состав семей, новых переселенцев уже не было.

Из анализа выборки супружеских пар среди коми следует, что в 1897 г. в д. Ивановской проживала 61 семейная пара. В официальном браке состояли 59 семейных пар, 2 семейные пары — «сожительствовавшие», т.е. не оформившие официально брак. Отличительная особенность «сожительствовавших» семей — то, что они были этнически смешанными. К примеру, в семье Сысолятина Харлама Афанасьевича, 29 лет, из Вологодской губернии Усть-Сысольского уезда, назвавшего в качестве родного языка русский, указана сожительница зырянка Игнатова Анна Иоановна, 28 лет, с тремя детьми: законная дочь Анна 10 лет и двое незаконнорожденных сыновей, Иван 6 лет и Петр 4 лет [ГБУТО ГАТ, ф. 417, оп. 2, д. 2380].

По материалам метрических книг было подсчитано количество однонациональных и смешанных браков. Так, в Николаевской церкви с. Нагорного с 1897 по 1902 г. коми-зыряне из д. Ивановской заключили 22 брака. Из них только три брака были смешанные (коми-русские). Один такой брак (коми-русский) зарегистрировали в 1898 г., два брака (русско-коми) — в 1902 г. В д. Ивановской средний брачный возраст у мужчин составил 22,5 года, у женщин — 17,9 года. В 1916–1920 гг. коми-зыряне этой деревни заключили 17 браков, из которых 7 смешанные. По одному смешанному браку, где муж коми, а жена русская, было заключено с 1917 по 1919 г. Браки, в которых муж русский, а жена коми, отмечены в 1917 (1 брак), 1918 (1 брак) и 1919 г. (2 брака). Средний брачный возраст повысился у мужчин до 24,9 года, у женщин — до 21 года. В п. Имшагал также иногда практиковались смешанные браки. Два брака было заключено в 1905 г. (русско-коми), один — в 1915 г. (русско-коми) и один — в 1916 г. (белорусско-коми). Большая часть браков заключены в зимнее время (75 %), а также летом — в июне и июле (23 %), весной — в апреле и мае (2 %). Осенью не зарегистрировано ни одного брака [КУОО ИсАОО, ф. 16, оп. 6, д. 60, 64, 68, 72, 443, 584, 630, 761, 824, 1251, 1260, 1317, 1487, 1489].

В целом для коми были характерны однонациональные браки. Еще Шухов заметил, что все зыряне, населяющие п. Имшагал, являются друг другу родственниками, так как браки совершаются в пределах поселка [2002, с. 104–105]. Эти сведения подтверждаются и полевыми материалами. «У бабушки братья, второе поколение, женились на троюродных сестрах» [Прошкевич Л.Н.].

Половозрастной состав характеризует незначительное преобладание женского населения над мужским (2 %) и выглядит следующим образом: от 1 года до 19 лет — 53 %, от 20 до 49 лет — 37 %, от 50 и старше — 10 % (табл. 2). Самыми пожилыми коми жителями д. Ивановской были Шахов Трофим Родионович (72 года) и Коктомова Мария Федоровна (70 лет) [ГБУТО ГАТ, ф. 417, оп. 2, д. 2380].

Таблица 2

Половозрастной состав д. Ивановской Седельниковской волости Тарского уезда Тобольской губернии по данным Всероссийской переписи 1897 г., чел.*

Возраст, лет	Муж. пол	Жен. пол
1–9	35	44
10–19	36	43
20–29	27	23
30–39	11	12
40–49	17	20
50–59	9	7
60–69	7	3
70–79	2	1
<i>Итого</i>	144	153

*Табл. составлена по: ГБУТО ГАТ, ф. 417, оп. 2, д. 2380.

Материалы переписи 1897 г. свидетельствуют, что у коми преобладали браки, в которых муж старше жены. Так, из 61 брака в 19 случаях муж был старше на 4–6 лет (31 %), в 13 случаях — на 7–9 лет (21 %), в 11 случаях разница в возрасте превышала 10 лет (18 %). Меньшую долю составляли браки, в которых муж старше жены на 1–3 года (9 браков, 15 %), и между ровесниками (5 браков, 8 %). И только в 4 случаях жена была старше мужа [ГБУТО ГАТ, ф. 417, оп. 2, д. 2380].

А.Х. Машарипова

Таким образом, в результате массовых переселений коми из Вологодской губернии, начавшихся в середине XIX в., в Тобольской губернии сформировались локальные группы, в том числе на территории современного Тарского района. Коми переселенцы д. Ивановской изначально поселились совместно с русскими. О межэтнических контактах свидетельствуют смешанные браки, которые привели к быстрой ассимиляции и стиранию этнических границ. Жители д. Имшегал, оторванные от родственных групп, проживающие моноэтнично, достаточно долгое время сохраняли традиционную культуру. В настоящее время среди пожилых людей сохраняется «бытовой» зырянский язык. Но изолированное проживание и малая численность группы привели к утрате национальных черт.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

ГБУ ГАТО. Ф. И. 49. Оп. 1. Д. 1573. Книга образования переселенческих участков в Тобольской губернии с 1889–1911 гг. Ч. I. Л. 58 об.

ГБУТО ГАТ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2380, 3738. Тобольский губернский статистический комитет. Переписные листы, 1897 г.

КУОО ИсаОО. Ф. 16. Оп. 6. Д. 429, 584, 630, 761, 824, 1487; Оп. 13. Д. 64, 68, 72. Омская духовная консистория. Метрические книги.

Литература

Бараксанов Г.Г., Конаков Н.Д., Рочев Ю.Г. Омские коми. Сер. препр. «Науч. доклады». Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1987. Вып. 167. 24 с.

Бережнова М.Л. Первые шаги на новой родине: Новые модели природопользования белорусских переселенцев в урмане // Изв. АлтГУ. Сер. История. Барнаул, 2009. № 4/3 (64). С. 32–36.

Вибе П.П. Переселение крестьян европейской России в Тобольскую губернию во второй половине XIX — начале XX в. // Изв. Омск. гос. историко-краевед. музея. Омск, 1994. № 3. С. 94–114.

Голубкова О.В. Душа и природа: Этнокультурные традиции славян и финно-угров. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 304 с.

Конаков Н.Д., Котов О.В. Этноареальные группы коми: Формирование и современное этнокультурное состояние. М.: Наука, 1991. 232 с.

Очерки по истории изучения этнографии коми. Сыктывкар: Изд-во «Кола», 2007. 352 с.

Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т. 2: Тобольская, Томская и Енисейская губернии. СПб., 1911. 436 с.

Повод Н.А. Особенности освоения территории Нижнего Притобалья коми переселенцами в XIX в. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2008. № 9. С. 141–148.

Шухов И.Н. Зыряне Тарского округа и их охотничий промысел // Изв. Изд. Гос. Зап.-Сиб. музея. Омск, 1928. № 1. С. 99–120.

Юрьев А.И. «Тут местность совсем другая» // Тарское Прииртышье. 2002. № 4.

Список информантов:

Игнатова Нина Григорьевна, 1941 г.р., коми, м.р и м.ж. д. Имшегал.

Прошкевич Николай Николаевич, 1934 г.р., белорус, м.р и м.ж. д. Имшегал.

Прошкевич Любовь Николаевна, 1959 г.р., м.р и м.ж. д. Имшегал.

Уляшева Антонина Степановна, м.р и м.ж. д. Имшегал.

Шаповалова Нина Михайловна, 1941 г.р., коми, м.р. д. Имшегал и м.ж. г. Тара.

Тюмень, ИПОС СО РАН
esenewka@yandex.ru

Subject to consideration being processes of formation of Komi-Zyryan population on the territory of Tara Uyezd. Basing on analysis of archive documents, the author describes dynamics of their number, composition of family names, a territory of the migrants' previous residence, as well as formation of new Komi settlements in Tara Uyezd.

Komi-Zyryans, migrants, Tara Uyezd.

ИСЛАМСКИЕ КУЛЬТОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ АСТАНА В СИБИРИ КАК ИЕРОТОПИИ: САКРАЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ¹

А.Г. Селезнев

В статье реализуется методология изучения традиционных исламских святынь сибирских мусульман астана как иеротопий. Выявляются факторы и условия формирования сакральных пространств. На примере одного из наиболее ярких святынь сибирских мусульман — Тюрмитянской астаны анализируются такие компоненты иеротопии, как оформление сакрального пространства, сотворение локального мира, связь времен и поколений, легитимация включенности в сферу священного.

Сибирь, ислам, культовые комплексы, иеротопии, тоболо-иртышские татары.

Важнейшим компонентом религиозной исламской культуры в Сибири являются мусульманские культовые комплексы сибирских татар — астана. Эти памятники распространены в основном в южных районах Тюменской и северных районах Омской области, а именно в Тобольском, Уватском, Вагайском, Ялуторовском районах Тюменской области, Усть-Ишимском, Тевризском, Знаменском районах Омской области. Астана расположены на местах расселения тоболо-иртышской группы сибирских татар.

Внешне астана, как правило, представляет собой мавзолей в форме большого четырех-, шести- или восьмиугольного сруба в пять — девять венцов. Эти мавзолеи могут быть установлены на деревенском кладбище либо вблизи него, а могут занимать отдельное место, чаще всего на возвышенном живописном речном утесе или на необычайно красивом озере. Впрочем, многоугольный сруб — не единственный вариант внешнего оформления таких святынь. Некоторые из них могли «приурочиваться» к каким-либо выделяющимся на местности природным объектам (например, большие деревья, камни, возвышенности и т.д.) или археологическим памятникам разных эпох. Однако, какой бы ни была форма, содержание всегда одинаковое.

В сознании верующих астана — места захоронений мусульманских святых (*йахшилар, аулийалар, амбийалар и хайбиреннер*). Практически повсеместно сибирские татары сохранили легенды о древних миссионерах из Средней Азии (чаще всего Бухары), прибывших некогда в Прииртышье для распространения исламской веры. В преданиях повествуется об ожесточенной священной войне с местными язычниками, в ходе которой большая часть подвижников ислама была истреблена. Павших святых с почетом похоронили в тех местах, где они вели проповедническую деятельность. Эти захоронения и называются *астана*. Считается, что в каждом из них погребен один или несколько миссионеров.

Проведенные в последние годы углубленные полевые исследования астана, расположенных на территории расселения тоболо-иртышских татар, показали, что, по сути, это не только и даже не столько видимый, овеянный временем памятник, сколько сложный, поликомпонентный социально-религиозный институт, состоящий из ряда компонентов: мавзолея, ритуалов паломничества *тавал*, смотрителей за гробницей (*астана-караулче/карулце, астана-курайте*), рукописных памятников *сэцэра (шэджэрэ)*, содержащих более или менее полные сведения о местах захоронений и тех святых подвижниках, которые на них похоронены [Селезнев и др., 2009, с. 101–152].

На рубеже XX–XXI вв. роль института священных мест астана повышается. «Открытие» мест захоронений святых предков, возведение на этих местах деревянных мавзолеев стали важным элементом самоидентификации тоболо-иртышских татар. Расширяется практика коллективных паломничеств, молитв и жертвоприношений, связанных с астаной. Одновременно происходит возвышение статуса представителей религиозной элиты, связывающих свое проис-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Жить в эпоху перемен»: динамика идентичностей населения юга Западной Сибири (1940–2000-е годы), проект № 12-31-01043.

хождение с похороненными святыми подвижниками [Селезнев, Селезнева, 2012, с. 216–223; Seleznev, Selezneva, 2011].

Слово «астана» персидского происхождения. Родственные термины *астана*, *остон*, *астане*, довольно широко распространены в исламских общинах Казахстана, Средней Азии, Приуралья, причем везде они связаны с культом святых в исламе. Наиболее полные аналогии имеют место на Памире, среди местных исмаилитских групп, где святилища вокруг гробниц святых подвижников назывались «остон». Аналогичная терминология со схожей семантикой функционирует в ритуальной практике ряда суфийских орденов: маулавийа, бекташийа [Селезнев, Селезнева, 2009]. Кроме примеров, приведенных в специальной статье [Там же, с. 353–354], в этом последнем значении данный термин получил распространение как непосредственно в Стамбуле и анатолийских городах [Lifchez, 1992, p. 76; Şimşekler, 2007, p. 150–151], так и среди специфических исламских групп, например гетеродоксных мусульман (бекташи и кызылбаши/алевиты) в Болгарии [Миков, 2007, с. 39].

В то же время с точки зрения религиозной феноменологии исламские святилища тоболо-иртышских татар представляют собой сложный структурно-семантический комплекс, для анализа которого, на наш взгляд, могут быть применены методологические принципы, заложенные в относительно новом направлении антропологического и культурологического знания — иеротопии. Термин построен по принципу сочетания греческих слов «иерос» (священный) и «топос» (место, пространство, понятие). Иеротопия — это создание сакральных пространств, рассмотренное как особый вид творчества, а также как специальная область исторических исследований, в которой выявляются и анализируются конкретные примеры такого творчества. В настоящее время ведутся активные поиски по определению методик и границ исследовательского поля в рамках указанного научного подхода. По словам автора концепта российского историка культуры А. Лидова [2009, с. 12], «иеротопия как тип деятельности глубоко укоренена в природе человека, который... вначале стихийно, потом осмысленно формирует конкретную среду своего общения с высшим миром». Для определения понятия «сакрального пространства» чаще всего обращаются к наследию выдающегося антрополога и культуролога Мирча Элиаде [1999, с. 337], широко использовавшего понятие «иерофании». «Любая... иерофания преобразует место... и оно, до того простое, пустое, ничего не значившее — профанное, становится священным». Надо полагать, что именно творческий процесс превращения профанного, мирского в сакральное, в иерофанию, и есть предмет иеротопии. Данный подход открывает новые грани астана как модуса национально-религиозной идентичности, а также как важнейшего компонента мусульманской сакральной топографии [Трепавлов, 2011, с. 111–113]².

Приведем для примера историко-культурные данные по одному из важнейших исламских памятников в Омской области — Тюрмитякской астане. Полевые материалы по данному комплексу собирались в деревнях Ашеваны и Тюрмитяки Усть-Ишимского района Омской области Среднеиртышской этнографической экспедицией Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН и Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского в течение нескольких полевых сезонов начиная с 2004 г. Разумеется, эти работы

² Здесь уместно остановиться на критических замечаниях в наш адрес, прозвучавших со стороны А.К. Бустанова. Он обвиняет нас в приверженности советской традиции разделять «народную» и «литературную» форму ислама. При этом автор отмечает, что ислам представляет собой гибкую систему, целостный феномен, к которому не применимо разделение на «ежедневный» и «официальный», а также выделение «доисламских элементов» [Bustanov, 2011, p. 71–72]. С этими положениями трудно спорить, удивление вызывает лишь адресат критики. Странно, что оппонент не заметил четкое и недвусмысленное определение нашего подхода к данной проблеме: «Методологически чрезвычайно важно, что религиозное сознание всегда должно рассматриваться как цельное, нерасчлененное мировоззрение, как единая и, в своем роде, стройная система взглядов и верований. В этой связи следует исключить всякую возможность ретроспекции сугубо исследовательской процедуры выделения “доисламских”, “дохристианских” и прочих подобных элементов традиционного мировоззрения на реальную практику духовной жизни конкретных носителей этого мировоззрения» [Селезнев и др., 2009, с. 7–8]. Опираясь на этот базовый принцип изучения религиозной идентичности, мы и подходим к анализу конкретного материала. В то же время следует учитывать, что принцип целостности и единства ислама не есть абсолюте. Реализация этого принципа не исключает, а как раз предполагает наличие региональных, в определенной мере синкретических форм, тесно связанных с местной традицией. Игнорирование этих особенностей неизбежно влечет искажение сложной и многоцветной картины народного мировоззрения. Считаем также важным этическим долгом подчеркнуть, что ставшая в последнее время модной критика советского востоковедения (см., напр., [Коренько, 2000, с. 48]) ни в коей мере не должна заслонять его выдающихся научных достижений.

Исламские культовые комплексы астана в Сибири как иеротопии: сакральные пространства...

включали в себя посещение и натурное обследование как самого памятника, так и сформированного им сакрального пространства [Селезнев, Селезнева, 2008]³.

Анализируя полученный материал, мы пришли к выводу, что тюрмитякский культовый комплекс удивительно насыщен явлениями и свойствами, иллюстрирующими феномен иеротопии. Наиболее рельефно в данном случае проявляются такие элементы, как *оформление сакрального пространства, сотворение локального мира, связь времен и поколений, легитимация включенности в сферу священного*. Рассмотрим каждый из этих элементов отдельно.

Оформление сакрального пространства. Начать следует с феномена сакрализации места, включения объекта в освященный пространственный контекст. Памятник расположен в 1,7 км к северу от д. *Тюрмитяки (Оллы-бурень) Усть-Ишимского района Омской области* на берегу живописного озера с примечательным именем *Астана-бурень*. Это озеро известно также как Оллы-бурень, отсюда происходит неофициальное наименование деревни. Озеро является старицей Ишима, в центре его находится округлый полуостров (в половодье превращающийся в остров), называемый местными жителями *Астана-утрау* (рис. 1). На полуостров в начале 2000-х гг. совершались коллективные паломничества, сопровождавшиеся молениями и общими трапезами. Озеро свято, по некоторым данным, в нем запрещено брать воду и рыбачить. Жители окрестных русских деревень также называют озеро *Святым*. Информаторы сообщают, что на берегу озера лежал большой камень, который был способен сам перемещаться с места на место. Говорят, что в 1960–1970-е гг. властями было решено камень, как объект религиозного поклонения, вывезти, однако накануне он таинственным образом исчез.

Рис. 1. Озеро Астана-бурень рядом с исламским культовым комплексом астана у д. Тюрмитяки Усть-Ишимского района Омской области

Из деревни и со стороны дороги к астане ведет тропа, пролегающая через густой хвойный лес, вдоль всхолмлений, представляющих собой старые могилы или какие-то иные археологические объекты (рис. 2). Часть пути к святилищу проходит по кладбищу. Мы специально обращаем внимание на психолого-эстетический аспект: круглая чаша озера, округлые очертания полуострова в центре, густой сосновый бор, едва пропускающий солнечный лучи по берегам,— все это невольно создает у паломника особый эмоционально насыщенный настрой.

В настоящее время сооружение представляет собой четырехугольную ограду из штакетника. Астана располагается в пределах одного из двух деревенских кладбищ, протянувшегося вдоль берега озера. Второе кладбище деревни находится вдали от этих мест за дорогой. Интересно, что оба кладбища д. Тюрмитяки четко различаются по *тугумам* — родственным группам. Умерших из тугума с характерными названиями *йахшилар* или *астаналар* (т.е. имеющие отношение к святому месту, астане) хоронят на кладбище, рядом с которым находится астана.

³ Пользуясь случаем, выражаем искреннюю благодарность членам экспедиции, принимавшим участие в исследовании: И.В. Беличу, И.А. Селезневой, М.М. Воеводину.

Сотворение локального мира. Места вокруг астаны овеяны архаичными преданиями, объясняющими происхождение окружающих ландшафтных объектов: озер Астана-бурень и Уват, р. Вертенис, выделяющегося на местности трапециевидного останца первой надпойменной террасы левого берега Ишима, примыкающего к священному озеру. Согласно одной из легенд, некогда жила огромная диковинная птица, громко хлопавшая крыльями, распугивавшая зверей и причинявшая немало зла людям. Молодой охотник поразил ее копьем. Смертельно раненное чудище, из тела которого текла кровь и вываливались внутренности, пыталось улететь, но рухнуло наземь, что привело к образованию озера Уват, а выпавшая при этом кишка превратилась в извилистую речку Вертенис — левый приток Ишима. По другому варианту, отважный богатырь выстрелом из лука поразил летящую при помощи волшебных лыж колдунью, местом захоронения которой стал «курган» — упомянутый выше останец. Согласно еще одной версии, волшебные лыжи принадлежали богатырю, павшему в единоборстве с соперником и захороненному в «кургане».

Рис. 2. Путь к культовому комплексу астана у д. Тюрмитяки Усть-Ишимского района Омской области

Еще одна легенда гласит, что озеро Уват, речка Вертенис и холм вблизи его устья сходным образом возникают после того, как богатырь Ир в схватке поверг могущественного Хозяина Округи, имя которого ассоциировалось с ветром из-за сверхъестественной способности гнуть и ломать деревья [Данченко, 2010, с. 47–48]. В другом варианте:

«Жил когда-то здесь хозяин всех рек и ветров. Он всем повелевал. Когда он был зол, реки выходили из берегов, деревья к земле пригибались. Он жил и властвовал в этой местности. Но пришел храбрый Ир. И в сражении победил хозяина ветров. Куда отлетела его голова — образовалось озеро («Святое озеро» (= Астана-бурень. — А. С.)), куда упала изогнутая рука — там земля прогнулась и образовалась река (р. Вертенис). А из самого тела — холм... (останец. — А. С.). Потому и местность здесь такая необычная» [Козлова, 2006, с. 130].

Приведенный легендарный цикл относится к наиболее архаичным, архетипически восходящим к мифам о первотворении [Там же, с. 131]. Видимо, к этому же циклу надо отнести и мифологические рассказы о передвигающемся, бродячем камне. Укажем для сравнения хотя бы на знаменитый Синь-камень Плещеева озера, согласно преданиям имевший обыкновение расти и самостоятельно передвигаться по земле и по дну озера. Такие камни зачастую мыслятся в центре сакрализованного пространства, связаны с культом мертвых [Виноградов, Громов, 2006, с. 127–129; Дубов, 1990, с. 101–103]. Камни как объект ритуальной практики сибирских

Исламские культовые комплексы астана в Сибири как иеротопии: сакральные пространства...

татар получили освещение в специальном исследовании [Ожередов, 2006, с. 226–228]. Так древнейшие мифологические мотивы органично вплелись в иеротопию мусульманского культового комплекса.

Связь времен и поколений. Элементы ландшафта способствуют и сакрализации исторического времени, олицетворенного в неразрывной связи с предшествующими поколениями людей. В таком контексте кажется не случайным, что кладбище и астана располагаются вблизи ряда археологических памятников разных эпох. Особенно заметно на фоне местного ландшафта городище Вертенис I (Тюрмитяки VII). Оно расположено в 1,8 км к северу от д. Тюрмитяки на упомянутом выше трапециевидном останце первой надпойменной террасы левого берега Ишима. Южный фас останца выходит непосредственно на оз. Астана-бурень. В 1970-е гг. на городище были произведены археологические раскопки. В юго-восточной части зафиксирована система укреплений из двух валов и рва. В состав находок из жилого помещения или мастерской входили фрагменты глиняной потчевашской посуды, куски шлака, железные ножи, бронзовые пронизки и перстень, стеклянные бусы и костяные наконечники стрел [Конилов, 2007, с. 31, 46, рис. 50, 274]. Местные жители данные памятники осмысливают в своеобразном культурно-историческом контексте: «Это могилы наших предков времен Чингис-ханова-Мамаева побоища», — заявляют они. Удивительно, но эту веру поддерживают некоторые представители науки, вполне серьезно отождествляющие никем не исследованные археологические объекты вокруг астаны с курганами первых зрителей и их потомков. Разумеется, никаких объективных подтверждений этим беспочвенным фантазиям при этом не приводится [Бустанов, 2011, с. 54].

То, что культовый комплекс был включен в реальный исторический, в том числе политико-исторический, контекст, свидетельствует еще один уникальный источник. Речь идет о знаменитом атласе, созданном в 1697–1711 гг. картографом и историком С.У. Ремезовым — *Хорографической чертежной книге*. На листе 107 атласа изображено течение р. Ишим вблизи его впадения в Иртыш. На левом берегу неподалеку от Ишимского острога показан приток — река Урманка. Рядом изображено старичное озеро Баженово, а также имеются надписи «курганы» и «кладбище Она царя». И здесь же рядом с курганами и озером видно абсолютно четко читаемое слово «астана» под условным знаком, обозначающем кладбище (рис. 3) [The Atlas..., 1958, р. 107; Хорографическая чертежная книга..., 2011, т. 1, л. 107, т. 2, с. 120].

Рис. 3. Фрагмент листа 107 *Хорографической чертежной книги* С.У. Ремезова. На изображении левого берега р. Ишим отчетливо видна надпись «астана».

Е.М. Данченко, долгое время изучающий историю и археологию Красноярского археологического комплекса (городища Кызыл-Тура), высказал предположение, что рассматриваемый участок на карте Ремезова соответствует окрестностям современных деревень Ашеваны и Тюрмитяки (Оллы-бурень) Усть-Ишимского района Омской области [2008, с. 223]. Действительно, весьма вероятно, что речке Урманке на карте Ремезова соответствует левый приток Ишима — Вертенис на современных картах. Ближе к действительности у Ремезова расположение правого притока Ишима — р. Тавы, известной на современных картах под именем Большой Тавы.

Если эти отождествления верны, то оз. Баженово на карте Ремезова, рядом с которым находились курганы и загадочное «Кладбище Она-царя» (в другом картографическом труде С.У. Ремезова — *Чертежной книге Сибири* — это место отмечено как «*курган* Она-царя» [Чертежная книга..., 1882, л. 5]), есть не что иное, как оз. Оллы-бурень (Астана-бурень, Святое), давшее местное татарское название д. Тюрмитяки. Как мы видели, Тюрмитякская астана действительно расположена на кладбище и в ее окрестностях действительно имеются археологические объекты («курганы» по терминологии Ремезова).

Таким образом, астана неожиданно оказалась включенной в контекст политической истории сибирских ханств. В сибирских летописях Он-царь (хан Онсом) описывается как один из правителей ишимского ханства. Так, в *Истории Сибирской* С.У. Ремезова перечислены «имена самых первых верховных правителей басурманских: хан Онсом, кочуя по Ишиму, жив в устье Ишима реки, город <его> на Красном Яру Кызыл-Тура с тремя рядами укреплений; после хана Онсома — царь Иртышак <...> его завоевал Чингиз, царь Тюменский; после Иртышака — царь Саргачик был вплоть до Кучума, и того Кучум взял в плен» [Ремезов, ст. 12]. Хан Ансам (Онсом летописи Ремезова), сменивший на престоле Ишим-хана, глухо упоминается в сибирско-татарском дастане *Ильдан и Гольдан* [Тычинских, 2010, с. 34–35]. Карта Ремезова не только документирует астану у д. Тюрмитяки как один из наиболее ранних из зафиксированных источниками памятников сибирских татар, но и связывает ее с перипетиями ранней загадочной политической истории Сибири [Коблова, 2009].

Мифологическая сопряженность комплексов астана с теми или иными историческими событиями или персонажами является скорее правилом, нежели исключением. Особое место в этом плане занимает столь значимая для национального самосознания сибирских татар фигура, как Ермак [Корусенко, 2011]. Предания о Ермаке входят в фольклорный комплекс, сформировавшийся вокруг важнейших религиозно-культурных памятников сибирских татар — Баишевской астаны и Ташатканского камня [Селезнев, Селезнева, 2009, с. 347; Селезнев и др., 2009, с. 76, 117–118].

Проведенные в последние годы работы тюменских ученых позволяют продолжить этот ряд. Речь идет о локализации и историко-археологическом обследовании известной перекопи, где, по данным сибирских летописей, пал атаман Ермак со своими сподвижниками. Опираясь на анализ летописей, картографического материала и натурный осмотр местности, удалось произвести локализацию указанного географического объекта на левом берегу Иртыша ниже устья р. Вагай напротив деревень Яркова, Кобякская и Байгара в Вагайском районе Тюменской области. Рядом с перекопью находился искусственный холм или бугор. Согласно татарским преданиям, зафиксированным Г.Ф. Миллером, бугор этот был насыпан девушками, которые носили сюда землю в своих подолах. Холм так и называется — Кысым-Тура, т.е. Девичий город. Этот холм представляет собой надежный ориентир в поисках Ермаковой перекопи [Матвеев, Аношко, 2012]. В данной связи весьма интересно, что, согласно нашим полевым материалам, очень похожий фольклорный мотив связан с исламским святилищем сибирских татар — астаной. Название культового комплекса — *Кызлар-Тура* (Девичий город) или *Кызлар-Яр* (Девичий Яр). Он локализуется также на левом берегу Иртыша, правда несколько выше по течению, в районе д. Елань-Яр. По преданию, здесь было место захоронения девушек — дочерей исламских миссионеров. Девушки насыпали холмы, землю приносили в подолах своих платьев. С течением времени холмы становились все выше и выше. При прохождении мимо священного места, необходимо было бросить монету и совершить молитву [Селезнев и др., 2009, с. 124]. Можно предположить, что предание, связанное с Ермаком, было перенесено на местное исламское святилище, что способствовало повышению его социального статуса и сакральной силы.

Легитимация включенности в сферу священного. Везде и всюду легитимация притязаний элиты на связь с областью сакрального осуществляется либо созданием длинных генеалогий (иногда в виде цепи духовной преемственности), восходящих к святому (перво)предку; либо апелляцией к сакральным текстам, содержащим обоснования таких притязаний. В нашем случае налицо оба варианта.

Согласно полевым материалам, на тюрмитякской астане похоронен шейх Бигач-Ата. Он прибыл в Сибирь из Средней Азии для распространения среди местных язычников ислама. Прибывшим религиозным миссионерам приписывалась культурная функция: они научили местных жителей сеять хлеб, выращивать картофель и т.д. Кроме того, до 1990-х гг. в деревне, чаще всего у муллы, хранился и передавался из поколения в поколение деревянный жезл, который называют

сэцэра (букв. «родословная», на такие жезлы действительно наматывали свитки с рукописными текстами) или *укляв* (скалка). Предмет представлял собой деревянный цилиндр с двумя ручками и был украшен орнаментом. Считалось, что жезл первоначально принадлежал Бигач-Ата и хранил на себе его дуновение. Наши информаторы вспоминали, что долгое время хранителем жезла и одновременно смотрительницей за астаной — *астана-караулце* была бабушка Айни. После ее смерти в 1964 г. жезл перешел к мулле Вагапу Назырову. Когда он умер в середине 1990-х гг., в соответствии с решением родственников жезл был положен в могилу мурлы.

Упомянувшийся информаторами свиток *сэцэра*, видимо, представлял собой рукопись, содержащую обстоятельства исламизации Сибири и списки святых мест. Такие сочинения были широко распространены в сибирско-татарской среде. В этих источниках, кроме прочего, содержатся каталоги священных могил. Во всех рукописях такого рода есть сведения о Тюрмитяжской астане. Так, согласно *Тобольской рукописи*, опубликованной в начале XX в. Н.Ф. Катановым [1904, с. 24–25], а затем прокомментированной в наше время [Бустанов, 2009, с. 214–222; 2011, с. 60–69], «в устье Ишина (Ишима. — А. С.), в ауле Уллу-Буран (Оллы-бурень. — А. С.) — астана Бигач-аты. Бигач-ата из потомства мавлави Джамии. <...> Его спутники лежат возле озера с тремя камнями». В открытой нами в ходе экспедиции 2004 г. и переведенной профессором Ф.З. Яхиным *Карагайской рукописи* содержится следующая информация: «На Устье-Ишин (Ишин-Тамак) — Бигач-Ата учитель, из потомков Мавлави Джамии, со спутниками (женами) вместе, с надголовными (надгробными) камнями, лежат на берегу озера» [Селезнев и др., 2009, с. 193–202, 205]. Зафиксированная в том же году тюменскими исследователями *Грамота хранителя Юрумской Астаны* повествует, что «в местности Приишинья (Приишимья. — А. С.) Уллу-Буран (Оллы-бурень. — А. С.) могила Бигач ата шейха газиза, он был из потомков Мавляна Джалайтдина» [Рахимов, 2006, с. 14].

Но, пожалуй, наиболее важное открытие, связанное с тюрмитяжским культовым комплексом, было сделано буквально в последние годы. Оказалось, что в самом ауле Оллы-бурень существовала собственная традиция создания сакральных текстов. Один из таких списков, по видимому вариант упомянутого нашими информаторами свитка *сэцэра*, был обнаружен в архиве Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге. Название списка — *Аш-шаджарат ал-авлия' мин билад Мавара'аннахр — Родословная святых из страны Мавара'аннахр*. Переписчиком являлся местный мулла 'Абд ал-Гани сын Му'мина. По структуре текст похож на аналогичные документы сибирских татар. В традиционном каталоге святых могил среди прочих указан «в устье Ишима, в юрте Уллу-Бурян,— Бигач-Ата-шайх. Из потомков господина Джалайт ад-дина. В ногах <у него> лежат три камня. Один камень всегда перемещался (букв. совершал прогулки)» [Бустанов, 2009, с. 201]. Обратим внимание на практически дословное совпадение современных фольклорно-этнографических материалов с текстом приведенного письменного источника. Особенно это касается архетипически важного мотива бродячего камня.

Тюрмитяжскому святилищу отводится особая роль в суфийской ритуальной практике. Источник излагает цепь духовной преемственности (*силсила*) «почтенного» Бигач-Ата, приуроченную именно к «юрту Турмадак»: «Еще в юрте Турмадак хазрату Бигач-Ата лучинку (*чирог*) зажгли мы, жалкий бедняк из Туркестанской земли (*вилайт*), Афтал-шайх. По священному разрешению (*рохсат*) моего брата мурлы Джалайт ад-дин-шайха из Досточтимой Бухары я пришел в Сибирскую землю (*вилайт*), пройдя много стоянок (*мэра-хэллер тай килиб*). В упомянутом юрте Турматак впервые лучинку (*чирог*) зажег покоящемуся хазрату Бигач-Ата я, Афтал-шайх. Еще сын Афтал-шайха — Муса-шайх лучинку (*чирог*) зажег. Его сын Булуб-Берди-шайх. Его сын Алуркуш-шайх. Его сын — Бари-Мухаммад-шайх <...>» и т.д. [Бустанов, 2009, с. 202].

В этом же источнике помещена подробная генеалогия, насчитывающая 17 поколений и недвусмысленно заявляющая свои права на «героическое» прошлое: «...в этих аулах Турматак и Таутамак были со времен царя Кучума наши предки...». Разумеется, такие декларации нельзя воспринимать буквально и искусственно удревянять аж до XVI в. время составления текста, как это делает А.К. Бустанов [Там же, с. 207, 212], принимающий на веру подлинность легендарной по своему характеру генеалогии. Исходя из очень высокой степени близости фиксируемых в наше время фольклорных мотивов, с одной стороны, и содержания письменного источника (например, об уже упомянутом сюжете «бродячего камня») — с другой, можно сделать вывод о том, что текст составлен относительно недавно, возможно двумя-тремя поколениями ранее даты рождения самых пожилых наших информаторов. Текст, видимо, создавался в ту пору, когда границы сакрального пространства в представлении автора уже в значительной мере сузи-

лись. Так, ему не было известно о распространении священных захоронений по Иртышу выше Усть-Ишима («...от устья Ишима до верховий Иртыша <могил> святых нет...» [Бустанов, 2009, с. 200, 204–205; 2011, с. 41]), хотя в реальности такие памятники существовали и продолжают почитаться доныне [Селезнев, 2012].

В этой ситуации нарочито «длинная» родословная была призвана упрочить притязания формирующейся религиозной элиты на духовное наследие в рамках конкретного локального сакрального пространства. Той же цели служат упомянутые в качестве духовных учителей крупнейшие религиозные авторитеты: основатель ордена Маулавийа Джалал ад-дин Руми (1207–1273) и великий персидский поэт и философ-мистик Нур-эд-дин 'Абд-р-Рахман Джами (1414–1492) (о них см. подробно [Кныш, 2004, с. 178–187]). Через приобщение к сфере сакрального происходило формирование новой духовной элиты и новых культурно-религиозных идентичностей.

В целом, оценивая методологическую значимость рассмотрения исламских святынь тоболо-иртышских татар как иеротопий, следует констатировать перспективность принятого подхода. Во-первых, он открывает возможности широкого источниковедческого и дисциплинарного синтеза, комплексного использования разнообразных данных в рамках единой проблемы изучения сакрального пространства. Во-вторых, он позволяет ставить вопрос о типологическом соответствии иеротопий, характерных для традиционного и современного общества. Парадоксально, но чрезвычайно архаичные мифологические мотивы эсхатологии, катастрофизма, превращения Хаоса в Космос ревитализируются в настоящую эпоху кризиса традиционных духовных ценностей, бурного всплеска иррациональных и мистических настроений. Эти мотивы без труда обнаруживаются в мифологии новых российских иеротопий: Аркаима, скифских памятников Укока, деревни Окунево Муромцевского района Омской области, Города Солнца в красноярской тайге и т.п. (подробнее см.: [Селезнев, 2011, с. 128–135]). В-третьих, данный подход открывает дополнительные перспективы рассмотрения сакрального пространства в качестве важного фактора формирования национальной и культурной идентичности, реализующейся в данном случае в усилении влияния как самих исламских святынь, так и представителей религиозной элиты с ними связанных.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бустанов А.К. Манускрипты суфийских шайхов: Туркестанская традиция на берегах Иртыша // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Омск: Издат. дом «Наука», 2009. С. 195–230.
- Бустанов А.К. Суфийские легенды об исламизации Сибири // Тюркологический сб., 2009–2010. М.: Вост. лит, 2011. С. 33–78.
- Виноградов В.В., Громов Д.В. Представления о камнях-валунах в традиционной русской культуре // ЭО. 2006. № 6. С. 125–143.
- Данченко Е.М. К изучению Кызыл-Туры // Интеграция археологических и этнографических исследований. Новосибирск; Омск: Издат. дом «Наука», 2008. С. 221–223.
- Данченко Е.М. Карты Ремезова и фольклор // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Издат. дом «Наука», 2010. С. 45–49.
- Дубов И.В. Новые источники по истории Древней Руси: Учеб. пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 176 с.
- Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского губернского музея). Казань: Типо-литография Имп. ун-та, 1904. 28 с.
- Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм: краткая история. М.; СПб: Дилля, 2004. 464 с.
- Коблова Е.Ю. У истоков становления дорусской государственности в западносибирском регионе: Отечественные исследователи о «царстве» на р. Ишим и его правителях // Тюменский исторический сб. Тюмень: ТюмГУ, 2009. Вып. 12. С. 18–24.
- Козлова Н.К. Восточнославянские мифологические рассказы о змеях: Систематика. Исследование. Тексты. Омск: Издат. дом «Наука», 2006. 460 с.
- Конигов Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом Средневековье. Омск: ИД «Наука», 2007. 466 с.
- Кореньяко В. Этнонационализм, квазиисториография и академическая наука // Реальность этнических мифов. М.: Гендальф, 2000. С. 34–52.
- Корусенко С.Н. Кучум и Ермак в устной истории татар Западной Сибири // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: АлтГПА, 2011. Вып. 8. С. 228–234.
- Лидов А. Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М.: Феория, 2009. 352 с.

Исламские культовые комплексы астана в Сибири как иеротопии: сакральные пространства...

Матвеев А.В., Аношко О.М. Ермакова перекоп на старинных картах и в материалах полевого историко-археологического обследования // Вестн. Омск. ун-та. 2012. № 2. С. 275–281.

Миков Л. Култова архитектура и изкуство на хетеродоксните мюсюлмани в България (XVI–XX век). София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2007. 579 с.

Ожередов Ю.И. К семантике камня в ритуальной практике сибирских татар: (К постановке проблемы) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Красноярск; Омск: Издат. дом «Наука», 2006. С. 226–228.

Рахимов Р.Х. Астана в истории сибирских татар: Мавзолеи первых исламских миссионеров как памятники историко-культурного наследия. Тюмень: Печатник, 2006. 76 с.

Ремезов С.У. История Сибирская [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.remezovi.ru/biblio/history/history_remezov_nov.htm.

Селезнев А.Г. Старые и новые иеротопии Сибири: Технология конструирования религиозной идентичности // Население Сибири: Межнациональные отношения, образование и культурная идентичность. Омск: Полигр. центр КАН, 2011. С. 123–136.

Селезнев А.Г. К распространению исламских сакральных комплексов Сибири: Астана деревни Лугово-Аевск Тевризского района Омской области // Сибирская деревня: История, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2012. Ч. II. С. 58–61.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Тюрмитякская астана: (К изучению культа святых в сибирском исламе) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2008 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. Т. 14. С. 367–370.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Концепт астана и культ святых в исламе // Тюркологический сб., 2007–2008. М.: Вост. лит., 2009. С. 338–359.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Исламские сакральные комплексы астана в Сибири: Социальные и символические функции // Религиозная жизнь народов Центральной Евразии. М.: ИЭА РАН, 2012. С. 216–229.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: Специфика универсального. М.: Издат. дом «Марджани», 2009. 216 с.

Трепавлов В.В. Сакральная топография Улуса Джучи // ЭО. 2011. № 2. С. 107–115.

Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань: Фэн, 2010. 288 с.

Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. Т. 1: Факсимиле. Т. 2: Исследования, текст, научно-справочный аппарат факсимильного издания рукописи. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2011. 692 с.

Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. СПб., 1882. 26 л.

Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999. 488 с.

Bustanov A. The Sacred Texts of Siberian Khwaja Families, The Descendants of Sayyid Ata // Journ. of Islamic Manuscripts. 2011. Vol. 2. Issue 1. P. 70–99.

Lifchez R. The Lodges of Istanbul // The Dervish lodge: architecture, art, and Sufism in Ottoman Turkey. Berkeley: Univ. of California Press, 1992. P. 73–129.

Seleznev A., Selezneva I. The Cult of Saints within Siberian Islam: Anthropological Approach to Studying of Pre-Soviet Tradition and Post-Soviet Transitions // Communities, Institutions And Transition In Post-1991 Eurasia. New Delhi: Shipra Publications, 2011. P. 425–435.

Şimşekler N. The Spread of The Mawlawiyya and The Reasons for Its Spread in The Aegean Region in The XVIth Century // Journ. of Rumi Studies. 2007. N 1. P. 143–158.

The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov: Facsimile edition with an introduction by Leo Bagrow // Imago Mundi. Suppl. 1. S-Gravenhage: Mouton, 1958. 188 p.

Омский филиал ИАЭТ СО РАН
seleznev@hist.omsu.omskreg.ru

The article effects investigation methods regarding traditional Islamic astana sanctuaries of Siberian Moslems as hierotopies. Subject to discovery being factors and conditions of developing sacral spaces. By the example of one of the most striking Siberian Moslems' sanctuaries of the Tyurmityak astana, the author attempts to analyse such components of hierotopy as development of sacral space, creation of the local world, connection of times and generations, legitimation of inclusion into a sacral sphere.

Siberia, Islam, cult complexes, hierotopy, Tobol-and-Irtysh Tartars.

«ВЕДИЙСКИЕ РИТУАЛЫ» У НАРОДОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ПОСМЕРТНАЯ ПОСУДА

Ю.И. Ожередов

Анализируются археологические и этнографические источники, полученные из позднесредневековых и нового времени могильников селькупов локально-диалектной группы «шиешгула» (Барклай, Кустовский) и салымских хантов (Усть-Балык), позволяющие сопоставить погребально-поминальные ритуалы обских угров и самодийцев с воззрениями древних народов, оставивших описания собственных погребальных процедур в письменных источниках, именуемых ведами.

Обские угры, ханты, северные самодийцы, протоселькупы, локально-диалектная группа «шиешгула», XVI–XVII в., веды, арийцы, погребальный и поминальный обряд, посуда, угол, развилка в ритуале похорон.

Присутствие в мировоззрении обско-угорского населения Северо-Западной Сибири представлений, свойственных южному кругу культур, постулируется в литературе с середины прошлого столетия. В археологических публикациях речь шла об индоиранских воззрениях в мифологии хантов и манси [Чернецов, 1947, с. 114–116 и др.; Мошинская, 1953, с. 96, 97, табл. XIV; Яшин, 1990, с. 13–18; 1997, с. 44–50]. Параллельно с археологами эта тема увлекает этнографов и лингвистов. С.В. Иванов создает сводку «восточных» мотивов в угорской орнаментике, И.Н.Гемуев, А.М. Сагалаев и А.В. Бауло приходят в такому выводу при изучении культовых мест и жертвенных покрывал [Иванов, 1963, с. 92–94, 104; Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 179; Гемуев, Бауло, 2001, с. 23], Н.В. Лукина, Е.Г. Федорова и А.А.Богордаева — при анализе хантских поясов [Лукина, 1985, с. 196, 198; Федорова, 2000, с. 255–256; Богордаева, 2006, с. 111]. Н.Ф. Прыткова нашла проявления в одежде [1953, с. 232–233], а З.П. Соколова — иранские заимствования в культуре и индийские параллели в этнонимах *савыр*, *силыр* [2001, с. 42–49]. Лингвист В.В. Напольских и вовсе заявляет о влиянии на культуру хантов «древнего населения степей» [1997, с. 76]. Концептуальной стала публикация В.Н. Топорова, обосновавшая наличие иранских корней в культуре угров [1981].

У народов самодийской языковой группы этнографических наблюдений подобного рода отмечено значительно меньше. Более всего в этом направлении сделано Г.И. Пелих, выделившей культурные компоненты, напрямую коррелирующиеся с воззрениями южных народов, обских угров и других соседствующих этносов [1972а, с. 18; 1972б, с. 163, 166–175 и др.; 1963].

Настоящая работа продолжает труды предшественников, стремившихся выявить у народов тайги черты южных культур. Основанием для этого стал анализ погребальных ритуалов обских угров и самодийцев, показывающий прямое сходство с процедурами, описанными в письменных памятниках ведийских ариев. По мнению Т.Я. Елизаренковой, типологические параллели ведийским текстам *«встречаются в ранней истории самых различных цивилизаций»* [2005а, с. 25]. Данные совпадения привлекают внимание не только своей природой, но и перспективностью для изучения генезиса обских народов. Однако, при размахе темы и многообразии ее аспектов, в рамках отдельной статьи можно лишь приблизиться к решению некоторых проблем.

Поскольку исследование сосредоточено на вопросах мифологического мировоззрения, основанного в общефилософском смысле на метафизическом восприятии жизни, за основу методологического подхода принят семиотический анализ. Методы археологического и этнографического изучения использованы в объемах, которых потребовала сама работа

В исследовании использованы археологические и этнографические сведения о салымских хантах и нарымских селькупах. Источниками первых стали материалы Усть-Балыкского кладбища¹ (XVIII — середина XX в.), вторых — средневековые, палеоэтнографические и этнографические материалы из захоронений локально-диалектной группы нарымских селькупов «*шиеш-*

¹ Кладбище не тождественно могильнику Усть-Балык, изученному В.И. Семеновой [2001, с. 15]. Находится в другом месте, имеет отдельную «судьбу» и историю исследований [Дремов, 1985; Рындина и др., 2008, с. 23]. Полевые материалы и коллекция из 215 ед. хранятся в МАЭС ТГУ (кол. № 7605).

гула» (XIII–XIV — середина XIX в.)². Для аргументации отдельных позиций приводятся сведения из мировоззрения народов Сибири и других регионов мира.

В 1984–1987 гг. антропологическая экспедиция Томского государственного университета под руководством В.А. Дремова исследовала в южной части Ханты-Мансийского автономного округа заброшенные кладбища XVIII — середины XX в. [1985], оставленные коренным населением Салымского края, старосалымскими хантами, обитавшими здесь до прихода юганской группы [Федорова, 1996, с. 103; Салымский край, 2000, с. 15; Населенные места..., 2005, с. 5; Рындина и др., 2008, с. 3–6].

В 29 могилах Усть-Балыкского кладбища, действовавшего в 1870–1950-х гг., была собрана представительная коллекция столовой и кухонной посуды, сопровождавшей умерших в потусторонний мир [Опись...: № 7605; Рындина и др., 2008, с. 49–50]. Доминирующее положение в ней занимают традиционные поделки из дерева и бересты, но наряду с ними встречены изделия фабричного производства. Среди последних выделяются предметы чайной посуды из фарфора³.

Анализ погребального обряда показал, что фабричные образцы чайной и столовой посуды в ретроспективе этнографического времени уверенно вытеснили из обращения традиционные изделия. Деревянные чашки постепенно сменили фарфоровые и фаянсовые наборы, а место деревянных корыт заняли железные эмалированные миски и ведерки с низкими бортами.

Судя по находкам, номенклатурный состав посуды за долгий срок разительно изменился относительно записи К.Ф. Карьялайнена: «северные остяки кладут в гроб... чайную чашку, деревянный столик...; остяки Сургутского округа кладут одежду... котел, чайник и деревянный столик» [1994, с. 81]. В поздних могилах плоское деревянное корытце с деревянной же ложкой обнаружено только один раз [Дремов, 1985, с. 123].

С семантической точки зрения круг фабричных вещей стал не столько утилитарным, сколько идейным заместителем традиционных предметов. В погребальном обряде экстраполировался переход к похожей, но инверсированной и более счастливой жизни «на том свете». Но, несмотря на сакральный контекст, в реальности замена происходила по привычному признаку подобия формы и функционального значения предметов. При этом сохранялся принцип, некогда сформулированный информатором А.С. Флетчера и сохраняющий актуальность до наших дней: «Каждая сакральная вещь должна быть на своем месте» (цит. по: [Леви-Строс, 1994, с. 121]).

Именно к этой стороне ритуала обратимся более подробно. На методическом уровне расстановка посуды в могиле построена по принципу «гомологической партикуляции» [Леви-Строс, 1994, с. 246], согласно которому распределение предметов обусловлено частями тела или его антропологическим кодом [Рындина и др., 2008, с. 40].

Посуда в хантыйских могилах располагалась тремя группами: в области головы, в средней части туловища у пояса и в ногах, где наблюдалась максимальная ее концентрация [Рындина и др., 2008, с. 42]. Данный способ включает и варианты, зафиксированные В.И. Семеновой в могильнике Усть-Балык, где лидирующее число находок приходилось на изголовье и подножие [2001, с. 121].

В селькупских могилах сосуды стояли обычно в ногах умерших [Пелих, 1972б, с. 76]. Присутствие таковых в верхней части погребений — достаточно редкое исключение (Кустовский могильник. — Ю. О.). Но их наличие даже в небольшом числе свидетельствует об определенной идейной близости селькупских воззрений с хантыйскими и — отметим, забегая вперед, — ведийскими. В «этнографических» захоронениях могильника Барклай первой половины XIX в., подобно хантыйским примерам, лежали фарфоровое блюдо, фаянсовая тарелка, стеклянный стакан⁴. Давность обычая укладывать посуду на тело погребенного в Западной Сибири подтверждает находка в захоронении на святилище Усть-Полуй, где «в области грудной клетки»

² Материалы автора.

³ Подробности о составе, производственных и декоративных особенностях фабричной посуды см. в работе: [Рындина и др., 2008, с. 49–66, 74–94].

⁴ Сходная процедура встречена у южно-сибирских этносов: качинцы ставили в ногах умершей женщины деревянную коробку, в которой находились чашка, ложка и чайная чашка [Катанов, 2007, с. 22], а хакасы в особый ящичек укладывали чашку и блюдо вне зависимости от пола погребенного [Майнагашев, 2007, с. 40]. Давность данной традиции в южно-сибирских пределах подтверждают, например, материалы таштыкских могил I–IV вв. н.э., где посуда стояла исключительно в ногах [Вадецкая, 1999, с. 41]. Эти факты лишней раз убеждают в универсальности и незыблемости обычая использования посуды в погребальных ритуалах коренных обитателей Сибири. Но вместе с тем они маркируют этнические особенности, особенно в части установки посуды на тело умершего, отмеченной у обских укров.

обнаружены «фрагмент стенки толстостенного сосуда... и часть ложки...» [Гусев, Федорова, 2012, с. 22].

Близкая картина отмечена Е.И. Ромбандеевой у манси, клавших в могилу четыре-пять чашек: две по краям, две рядом с бедрами, а пятую чашку — мужчине у ног (цит. по: [Семенова, 2008, с. 108]). Источник не уточняет, куда именно ставили посуду, но идейный контекст и количественные показатели женских и мужских душ (4 и 5) определенно сближают ритуалы. В совпадении числа чашек с количеством душ В.И. Семенова видит способ удержания в них метафизических субстанций умерших [2008, с. 108]. Подтверждений соответствия данной трактовки относительно реальной семантики обряда не приводится, но отмечено обязательное наличие чаши или котла в головах умерших (часто на головах) [Там же, с. 121], хорошо коррелируемое с андроновскими традициями ведийских ариев [Кузьмина, 2008, с. 160, 166].

Попытка объяснить изменчивость в выборе места для посуды использованием нетрадиционного инвентаря не оправдалась: точно так же поступали с посудой из привычных материалов. Не сработало и объяснение с опорой на этническую специфику: в некоторых могилах селькупского Кустовского могильника также известны случаи расположения сосудов в верхней части могилы.

Семантический аспект специальной расстановки посуды в могилах хантов обнаружился в исследовании Н.М. Талигиной [2005, с. 117]⁵. По ее сведениям, две берестяные чаши (корытца), напоминающие сосуды *чуманы*, ставили около головы («чаша около уха»), третью использовали для гадания и после похорон сжигали [Там же]. В устном варианте упомянуто четыре чаши, а церемония расстановки происходила в следующем порядке. Первую наполняли оленьим жиром и ставили возле уха («*возлеушная чаша*»), после застывания по жиру наносили «черточки для гадания»; вторую ставили на локтовую часть тела; третью и четвертую — под коленями, их называли «*подколенные чашки*».

Жир предназначался грызунам, для того чтобы они не тревожили останки умершего. Но, судя по всему, за этим намеренным упрощением скрыт надежно кодированный контекст с иным семиотическим содержанием. Исследователь говорит о том, что обряды предпохоронного цикла были «обращены в основном к душам умершего» — направлены на удержание в теле и на удаление из дома. Одновременно заботились о недопущении к людям духов подземного мира [Талигина, 2005, с. 117].

Если под грызунами метафорически подразумевались «нечистые» существа, то жир действительно служил приношением, в обмен на которое нечисть оставляла умершего. Учитывая обычное в ритуалах уподобление реального и ирреального, поедание пищевого приношения воспринимается как обрядовое кормление или умилоствление, которое затем обернется расположением божеств [Мосс, 2000, с. 349].

Приведенные Н.М. Талигиной наблюдения чрезвычайно интересны, но семантически непрозрачны. Предположение, что герменевтика темных мест в погребальном обряде хантов основана на их этнической многокомпонентности, потребовало привлечения источников иного круга. Ряд исследователей придерживается мнения о южной генетике угров и самодийцев (см. обзор: [Вадцкая, 1999, с. 177–179]), поэтому поиски культурных контактов именно в этом направлении вполне закономерны⁶.

Параллельно с археологическими данными серьезным подспорьем в поиске древних влияний юга на культуру тайги стали магические заговоры и упанишады ведийских памятников. «Следы» арийских верований в ритуалах обских угров зримо обозначились при сравнении текстов Н.М. Талигиной и Е.И. Ромбандеевой с переводами индийского ученого Р.Б. Пандея, передающими ритуал погребальной расстановки сосудов в «*Хираньякеши-питримедхасутре*» [1990, с. 280, 284].

⁵ В дальнейшем исследователь в устной форме дополнительно прокомментировала смысл расстановки посуды в хантыйских могилах [Рындина и др., 2008, с. 67].

⁶ К этому располагает историко-культурная обстановка региона, известная науке в долговременной ретроспективе. Анализ форм и содержания контактов указывает не только на опосредованные, но и на прямые воздействия со стороны кочевников, подступавших к кромке северной тайги вдоль Оби и ее притоков. Крупным «поставщиком» «южных» идей на север стали саргатцы. Через хунну, сарматские степи и Кангой к ним в Прииртышье поступала китайская медная посуда, шелк, лаковые изделия, иранская торевтика и идеи, фокусирующиеся в мировоззрениях обитателей юга Евразии (сводка: [Матюшенко, Татаурова, 1997, с. 104–107]). Но первые следы оставили пришельцы арийского круга [Косарев, 1991, с. 15 и др.; Матвеев, 1993, с. 135; 1998, с. 30, 344–345 и др.; Кузьмина, 2010, с. 68].

В адаптированном⁷ отрывке из работы индийского автора порядок расположения посуды на теле умершего выстроен следующим образом: «*На рот — жертвенный ковш... на ноздри — две ложки, на уши два сосуда для жертвоприношения или один разделенный пополам, на челюсти — ступку и пестик, на голову — блюда “капала”, на лоб — одно блюдо, на живот — сосуд для муки, на пупок — сосуд для топленого масла, на бока — две корзины или одну разрезанную пополам, на бедра — сосуды для жертвенной смеси, на ноги — сосуд для “агнихотры” и сосуд для “анвахарья”, на затылок — сосуд для простокваши и для того напитка, который предлагается почетному гостю. Посередине — сосуд “чамаса”...: “Этот сосуд для Агни”. Остальное — между колен*». «*Тот кто так вооружен для жертвоприношения, немедленно попадет в небесный мир — так известно (из вед)*» [Пандей, 1990, с. 284]. Тот же текст с небольшими отличиями приводит Ю.А. Смирнов. Дабы не повторяться, приведем только фрагменты, отсутствующие или видоизмененные в работе индийского коллеги: «...*<Он же> распределяет жертвенные сосуды все по порядку... на правую руку <лежащего на поленнице>... и черпак... на левую <руку> — ложку... на грудь — ложку... на ноздри — две ложки “срува”... на голову — блюда, на лоб — одно блюдо... на бедра — сосуды для жертвенной смеси “самная”... на ноги — два сосуда... Посередине — сосуд... <со словами> — “Это сосуд чамаса — для Агни”*» [Смирнов, 1997, с. 129]⁸. Как можно понять, вариации перевода лишь оттенили степень полноты ритуала, не исказив его сути.

Примечательно, что большинство емкостей (в том числе ложки) устанавливалось на отверстия (углубления) на теле умершего (ноздри, глаза, уши, пупок) или рядом с ними (на челюсти, бедра, лобок). Объяснение такому выбору местоположения, безусловно, кроется в представлениях о духовной опасности умершего для живых. Считалось, что через отверстия в теле выходит дух умершего, способный вредить живым. Для предотвращения подобного исхода умершим часто закрывали лица масками с накладными металлическими пластинами или последние крепились непосредственно на углубления и отверстия головы. В перечне предпобрежных процедур первого цикла похорон упомянутого выше текста «*Хираньякеши-питримедхасутры*» содержится пункт, именуемый «Помещение кусочков золота на “отверстия лица” покойного». В соответствии с ним в тексте звучит: «*На те места, где находятся органы чувств, <проводящий обряд> сыплет кусочки золота или капает топленным маслом*» [Смирнов, 1997, с. 129]. Текст не комментирует данную процедуру, но допустимо предположить ее апотропеическое значение⁹.

⁷ Купированы сведения о других категориях инвентаря. — Ю.О.

⁸ Не всегда понятно, устанавливались сосуды непосредственно на тело или стояли вплотную к нему. Много, видимо, зависело от габаритов конструкций: в тесных ящиках, гробах и колодах сосуды могли стоять практически на телах, а в сооружениях типа перекрытых оград или домиков — рядом с ними. С позиций метафизики такие расхождения не меняли сути ритуала.

⁹ Подтверждения находим в сибирской этнографии. В.М. Кулемзин объяснил наложение ткани на лицо умершего боязнью покойника [1994, с. 365]. Г.И. Пелих уточнила, что селькупы «с помощью этого обряда пытались удержать душу кэдо в черепе и заставить ее превратиться в паука», «...если душа-кэдо покинет труп раньше, чем он сгниет, она превратится... в страшного черта (*кавалоза*). Поэтому глаза и рот покойника закрывали костяными или металлическими пластинами, а нос затыкали особыми втулками... Пластины обычно нашивались на кожу, и ею как маской закрывали лицо» [Пелих, 19726, с. 117, 180–181]. Эңцы считали, что душа-дыхание умершего покидает тело через рот или через живот [Ким, 1997, 23]. Всякое отверстие на теле — метафорический вход-выход в потусторонний мир. Особо опасным воспринималась женская утроба. Ханты считали, что женщина, в отличие от мужчины, одноголовое существо с низом, открытым в сторону нижнего мира. Злые духи легко в нее проникают и руководят ею. «Женщина-чужеродка... с ее предрасположенностью к восприятию злых духов, всегда представляла угрозу для мужчины» [Перевалова, 1992, с. 91, 92–93]. Близкое воззрение на связь женщины с «брешью» в земле бытует у нганасан [Грачева, 1983, с. 61]. «Особо опасным» умершим британцы, например, считали именно женщину [Медникова, 2004, с. 95]. Метафора утверждает — женский низ «голоден» и стремится насытиться «поглощением» человеческих душ. Отсюда возникает опасение, «как бы умерший не попытался увлечь за собой... живых» [Леви-Брюль, 2002, с. 52]. М.М. Бахтин показал, что женские гениталии ассоциированы с телесной могилой или преисподней, поэтому словесное отправление оппонента в репродуктивную зону есть не что иное, как пожелание ему смерти. Женское лоно — устойчивый символ смерти (цит. по: [Кон, 1989, с. 101]). Подтверждением стали сказания о женщинах людоедах, съедавших мужчин (их орган) ртом или вульвой [Анучин, 1914, с. 22, 39; Березницкий, 2003, с. 131, 447; Грачева, 1983, с. 77; Йеттмар, 1986, с. 255; Левкиевская, 2002, с. 101; Сказки..., 1985, с. 402; Обряды..., 2002, с. 42; Третьяков по: Окладникова, 1995, с. 240, 241; Шаньшина, 2000, с. 55; Юнг, 1998, с. 250–251]. Во многих языках понятия «вкушать» и «совокупляться» передаются одними и теми же словами [Кон, 1998, 100]. Ведийский источник поэтически именует женский орган «ты — рот гандхарвы Вишавасу» [Пандей, 1990, с. 275]. По воззрениям хантов, «без кормления полового органа женщины не происходит воспроизводство рода» [Перевалова, 1992, с. 93].

Сибирская этнография не дает пока семантики процедур расстановки сосудов в могилах обских ургов, поэтому наиболее верным способом будет обратиться к ведийским ритуалам. Индийский текст объясняет, что в означенных местах сосуды устанавливались с определенной целью. В одном случае она указана совершенно конкретно и адресно: «...*посредине сосуд "чамаса"*...: «*Этот сосуд для Агни*» (божества огня. — Ю.О.) В тексте имеется прямое указание на жертвенное назначение: «*сосуды для жертвенной смеси устанавливались на бедра*».

Каждая емкость служила средством донесения жертвоприношения божествам, покровительствующим отдельным частям тела или их духам. А всякая жертва в ведийской традиции — есть пища, телесная или духовная, служившая на благо божества, от которого ожидалось ответное благовоздаяние [Мосс, 2000, с. 348–349]. Т. Лехтисало отметил, что ненцы приносили солярные жертвы с приговором: «Солнце, ешь, сохраняй нас здоровыми!» [1998, с. 14].

Упоминание божеств применительно к точкам установки сосудов наводит на мысль о ритуале, подобном приношению жертв духам-хозяевам на местности. Ведическая традиция утверждает, что истинный человек-мужчина (Первочеловек Пуруша) обладал по числу пальцев рук десятью *пранами* — жизненными дыханиями, сохраняющими жизнь: семь в голове (два уха, два глаза, две ноздри, рот); три в теле (пуп, анус, пенис) [Мосс, 2000, с. 348–350, 351–352]. Данный пример согласуется с расстановкой сосудов и выводом о наличии у человека, кроме главной, души для каждой части тела, в том числе для полового органа [Штернберг, 1902, с. 267; 1936, с. 304–305]. По мнению Я.А. Чеснова, мужской орган имеет универсальное для большинства традиций осмысление одушевленного и самостоятельного субъекта [1991, с. 141, 147]. К. Леви-Строс писал о том, что, по представлениям обитателей Панамского перешейка индейцев *куна*, «трудные роды объясняются тем, что душа матки пленила души других частей тела» [1983, с. 168]. Э. Кассирер отметил наличие у африканцев *чи* двух независимых душ, у жителей Западной Африки — четырех, у *малайцев* — семи, у *йоруба* — трех, одна из которых обитает в голове, другая в желудке, а третья — в большом пальце ноги [2002, с. 174].

На сибирской территории В.Н. Чернецов не находил ответа на причину различия в количестве женских (4) и мужских (5) душ у обских ургов [1959, с. 117]. Вместе с тем ответ на этот вопрос лежит, кажется, на поверхности, и ученый даже указал путь к разгадке, называя пятую мужскую душу — силой [Там же]. Оставалось только развить этот тезис для уяснения природы данной силы, что и было сделано последователями.

По представлениям хантов, человек обладает несколькими душами, ответственными за разные части тела и органы. Но только пятая душа мужчины «*сул*» и так называемая «мужская сила» соотносилась с половым органом — «нижней головой». У женщин этого нет, так как «женское тело сразу переходит в ноги» [Перевалова, 1992, с. 90; Головнев, 1995, с. 137, 283]. Таким образом, пятая мужская душа или сила хантыйских мужчин — это их половой орган. Он же — причина превышения количества мужских душ над женскими.

Сходную ситуацию выявила Г.И. Пелих на материалах самодийцев — селькупов и нганасан [1980, с. 30–31]. Позже А.А. Ким добавила к этой группе энцев и показала на лингвистических материалах универсальность воззрения для всех самодийцев [1997, с. 22–23]. М.А. Кастрен в свое время указал, что аналогией хантыйской мужской душе *сул* у селькупов является душа *кор* [Пелих, 1980, с. 30–31, 33]. Однако селькупское поверье имеет своеобразие: считается, что каждая душа связана с одним из человеческих пальцев [Там же, с. 33]¹⁰, и селькупский мужчина соответственно имел пять душ. Любопытно, что «мужская душа» селькупов «живет» в самом крупном, среднем пальце руки, символизирующем на интернациональном языке жестов мужское начало. Дуальным партнером с половым окрасом являлся указательный палец: одно из двух его наименований означает «женский палец» [Там же].

В рамках данных воззрений утрата пятого, мужского пальца (души «*кор*») означала метафорическую инверсию мужчины в неполноценное существо: сумасшествие, бешенство, обращение в женщину. По данным В.В. Иванова, четырехпалое изображение руки обнаружено рядом с древнейшим пиктографическим обозначением женщины у шумеров [Пелих, 1980, с. 33; 1998, с. 54], что убеждает в глубокой древности и серьезной географической удаленности места раннего проявления половой символики, основанной на числах 4 и 5. В дополнение упомяну выводы А.А. Ким о том, что селькупская лексема с основой на *кор* имеет многочисленные обозначения животных-самцов и восходит к прасамодийским и даже прауральским языковым зна-

¹⁰ У *йоруба* третья душа обитает в большом пальце ноги [Кассирер, 2002, с. 174].

«Ведийские ритуалы» у народов Северо-Западной Сибири: посмертная посуда

чениям [1997, с. 35]. Представления о множественности душ и половой символике также не чужды мифологии эвенков [Пелих, 1980, с. 31] и тюрков. Алтайское предание повествует о весеннем цветке с корнем в форме пятипалой руки: всякая женщина, отведав этого корня, обязательно забеременеет (Анохин, цит. по: [Пелих, 1980, с. 33]).

Сближение угорских и самодийских верований в вопросе множественности душ в равной мере сопоставимо с древней ведийской традицией. Один из ведийских текстов указывает на места обитания духов (или душ) на теле человека¹¹:

*Апачиты*¹², которые на шее,
А также, которые под мышками,
Апачиты, которые в промежности (?)... [Атхарваведа, 2005, VII, с. 358].

Духи локализируются на теле человека в точках, являющихся своеобразными «углами», обрванными корпусом и конечностями (подмышки, промежность, угол между подбородком и шеей)¹³. Казалось бы, случайное «геометрическое» совпадение понятий развилки и угла в культурологическом понимании обрело множество самостоятельных литературных форм и коннотаций, необходимых для дальнейшего анализа наших источников. Антропоморфное осмысление понятий *угол* и *развилка* занимает отдельное место в мифопоэтических представлениях, воплощенных в ритуалах¹⁴. Данное уточнение, при его кажущейся отрешенности от нашей темы, на самом деле существенно важно для устройства «перекидного мостика», дающего объяснение ведийских истоков обско-угорских и обско-самодийских ритуалов.

В контексте мифологических представлений углы могут быть соотнесены с пограничными пунктами, местами перехода инообитателей из мира реального в ирреальный и обратно. Данные наблюдения имеют широкий культурологический аспект, включающий мифологию сибирских народов¹⁵. Во второй половине XIX в. финский ученый А. Алквист заметил в материальной

¹¹ Исследование вопроса классификации и качественного наполнения субстанций, именуемых «души» и «духи», работа не предусматривает. Но предварительно можно сказать, что определенная дифференциация этих понятий имеется как в ведийских, так и в сибирских источниках. — Ю.О.

¹² Демоны женского рода и духи болезни [Елизаренкова, 2005б, с. 484, 544].

¹³ Углы образуются по принципу геометрии, стыковкой в одной точке двух или более линий. У живых существ они ассоциативно обозначаются в местах сочленения туловища и конечностей, схождения линий глаз и рта. Бытуют понятия «уголки глаз», «угол рта», «угол зрения» [Ожегов, Шведова, 1992, с. 854] Разновидностью угла стала развилка, означающая разветвление линий из одной точки [Там же, с. 664].

¹⁴ «Известен целый класс... текстов... описывающих правила отождествления... природного и человеческого (плоть — земля, кровь — вода, волосы — растения, разные члены тела — разные социальные группы и т.п.). Этот... принцип определяет моделирование не только космического пространства и земли в целом, но и других сфер — жилища, утвари, одежды, разные части которых на языковом и надязыковом уровнях соотносимы с названиями элементов человеческого тела, ножка стола, ножка рюмки и т.п. или многочисленных случаи антропоморфизации неодушевленных предметов в языке, в образных системах» [Топоров, 1988, с. 12]. Ненцы полагали, что гроза человекоподобна, а радуга — ее одежда [Лехтисало, 1998, с. 15]. С. Лангер обосновала тезис, согласно которому отличие человека от животного заключается в потребности символизации (по: [Байбурин, 1993, с. 26]). «Череп... иногда краниум животного, в семантическом отношении может быть тесно связан с жилищем. О чертах зооморфности жилища писал еще В.Я. Пропп [Медникова, 2004, с. 161]. По мнению А.К. Байбурина, «семиотический статус вещей отражает конкретное соотношение «знаковости» и «вещности» и соответственно — символических и утилитарных функций... Предмет становится фактом культуры только в том случае, если он соответствует и практическим и символическим требованиям»; а по мысли А. Леруа-Гурана, только с приданием жилищу символического значения можно в строгом смысле говорить о специфически человеческой форме освоения пространства [Байбурин, 1981, с. 216]. В.М. Кулемзин писал: «По традиционным представлениям... человек уравнивается с вещами... Народное сознание трудно смиряется с мыслью, что вещь не очеловечена, бездушна...» [1999, с. 65]. Неспроста до некоторых пор младенец у хантов считался бездуховной «вещью» [Головнев, 1995, с. 283]. А.К. Байбурин констатировал: «Исследования, проведенные с учетом семантики технологических процессов, сопровождавших строительство дома... позволяют говорить об универсальном характере корреспонденций между создаваемой вещью, строением человеческого тела и представлениями о структуре вселенной». В контексте свадьбы, например, конский хомут приобретал совершенно новое значение — женского детородного органа [Байбурин, 1981, с. 221, 225]. Много случаев антропоморфизма обнаруживается в сибирской топонимике: «Объ — этот, наверное, женщина, может быть бабушка». Реки и теперь воспринимаются селькупами как сущность с женским началом, после ледохода они должны очищаться подобно женщинам после родов [Мифология..., 2004, с. 171–172]. В «Ригведе» реки почти всегда представлялись женскими божествами [Топоров, 2010б, с. 463].

¹⁵ Для локализации и предотвращения переходов незваных и опасных посетителей в традиционных обществах применялись апотропеические ритуалы: русские метили углы жилищ и амбаров крестиками, углы затыкали колючими ветками и растениями, а на спокойный сон повторяли «молитовку» — «убегайте все злые из четырех углов» [Зеленин, 1999, с. 83–84; Левкиевская, 2002, с. 8, 120, 121–122 и др.]. Главным критерием при строительстве дома считалась «чистота» места: в углах будущего дома насыпали кучки зерна, которые утром проверяли. Если зерно не тронуто, дом

культуре и языке обских угров следы татарского влияния [1999, с. 167]. Но такие вещи не передаются без контактов в духовной культуре, что обычно заметно при сравнении ритуалов соседей¹⁶: Отмечено, что, кроме прочего, у барабинских татар сохранились представления, схожие с представлениями русских и уйгур, согласно которым духи обитают в темных углах жилищ [Корусенко, Диянова, 2011, с. 190–191; Чвырь, 2006, с. 150, 154, 156]¹⁷.

Множество представлений, связанных с углами, обнаруживается у обских угров. А.В. Головнев со ссылкой на целый корпус источников констатировал: «угорский дом начинается с угла», во многих легендах герои прячутся в углу, ищут что-то чудодейственное, иногда даже лес рисуют с семью углами [1995, с. 272]. Повседневная жизнь угорского дома постоянно наполнена ритуалами и ограничениями в адрес углов. В передних, «мужских» углах обитают мужчины хозяева дома, а на священной полке *лунх* у хантов [Там же, с. 274–275] и *норма* (*пуб-норма*, *торм-норма*) у манси [Гемуев, 1990, с. 23, 24] размещаются сакральные предметы и «живут» духи предков, олицетворяющие эзотерическую часть жизни семьи. Владение священным углом осмысливается как владение домом. Отсюда, видимо, истекает русское понятие «иметь свой угол» — иметь жилище¹⁸. Проживание нескольких семей в одном жилище [Соколова, 1998, с. 177, 179] неизбежно делило его на метафорические «семейные углы».

Понятие угла приобрело, видимо, уже в древности метафорический смысл, не всегда имеющий конкретные параметры и очертания. Это может относиться к геометрии спальных полов или спальных мест на нарах¹⁹. В одной из угорских сказок герой *Sos tûrum iga* пытается в пологе сорвать с жены девственный пояс. В пылу борьбы они каждый раз оказываются в одном и том же углу (полога). Когда ноги героя попадают в другой угол, их отсекает неприятель, поджидавший снаружи. В другой сказке проводится вполне осознанная ассоциация между «краями» земли и углами [Patkanov, 1900, с. 29, 49]. Углы в пологе и по краям земли — очевидные метафоры, которые не следует воспринимать в качестве прямых «геометрий». Вполне очевидно, что ойкумена угров осмысливается в виде жилища с сакральными углами, отдельные части которого, в свою очередь, имеют свои символические углы, подобные тем, в пологе из сказки. И.Н. Гемуев сформулировал эту мысль в обратном порядке, но с подобным же смыслом: «...мансийский дом в миниатюре повторяет образ Вселенной в том виде, в котором он существовал в традиционном мировоззрении народа» [1990, с. 28].

По воззрениям хантов и селькупов, жилище символически делится поровну на две планиграфические зоны: мужская — от жерди симса²⁰ до задней стены, женская — от входа до жерди симса [Соколова, 1998, с. 183]. В мужской — священной зоне [Лехтисало, 1998, с. 81] — располагаются угловые полки (*лунх*) с духами покровителями. В «грязной» половине углы ассоциируются с местом обитания нечисти, и их необходимо изолировать (оставляют оружие, котел, топор) [Головнев, 1995, с. 273–274]. «*Нечистый угол*» в жилище тот, «*где у женщин котлы стоят*» [Кравченко, 1999, с. 68]. И.Н. Гемуев отметил аналогичную картину в мансийских домах в качестве общеугорского явления [1990, с. 28].

Семантика угла как «опасного» места отчетливо проявляется при анализе случаев использования у хантов жертвенной крови. Ею смазывают «отверстие для руки» в надмогильном домике и угол жилища при похоронах [Талигина, 2005, с. 118]. Смысл ритуала с отверстием определенно апотропеический: преградить выход духа умершего наружу. Ритуальные действия со

ставили, если потревожено, то место дурное и стройку переносили [Байбурун, 1977, с. 123, 125]. Зерно было сигналом о нечисти. Близкой является коннотация о назначении сосудов с жиром в хантыйских могилах. В первом случае речь шла об умилостивлении духов пищей, во втором — выявлении их с помощью пиши-приманки.

¹⁶ В отношении с духами сибирские татары пошли дальше других: они задабривали приношениями домовых, служивших охраной домов от злых духов (шайтанов). «...*Ей Ияс* (домовой. — Ю.О.) *должен быть в каждом доме, иначе хозяев замучают Шайтаны. ...Чтобы задобрить Ей Иясе, при строительстве нового дома хозяева под углы кладут монеты (д. Свитово Тарского района). ...Если домовый не доволен хозяевами, то он пугает их... Мулла, придя в дом, пишет на... листочках молитвы и кладет — 4 по углам...* (д. Ревда Ялutorовского района)» [Топоров, 1988, с. 12].

¹⁷ Шорцы выстреливали из лука в углы дома после выноса из него умершего, изгоняя злого духа смерти [Пелих, 1972б, с. 205], буряты обстукивали углы дома [Михайлов, 1987, с. 23], китайцы стрелами поражали демонов в углах помещения новобрачных [Малявин, 2001, с. 560, 561].

¹⁸ В русском доме угловая полка «божничка» в переднем углу. См. далее. — Ю.О.

¹⁹ Спальные пологи сооружались из кольев и перекладин и покрывались мехом [Соколова, 1998, с. 179]. Нары могли разделяться перегородками, но, когда их не было, «незримая граница... обязательно имела в виду» [Гемуев, 1990, с. 23].

²⁰ В центре жилища. *Симзы*, вероятно, символ мирового столба [Лехтисало, 1998, с. 81].

«Ведийские ритуалы» у народов Северо-Западной Сибири: посмертная посуда

столь сильным оберегом, как кровь, со всей очевидностью указывают на идентичность опасности, исходящей из отверстия и из угла, чем подчеркивается их сакральное тождество.

Данный тезис отчетливо подтверждает апотропеическая рекомендация божеству *Ас тый ики*, звучащая в хантыйской священной песне:

Вэрт ты постой! ...
С углами дом, четыре его угла,
Вэрт, ты посмотри!²¹ [Молданов, Молданова, 2000, с. 58].

Примечательно, что применено слово *посмотри*, семантически более емкое, нежели *посмотри*. Сходный обряд отразила мифопоэтика ненцев, не менее других оборонявшихся от духов из углов:

Бык-Тёр
Свой сургутский
большой лук в
в четыре угла чума
направляй с угрозой [Лехтисало, 1998, с. 121].

Рассуждение о магии углов в культурологическом аспекте сводится, видимо, к рассуждению о нечистых свойствах нижних углов, куда детей ставят погугать в наказание²². Верхние «передние» углы занимают сакральные вещи — духи предков, приношения им и др., в православных культурах здесь иконы, покровительствующие семье, кресты и т.п. атрибуты. Устройство «священных» угловых полок — хантыйской (*лунх*), мансийской (*норма*) и русской «*божнички*» мало чем отличается. По мнению ряда исследователей, появление у обских угров срубных наземных домов, а с ними и многих конструктивных элементов пришло из русской домостроительной культуры [Гемуев, 1990, с. 11; Соколова, 1998, с. 173; Населенные места..., 2005, с. 29]. Полка в священном углу верхней зоны жилищ сибирских народов надолго становится универсалией, хранящей духовную (мужскую) чистоту и ассоциации с верхним светлым миром. Напротив, нижние углы, особенно у выхода, считаются «грязными» (женскими) и ассоциируются с потусторонним миром. Наряду с хантами нечистым признают угловое углубление у двери ненцы: там, где женщины хранят свои вещи, куклы *Несущей землю старухи* и куклы умерших. *Старуха* считается очень нечистой и всегда хранится в женском углу отдельно от домашних духов *хэхэ* [Лехтисало, 1998, с. 81, 89].

В мифологическом сознании развилка и угол — идентичные смысловые коннотации. В семантическом отношении они также тождественны, как соответствующие им топографические понятия — развилки рек, дорог, тропинок. Развилка дорог или перекресток, точно так же как углы, ассоциируется с нечистой силой, а река и дорога одинаково осмысляются как путь, одно из направлений которого смертельно опасно. Как, к примеру, в мифологии славян [Артюхова, 2006, с. 224; Щепанская, 2003, с. 201] (сказка о богатыре на распутье). То же происходило на азиатском пространстве: Н.М. Пржевальский отметил, что, по верованиям восточных туркестанцев, на перекрестках обитают духи дорог (цит. по: [Чвырь, 2006, с. 150, 154, 156]). По обрывочным данным не всегда можно верно оценить их взаимоотношение с людьми. Дж. Дж. Фрэзер приводит явно негативный пример: в горах Чешский Лес деревенская молодежь после захода солнца собирается на перекрестке дорог — и изо всех сил щелкает бичами, тем самым якобы отгоняя ведьм [1983, с. 525]. В контексте подобных сообщений возникает убежденность в том, что перекрестки вмещают в себя нечисть, являются пунктами ее обитания и выхода в реальный мир.

Универсальность данного представления и его вариаций подтверждается мифологией сибирских этносов. Известно, например, что всякая развилка, будь то разветвление дерева или реки, селькупам представлялась местом соприкосновения миров [Прокофьева, 1976, с. 114; 1977, с. 68; Степанова, 2008, с. 118–119; Ожередов, 2010, с. 225]. В селькупской мифологии известен сюжет возвращения героя *Йомпы* с женой из подводного мира через развилку двух рек [Казакевич, 2004, с. 139].

²¹ «Ты посмотри — считается, что от взгляда великих духов все злые сущности...» [Молданов, Молданова, 2000, с. 58]. Текст не закончен. Логично дополнить словами — уходят, исчезают и т.п. — Ю.О.

²² С точки зрения герменевтики угла, показанной выше, детей, отправленных в угол, взрослые метафорически обрекают на смерть. Не исключено, что страх ребенка быть в углу обоснован на психогенетическом уровне. — Ю.О.

В поисках истоков и объяснения данного феномена вновь обращаемся к ведийским текстам. Один из заговоров «Атхарваведы» направлен на освобождение людей от «Зла» у развилки дорог и переориентации его на другую «добычу»:

*Ты, о Зло, что нас не оставляешь,
Тебя такое мы оставляем сами.
На развилке дорог
Пусть Зло последует за другим!* [Атхарваведа, 2005, VI, с. 275].

Часто можно только догадываться, куда заведут те или иные тропинки, разбегающиеся из развилок-углов человеческого сознания: в параллельное пространство, населенное местными духами, или в нижний мир мертвых. Но вполне определено, что конечный пункт зависит от начальной точки и направления движения.

Развилки путей-дорог предстают перекрестками не только для реальных направлений, но и для путей, соединяющих разные миры-пространства. Тожество данных понятий в разных его проявлениях привело к установке деревянной развилки на могилах енисейских кетов [Анучин, 1914, с. 13] и селькупских шаманов [Степанова, 2008, с. 168]. Селькупы «*шешгула*» вкапывали столбы с раскидистыми ветками-развилками на вершины могильных курганов [Ожередов, 2001, с. 225]. Очень часто монгольские *обо*, где обитают местные духи-хозяева, также оснащены рогатыми ветками кустарника, увешанными приношениями в виде хадаков, танок с печатными на ткани мантрами и янтрами [Ожередов и др., 2007, с. 70, 71].

Устанавливая столбы или палки-развилки, люди, вероятно, помечали места переходов и оборудовали их специальными приспособлениями, способствующими переходу душ. Одновременно они способствовали контролю за точкой перехода. Приношения и обереги, развешанные на таком пункте, обеспечивали необходимый контроль над злыми силами и соответственно духовный покой земных обитателей. Ассоциативная связь всего живого и неживого в мире имеет древнейшую традицию, основанную на всеобщей апотропоморфизации, о чем выше было сказано подробнее. Такие же коннотации вполне «зримо» преподносит мифология сибирских народов в отношении развилок. Рассмотрим некоторые из них более детально.

Река в верованиях селькупов являет собой образ великого женского божества, к которому обращались с просьбами добавить срок жизни [Степанова, 2008, с. 53], а персонифицировали в облике не иначе как бабушки [Мифология..., 2004, с. 171–172].

Дерево, особенно береза, обычно отождествлялось с женщиной: аналогии проходили по меридиану между головой и кроной, стволом и туловищем, ногами и корневой системой. Аналогом полового органа считалась развилка березы, откуда, по преданию, вышли первые люди. Развилка дерева или расщепленный надвое ствол у селькупов ассоциировался с женскими ногами, рождающим женским низом и одновременно со звериной пастью, заглатывающей добычу [Прокофьева, 1976, с. 114; 1977, с. 68; Степанова, 2008, с. 118–119; Ожередов, 2010, с. 225]²³.

Древние тексты и не столь давние археологические или этнографические наблюдения не только сформировали корпус сведений, но и предоставили косвенные указания на причину бытования подобных воззрений.

Духовную нечистоту и свойство точки перехода в иной мир развилка приобрела от коннотации с женской конституцией, а точнее, с местоположением женского детородного органа, ассоциативно помещаемого в развилку, образованную нижними конечностями. В семантике развилки реки и дерева явственно прослеживается репродуктивный смысл, т.е. сильная женская коннотация. В одинаковой мере это относится к топографическим или геометрическим фигурам, символически сопоставимым с местом нахождения женской «дыры», входом в иной мир, наполненный демоническими обитателями, странствующими через границы пространств в обоих направлениях [Балакин, 1998, с. 194; Грачева, 1983, с. 61; Степанова, 2008, с. 118–119].

Так, например, в сказке про богатыря *Poi-lipetta* говорится, что одна женщина забеременела и «однажды *угол ея чрева* приготовился рожать дочь, рожать сына» (курсив мой. — Ю.О.) [Patkanov, 1900, с. 47]. Мифологический текст не оставляет сомнений в «геометрическом» ос-

²³ Примерно в том же ключе выглядят сопоставления у южно-сибирских тюрков [Сагалаев, Октябрьская, 1990, с. 49]. Некоторые хакасские *тёси* в форме развилок соотнесены с образом старухи или девушки, у которой невесть откуда появляется ребенок. Развилка символизировала двойню, а ее отростки называли именами новорожденных [Там же]. По представлениям звенков, души новорожденных жили на вершине мирового дерева [Окладникова, 1995, с. 248].

мыслении «женского детородного угла». По поводу телесного эзотерического геометризма имеется весьма своеобразное наблюдение К. Леви-Строса, который отметил, что «люди с крупными чертами — магическая проекция ромба в теле женщины» [1994, с. 246].

В иносказательной форме тема «женского угла» обнаруживается в центрально-азитских ритуалах огненной «обработки» против злых сил. Н.М. Пржевальский наблюдал, как «*туркестанцы*» устанавливали зажженные свечи по углам помещений, где проводили свои обряды, (цит. по: [Чвырь, 2006, с. 154, 156]), а таджики, чтобы изгнать из женщины болезнь, ставили светильник между ног больной [Зеленин, 1999, с. 129]. В последнем случае действие огня направлялось на болезнь, персонифицировавшуюся в мифологическом сознании в форме злого духа [Леви-Брюль, 2002, с. 240–241 и др.]. При кажущейся разнице обрядовых действий, в обоих случаях огонь изгонял злые силы из углов или перекрывал им выход в мир людей.

Древность этой идеи и глубоко идущая осмысленность представлений получили в итоге воплощение в стилизациях графического и натурального свойства. Графические модели, символизирующие точки перехода, имеют довольно много вариантов женской символики, но в большинстве случаев они в результате стилизаций и обобщений свелись к изображению фигуры в форме угла (развилки) или треугольника. Эзотерика данных знаков реализовалась в качестве символа «женской дыры», ассоциирующейся с «дырой — утробой», «дырой» Матери-Земли, одинаково рождающей жизнь и смерть [Балакин, 1998, с. 189, 195, 196; Головнев, 1995, с. 487; Степанова, 2008, с. 123, 153, 154]. В первобытном искусстве эзотерическая составляющая сохранялась от верхнего палеолита до эпохи бронзы [Гимбутас, 2006, с. 244], но со временем и утратой знаний те же знаки обрели в орнаментике уже эзотерическое воплощение [Иванов, 1963, с. 28, 53, 150 и др.].

Иногда мифопоэтическое наследие сохраняет древние идеи в изначальном их состоянии. Например, смысл знаков из таблиц А. Леруа-Гурана (по: [Топоров, 2010а, с. 361]) раскрывает описание символов, полученное В.И. Анучиным у кетских шаманов. «*Женский половой орган енисейцы изображают в виде двухконечной развилки (девушка) и трехконечной (женщина)*» (курсив мой. — Ю. О.) [1914, с. 38]. В ассоциативной позиции котел — это женский орган [Балакин, 1998, с. 200], а место стояния котла или женский угол — это, следовательно, промежуточность.

Эссе об углах не является случайным в настоящей работе. С одной стороны, в нем затронуты «ведийские» истоки сибирских представлений о множественности душ, с другой — воззрения о метафизическом тождестве местообитания духов в углах, прямой коннотации углов естественных объектов и человеческого тела. Как становится понятно, ритуалы предсмертного кормления или умилоствления душ проводились через отверстия или выемки, служившие символическими проходами в пространства инаковых сил. Через семантические связи отчетливо видно, что в мировоззрении северных народов сохраняется большой пласт архаичных идей и ритуалов, отложившихся в письменных источниках арийских племен, населявших некогда Северную Азию и оставивших ей свое генетическое и духовное наследие. Но, обращаясь к отголоскам ведийских верований в обрядах сибирских этносов, следует учитывать предшествующие им представления о человеке, его месте в природном, духовном и социальном контексте, т.е. мысли, послужившие основой для мифологических сюжетов ариев и их окружения.

В завершение следует отметить, что исследованные сюжеты из духовного наследия хантыйского и селькупского населения Приобья обнаружили ощутимое сходство с ритуальными практиками, описанными в ведийских источниках II тыс. до н.э. В результате появились новые основания для углубленного исследования причин, динамики и последствий долгого сохранения и применения в обрядовой практике народов тайги столь архаичных воззрений далекого прошлого.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Дремов В.А. Антропологическая экспедиция Томского гос. университета летом 1985 г. Экспедиция на Среднюю Обь (4–25 августа). Полевой дневник // Кабинет антропологии ТГУ. Б.н.

Опись этнографической коллекции, собранной при раскопках хантыйских кладбищ в 1985 г. // Архив МАЭС ТГУ, № 7605.

Литература

Алквист А. Среди хантов и манси: Путевые записи и этнографические заметки. Томск. Изд-во ТГУ, 1999. 179 с.

- Анучин В.И.* Очерк шаманства у енисейских остяков. СПб., 1914. 91 с. (Сб. МАЭ ИАН. Т. II, 2).
- Артюхова И.В.* Архитектурные зарисовки А.Н. Тихомировым с. Семилужного: Этнографический анализ // Музей и современные технологии. Томск: ТГУ, 2006. С. 221–246.
- Атхарваведа* (Шаунака): В 3 т. М.: Вост. лит., 2005. 573 с. (Памятники письменности Востока; СХХХV. Т. 1: Кн. I–VII).
- Байбурин А.К.* Восточнославянские гадания связанные с выбором места для нового жилища // Фольклор и этнография. Л.: Наука, 1977. С. 123–130.
- Байбурин А.К.* Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология. Л.: Наука, 1981. С. 215–226. (СМАЭ; XXXVII).
- Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семиотический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 293 с.
- Балакин Ю.В.* Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале. Новосибирск: Наука, 1998. 288 с.
- Березницкий С.В.* Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов Амуро-Сахалинского региона. Владивосток: Дальнаука, 2003. 486 с.
- Богордаева А.А.* Традиционный костюм обских угров. Новосибирск: Наука, 2006. 239 с.
- Вадецкая Э.Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999. 440 с.
- Гемуев И.Н.* Мировоззрение манси: Дом и космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В.* Небесный всадник. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. 160 с.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.* Религия народа манси: Культовые места (XIX — начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1986. 192 с.
- Гимбутас М.* Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы. М.: РОССПЭН, 2006. 572 с. (Сер. «Гендерная коллекция — зарубежная классика»).
- Головнев А.В.* Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
- Грачева Г.Н.* Традиционное мировоззрение охотников Таймыра. Л.: Наука, 1983. 174 с.
- Гусев А.В., Федорова Н.В.* Древнее святилище Усть-Полуй: Конструкции, действия, артефакты. Итоги исследований планиграфии и стратиграфии памятника: 1935–2012 гг. Салехард: Северное изд-во, 2012. 59 с.
- Елизаренкова Т.Я.* Атхарваведа — структура и содержание // Атхарваведа (Шаунака): В 3 т. М.: Вост. лит., 2005а. С. 22–88. (Памятники письменности Востока; СХХХV. Т. 1: Кн. I–VII).
- Елизаренкова Т.Я.* Комментарий // Атхарваведа (Шаунака): В 3 т. М.: Вост. лит., 2005б. С. 375–558. (Памятники письменности Востока; СХХХV. Т. 1: Кн. I–VII).
- Зеленин Д.К.* Магическая функция примитивных орудий // Избр. тр.: Статьи по духовной культуре: 1917–1934. М.: Индрик, 1999. С. 100–139.
- Иванов С.В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 500 с.
- Йеттмар К.* Религии Гиндукуша. М.: Наука, 1986. 524 с.
- Казакевич О.А.* Йомпа // Мифология селькупов. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. 382 с.
- Карьялайнен К.Ф.* Религия югорских народов. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. Т. I. 152 с.
- Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 2: Мифологическое мышление. М.; СПб.: Университет. книга, 2002. 280 с.
- Катанов Н.Ф.* Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии Н.Ф. Катанова // Этнографические экспедиции Н.Ф. Катанова (1896) и С.Д. Майнагашева (1913–1914) в Хакасии. Абакан, 2007. С. 4–25. (Рукоп. наследие Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории; Вып. 2).
- Ким А.А.* Очерки по селькупской культовой лексике. Томск: Изд-во НТЛ, 1997. 219 с.
- Кон И.С.* Введение в сексологию. М.: Медицина, 1989. 336 с.
- Корусенко М.А., Диянова А.М.* Традиционное воззрение барабинских татар во второй трети XIX — начале XX в.: Представления о духах-хозяевах освоенных пространств // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 2 (15). С. 186–195.
- Косарев М.Ф.* Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.
- Кравченко О.* Почетный старец и младший брат // Сев. просторы. 1999. № 5–6. С. 66–71.
- Кузьмина Е.Е.* Арии — путь на юг. М.; СПб.: Летний сад, 2008. 558 с.
- Кузьмина Е.Е.* Предыстория Великого шелкового пути: Диалог культур Европа — Азия. М., 2010. 240 с.
- Кулемзин В.М.* Ханты и манси // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. С. 363–376.
- Кулемзин В.М.* Традиционные культуры Сибири: Народное сознание и рыночные отношения // Культурологические исследования в Сибири. Омск: Изд-во ОмГПТУ, 1999. Вып. 1. С. 63–66.
- Леви-Брюль Л.* Первобытный менталитет. СПб.: Европейский дом, 2002. 400 с.
- Леви-Строс К.* Структурная антропология. М.: Наука, 1983. 536 с.
- Леви-Строс К.* Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 384 с.
- Левкиевская Е.Е.* Славянский оберег: Семантика и структура. М.: Индрик, 2002. 336 с.
- Лехтисало Т.* Мифология юрако-самоедов (ненцев). Томск: Изд-во ТГУ, 1998. 136 с.

«Ведийские ритуалы» у народов Северо-Западной Сибири: посмертная посуда

- Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов. Томск: Изд-во ТГУ, 1985. 365 с.
- Майнагашев С.Д. Загробная жизнь по представлениям турецких племен Минусинского края // Этнографические экспедиции Н.Ф. Катанова (1896) и С.Д. Майнагашева (1913–1914) в Хакасии. Абакан, 2007. С. 39–53. (Рукоп. наследие Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории; Вып. 2).
- Малявин В.В. Китайская цивилизация. М.: Дизайн. Информация. Картография: Астрель: АСТ, 2001. 632 с.
- Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск. Изд-во НГУ, 1993. 182 с.
- Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 417 с.
- Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск: Наука, 1997. 198 с.
- Медникова М.Б. Трепанации в древнем мире и культ головы. М.: Алейна, 2004. 208 с.
- Мифология селькупов. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. 380 с. (Сер. «Энциклопедия уральских мифологий»).
- Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: История, структура и социальные функции. Новосибирск: Наука, 1987. 288 с.
- Молданов Т., Молданова Т. Боги земли казымской. Томск: Изд-во ТГУ, 2000. 114 с.
- Мосс М. Социальные функции священного. СПб.: Евразия, 2000. 448 с.
- Мошинская В.И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя. М.: АН СССР, 1953. С. 72–106. (МИА; № 35).
- Напольских В.В. Введение в историческую уралистику. Ижевск: Удм. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 268 с.
- Населенные места Салымского края. Вып. науч.-худож. изд. Екатеринбург: Баско, 2005. 304 с.
- Обряды в традиционной культуре бурят. М.: Вост. лит., 2002. 222 с.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ Ltd, 1992. 960 с.
- Ожередов Ю.И. Столб в погребальном обряде шиешгула // Самодийцы. Тобольск; Омск, 2001. С. 224–227.
- Ожередов Ю.И. Семантический аспект географического размещения могильников «шиешгула» // Культура как система в историческом контексте: Опыт Зап.-Сиб. археолого-этнографических совещаний. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 224–226.
- Ожередов Ю.И., Мунхбаяр Ч., Ожередова А.Ю., Мунхжаргал Н. Археолого-этнографические комплексы гор Хойт-Улан и Урд-Улан у сомонного центра Эрдэнэ-Бурэн в Ховдском аймаке // Монгол Алтай. № 2. Улаанбаатар хот, 2007. С. 67–72.
- Окладникова Е.А. Модель вселенной в системе образов наскального искусства тихоокеанского побережья Северной Америки: Проблема этнокультурных контактов аборигенов Сибири и коренного населения Северной Америки. СПб.: МАЭ РАН, 1995. 320 с.
- Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды. М.: Высш. шк., 1990. 319 с.
- Пелих Г.И. Элементы переднеазиатской культуры у нарымских селькупов // Сб. науч. работ исторических кафедр. Томск, 1963. С. 159–174. (Тр. ТГУ. Т. 171).
- Пелих Г.И. Происхождение и история селькупов: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1972а. 40 с.
- Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск: ТГУ, 1972б. 424 с.
- Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. С. 5–70.
- Пелих Г.И. Селькупская мифология. Томск: НТЛ, 1998. 80 с.
- Перевалова Е.В. Эротика в культуре хантов // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. С. 85–97.
- Прокофьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 106–128.
- Прокофьева Е.Д. Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Памятники культуры народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1977. С. 66–79. (СМАЭ; XXXIII).
- Прыткова Н.Ф. Одежда хантов // СМАЭ. Л., 1953. Вып. XV. С. 123–233.
- Рындина О.М., Боброва А.И., Ожередов Ю.И. Ханты Салымского края: Культура в археолого-этнографической ретроспективе. Томск: ТГУ, 2008. 412 с.
- Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Знак и ритуал. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1990. 209 с.
- Салымский край. Науч.-худож. изд. Екатеринбург: Тезис, 2000. 344 с.
- Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск: Наука, 2001. 296 с.
- Семенова В.И. Мифология мира мертвых по мифологическим и археологическим источникам Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2008. 213 с.
- Сказки и мифы эскимосов Сибири, Аляски, Канады и Гренландии. М.: Наука, 1985. 670 с.
- Смирнов Ю.А. Лабиринт: Мифология преднамеренного погребения: Исследования, тексты, словарь. М.: Вост. лит. РАН, 1997. 279 с.
- Соколова З.П. Жилище народов Сибири: (Опыт типологии). М.: ТриЛ, 1998. 288 с.

- Соколова З.П. Обско-угорский феномен: Место культуры хантов и манси в культуре народов Сибири // Исторический ежегодн. Спец. вып. Омск, 2001. С. 36–53.
- Степанова О.Б. Традиционное мировоззрение селькупов: Представление о круговороте жизни и душе. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. 304 с.
- Талигина Н.М. Обряды жизненного цикла у сынских хантов. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. 176 с.
- Топоров В.Н. Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука, 1981. С. 146–162.
- Топоров В.Н. О ритуале: Введение в проблему // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М.: Глав. ред. вост. лит., 1988. С. 7–60.
- Топоров В.Н. Изобразительное искусство и мифология // Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. М.: Рукоп. памятники Древней Руси, 2010а. Т. 2. С. 352–389.
- Топоров В.Н. Река // Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 2. М.: Рукоп. памятники Древней Руси, 2010б. С. 457–470.
- Федорова Е.Г. Материалы по погребально-поминальной обрядности салымских хантов // Материалы полевых этнографических исследований. СПб., 1996. Вып. 3. С. 102–117.
- Федорова Е.Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: Проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб.: Европейский Дом, 2000. 366 с.
- Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: Изд-во полит. лит., 1983. 703 с.
- Чவர்ь Л.А. Обряды и верования уйгуров в XIX–XX вв.: Очерки народного ислама в Туркестане. М.: Вост. лит., 2006. 288 с.
- Чернецов В.Н. О проникновении восточного серебра в Приобье // ТИЭ АН СССР. 1947. Т. I. С. 113–134.
- Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М.: СССР, 1959. С. 114–156. (ТИЭ. Нов. сер. Т. LI).
- Чеснов Я.А. Мужское и женское начало по представлениям абхазо-адыгейских народов // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб.: Наука, 1991. С. 132–158.
- Шаньшина Е.В. Мифология первотворения у тунгусоязычных народов юга Дальнего Востока России: (Опыт мифологической реконструкции и общего анализа). Владивосток: Дальнаука, 2000. 157 с.
- Штернберг Л.Я. Фаллический культ // Энцикл. словарь Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1902. Т. 35. С. 266–267.
- Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии: Исследования, статьи, лекции. Л.: Ин-т народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. 573 с.
- Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003. 528 с.
- Юнг К.Г. Перемещение либидо как возможный источник первобытного человеческого творчества // Между Эдипом и Озирисом. М.: Совершенство, 1998. С. 247–275.
- Яшин В.Б. Иранские элементы в мифологии угорских народов Западной Сибири как результат контактов эпохи бронзы — раннего железа: Автореф. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 19 с.
- Яшин В.Б. Еще раз о митраистских истоках культа Мир-сусне-хума у обских угров // Народы Сибири: История и культура. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. С. 44–52. (Сер. «Этнография Сибири»).
- Patkanov S. Die Irtisch-Ostjaken und ihre volkspoesie. (Иртышско-остяцкая народная поэзия). Ч. II: Русский перевод иртышско-остяцких текстов. Т. II. St.-Petersburg, 1900. 123 с.

Томский государственный университет,
Музей археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ
nohoister@gmail.com

The article describes archaeological and ethnographic sources from burial places of late medieval and New Time belonging to Selkups from a local dialect group of «shieshgula» (see Barklaj, Kustovsky), and Salym Khanti (Ust-Balyk). It allows to correlate burial and commemorative rites with Ob Ugrians and Samoyeds with notions of ancient peoples who left a description of their burial procedures in the written sources named Vedas.

Ob Ugrians, Khanti, north Samoyeds, proto-Selkups, a local dialect group of «shieshgula», XVI–XVII cc., Vedas, Arians, burial and commemorative rite, dishes, corner, a fork in a funeral rite.

РЕЦЕНЗИИ

С.Ф. Кокшаров

ФАКТЫ, КОММЕНТАРИИ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Рецензия на издание: Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Коллективная монография. — Екатеринбург: изд-во «Уральский рабочий», 2011. — 192 с., с ил.

Могильник Сатыга XVI — один из интереснейших объектов бронзового века Западной Сибири, привлекая внимание специалистов с момента его открытия. Достаточно сказать, что находки с некрополя почти сразу вошли в обобщающую монографию Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых «Древняя металлургия Северной Евразии», а памятник отнесен к сейминско-турбинским (далее — СТ) древностям [1989, с. 22–23, 275]. Это мнение было поддержано и другими исследователями [Григорьев, 1999, с. 192; Кузьминых, Дегтярева, 2006а, с. 233].

В 1987–1988 гг. памятник изучался Е.М. Беспрозванным, применившим индивидуальную фиксацию находок и промывку культурного слоя. Участвуя в 1988 г. в раскопках Сатыги XVI, я лично убедился в эффективности сочетания данных методик. Трудоемкая процедура промывки (просеивания) позволяла отследить даже мельчайший антропологический материал, например эмаль зубов. По моим подсчетам, человеческие останки были зафиксированы в 2/3 изученных могил. Значимость этих находок была очевидна, благодаря им сокращалось количество символических захоронений (кенотафов), являющихся характерной чертой СТ некрополей [Черных, Кузьминых, 1987, с. 84, 87; 1989, с. 5; Студзицкая, Кузьминых, 2001, с. 133–134]. Раскопки Сатыги позволили со значительной степенью уверенности говорить, что большое количество «кенотафов» на СТ памятниках объясняется не столько особенностями погребального обряда, сколько плохой сохранностью костей и, к сожалению, невысоким качеством полевых исследований.

С чертежами и находками 1987–1988 гг. мне довелось ознакомиться при подготовке кандидатской диссертации. Параллельно зарисовывались вещи: бытовая и технологическая керамика (посуда, литейные формы), изделия из металла, камня и кости. В этой работе мне оказали существенную помощь коллеги — А.А. Погодин и И.Е. Лебедева. Тогда же посчастливилось ассистировать В.А. Дремову, любезно согласившемуся осмотреть «сверхплановую» антропологическую коллекцию Сатыги. После совместной поездки на Кинтусовский могильник в сентябре 1983 г. это была последняя встреча с замечательным исследователем. Включение в книгу антропологических определений, сделанных Владимиром Анатольевичем, взятых из его личного архива, стало для меня приятной неожиданностью.

На рубеже 1980–1990-х гг. Е.М. Беспрозванный, склонный «скорее к коммерческой, чем научной деятельности» [Формозов, 2004, с. 303], покинул археологическую лабораторию Уральского университета. После этого идея совместной печатной работы по Сатыге потеряла для меня актуальность, хотя подобные предложения периодически поступали. Не драматизируя сложившуюся ситуацию, всегда считал, что научный отчет и находки интереснейшего памятника не пропадут и, рано или поздно, будут изданы.

По прошествии многих лет еще раз убеждаюсь, что любая публикация материалов некрополя, подготовленная в те годы, уступала бы в типографском исполнении книге 2011 г. Сейчас сняты многие барьеры, осложнявшие и сдерживавшие ранее выход печатных работ. Кроме того, появились возможности привлечения как бюджетных, так и внебюджетных средств.

В написании книги приняли участие не только археологи, исследовавшие Сатыгу XVI лично, но и специалисты, изучающие древние производства, — Л.Л. Косинская, А.Д. Дегтярева и С.В. Кузьминых. В работе публикуются результаты анализов антропологических и археозоологических остатков, выполненных В.А. Дремовым, Д.И. Ражевым и П.А. Косинцевым. Все они прекрасно понимали, что имеют дело с материалами памятника, очень востребованного в среде археологов, изучающих проблемы бронзового века не только Западной Сибири, но и обширной территории Евразии, поэтому постарались добротной и всесторонне представить предмет своих изысканий.

Подготовка рисунков велась супругами Н.А. и В.Н. Широковыми и В.И. Стефановым. Владимир Иванович выработал в археологической графике свой особый стиль, который легко рас-

познается даже в том случае, если его иллюстрациями пользуются коллеги по работе и обычно без упоминания имени создателя. Окончательная доводка изображений и значительная работа по макетированию книги осуществлены специалистом по бронзовому веку Сибири А.Я. Труфановым. Графика, дополненная фотоснимками, и информативные таблицы подчеркивают особую тщательность работы с публикуемыми источниками, а читатель может их сопоставить.

Соавторство всегда предполагает серьезную работу по модерированию текстов, принадлежащих перу разных авторов. Из выходных данных книги и предисловия следует, что эта задача поделена между А.Я. Труфановым (ответственный редактор) и В.И. Стефановым (общее редактирование всех глав). В качестве рецензентов книги фигурируют известные уральские археологи Н.В. Федорова и В.А. Борзунов.

Структурно монография состоит из предисловия, пяти глав, списков литературы и источников, сокращений и иллюстраций, представленных графическими рисунками и фотографиями. Удивляет отсутствие заключения, в котором бы содержались выводы коллективного исследования или озвучивались проблемы, касающиеся культурологической модели СТ феномена. В связи с этим замечу, что заключение — одно из обязательных требований, предъявляемых даже к журнальным статьям.

Возможно, заключение сочтено излишним, так как часть вопросов обозначены О.Н. Корочковой и В.И. Стефановым в последней главе, где могильник Сатыга рассмотрен на фоне памятников бронзового века Зауралья и Западной Сибири. Если заключение заменено пятой главой, то невольно возникает вопрос, почему в подведении итогов работы участвовали не все авторы? Получается одно из двух: либо другие исследователи делегировали О.Н. Корочковой и В.И. Стефанову формулирование выводов, будучи с ними солидарными, либо, напротив, категорически не хотели подписываться под заключительной частью. Впрочем, не исключен и третий вариант, который представляется мне наиболее вероятным. Соавторы просто не ознакомились с текстом пятой главы и, вполне естественно, не имели возможности для внесения в него правок и дополнений. В любом случае, заявленная коллективность монографии выглядит странной.

В предисловии содержится необходимая физико-географическая характеристика того района, где расположен могильник, краткая история изучения объекта, что можно только приветствовать. Однако обойден стороной вопрос об этимологии термина «Сатыга», склоняемого в тексте в женском роде: «*Сатыга... может быть отнесена...*» [Беспрозванный, Корочкова, Стефанов, 2011б, с. 6], «*Сатыга не слишком богата...*» [Корочкова, Стефанов, 2011а, с. 21], «*Сатыга не лишена индивидуальных особенностей...*» [Там же, с. 29], «*...ее сравнительно поздний возраст...*» [Корочкова, Стефанов, 2011б, с. 84]. Между тем это имя одного из грозных вогульских властителей XVIII в., являвшегося потомком князя Агая, который в конце XVI в. правил Кондой. Сатыга пользовался значительным влиянием у кондинского населения и мог повести за собой до 600 человек, оказывая вооруженное сопротивление крестителю Филофею Лещинскому [Бахрушин, 1935, с. 83–84]. Память о таежном воине сохранена в гидрониме — названии проточного озера Сатыгинский Туман, на берегу которого расположен могильник. К сожалению, и авторы, и редактор, и рецензенты упустили этот факт средневековой истории Кондинского края. Данный казус не привлек бы внимания, если бы не комментарии авторов относительно удачных/неудачных, с их точки зрения, понятиях, предлагаемых другими археологами [Корочкова, Стефанов, 2011б, с. 72, 75].

Значительное место в книге уделено рассмотрению и анализу источников (главы 1–4), а меньшая часть посвящена комментариям, касающимся выяснения места Сатыги XVI в свите древностей бронзового века Евразии (глава 5). Соотношение выделенных блоков по объему вполне естественно, а выбранная структура традиционна для многих археологических работ.

Вынесение общих сведений о памятнике в первую главу вряд ли удачно из-за ее незначительного объема (две с небольшим страницы). Уместно было рассмотреть данный вопрос в отдельном параграфе в главе «Описание исследованных объектов некрополя Сатыга XVI». Тем более, что эти блоки готовились одними авторами.

Во второй главе дано описание погребений, большая часть которых (1–33) раскопана Е.М. Беспрозванным. Это не копия научного отчета, хранящегося в архиве ИА РАН, а тщательно переработанный текст. В полной мере это относится к сопровождающим планам погребений. Присутствие среди авторов фамилии Е.М. Беспрозванного могло бы свидетельствовать о его согласии с редактированием исходной отчетной документации, но сомнения на этот счет возникают далее, когда приступаешь к внимательному прочтению главы.

В первую очередь книга представляет собой публикацию источников, поэтому обращает на себя внимание подача некоторых ключевых объектов и находок. Хотел бы остановиться, в частности, на рассмотрении погребений 9 и 11 (уч. Ж-3/9-10).

Восточная часть могильной ямы 11, дно которой засыпано слоем охры, прокопана до материка могилы 9, из чего следовало бы говорить о одновременности объектов. Вряд ли необходимо объяснять значимость подобных фактов при установлении последовательности погребений, например, при раскопках курганов, когда появляется великолепная возможность выяснения относительной хронологии разнокультурных комплексов. Однако О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов незамедлительно интерпретируют факт. Перекрытие захоронений есть результат некоего загадочно-интригующего действия: «*проявление намеренных акций, о смысле которых можно только догадываться*» [2011а, с. 23].

Причина, повлиявшая на отход от предметного обсуждения наблюдаемой стратиграфии, лежит, что называется, «на поверхности». Соавторы позиционируют себя сторонниками культурологической модели СТ феномена, предложенной Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых в конце 1980-х гг. [Корочкова, Стефанов, 2011б, с. 77-78]. Они соглашались, что могильник Сатыга XVI могла оставить одна из северных групп СТ мигрантов, двигавшаяся к Уралу в сторону р. Печоры и Канинской пещеры, которая оказалась в инокультурной среде [Черных, Кузьминых, 1989, с. 275]. Предполагаемая стремительность продвижений СТ популяций, занявших ~100-200 лет [Там же, с. 261, 276; Они же, 1987, с. 105], исключает долговременное функционирование Сатыги XVI и соответственно сколько-нибудь существенный хронологический разрыв между могилами 9 и 11. В данном случае отрицается первичность источника и археологический факт (разновременность погребений) преподнесен второстепенным по отношению к неоднозначно воспринимаемой модели СТ передвижений в Северной Евразии.

Наблюдаемая стратиграфическая ситуация, напротив, заслуживает самого пристального и детального рассмотрения.

Прежде всего, обращают на себя внимание расхождения в планах обоих погребений, помещенных в отчете Е.М. Беспрозванного [1988, с. 9, рис. 12] и опубликованных в книге. Так, например, на план могилы 9 вынесены не все фрагменты бересты, найденные в северной и центральной части могилы, а в захоронении 11 две из четырех горелых плах (ур. -70...-72 см) обозначены берестой [Сатыга XVI, 2011, рис. 2.10. - 1]. Между тем эти конструкции достаточно крупные, хорошо читаемые в плане и поперечном разрезе могилы 11, который почему-то не включен в публикацию [Беспрозванный, 1988, рис. 12, профиль В-В']. Согласно тексту отчета, в могиле 9 лежал развал сосуда [Там же, с. 9], но в книге он обозначен простым скоплением керамики [Сатыга XVI, 2011, рис. 2.10. - 1]. На плане могилы 11 отсутствует кость, лежавшая среди обломков сосуда. В рецензируемой работе она подменена фрагментом керамики. Не исключая, что «невнимательность» автора раскопок, заинтересованного, казалось бы, в максимально точном воспроизведении отчетной документации, объясняется его формальным участием в создании книги. Этот вывод подкрепляется и нижеследующими наблюдениями.

В книге довольно странно рассмотрена керамика из обеих могил. Находки упомянуты в тексте и даже обозначены на планах [Беспрозванный, Корочкова, Стефанов, 2011а, с. 13-14, рис. 2.10. - 1]. Однако в иллюстрациях представлен лишь один из сосудов. Это емкость варпаульского типа, происходящая, по уверению авторов, из частично разрушенной ранней могилы 11 [Там же, с. 14, рис. 2.10. - 2]. Прорисовка же сосуда из погребения 9 почему-то не дана, как, впрочем, и не приводится его описание. Отсутствие рисунка и поясняющего текста по данному поводу настораживает и вызывает недоумение, поскольку сопроводительный инвентарь принято освещать в полном объеме.

Разновременность погребений 9 и 11 и особенности связанной с ними посуды привлекли мое внимание еще в конце 80-х гг., когда я имел доступ к коллекции могильника, работая над диссертацией. Стратиграфия и планиграфия обоих объектов свидетельствовали не только об их очевидной одновременности, но и о том, что захоронения совершены через продолжительный временной интервал, в течение которого могильная яма 11 должна была заплывть и стать малозаметной на поверхности террасы. Что касается поздней могилы 9, то она хорошо выстраивается в один ряд с другими варпаульскими погребениями — 4, 12, 24, 27 [Сатыга XVI, 2011, рис. 1.5].

На хронологический разрыв между погребениями 9 и 11 указывал также облик связанной с ними керамической посуды.

Захоронение 11 было одним из немногих объектов, в заполнении которого находился почти полный развал сосуда, но совершенно не того, на который указывают авторы рецензируемой книги. Это была толстостенная банка, фигурирующая в монографии на рис. 2.41. – 3 и 4.5.3. – 4. Она имела открытую форму и украшена отпечатками печатного гребенчатого штампа, образующими в верхней части сосуда вертикальные колонки, пространство между которыми заполнено горизонтальными параллельными поясками. Эта зона отделена от придонной части горизонтальной «волной», составленной из двух параллельных поясков отпечатков штампов. Декоративно-морфологические особенности сосуда позволили отнести его к керамике полымьятского типа. В.И. Стефанов также выделяет эту находку из керамической коллекции могильника, обращая внимание на толщину стенок емкости и ее оригинальный декор [2011, с. 53]. Удивило неожиданное перемещение данного сосуда в пределах уч. Е/9: из могилы 11 в условное «погребение» 43 [Беспрозванный, Корочкова, Стефанов, 2011а, с. 20, рис. 2.41. – 3 и 4.5.3. – 4].

На этом «телепортация» керамики в уч. Е/9 не завершилась. Горшечно-баночный сосуд варпаульского типа из заполнения более позднего погребения 9 оказался перемещенным в захоронение 11 [Сатыга XVI, 2011, рис. 2.10. – 2 и 4.5.6. – 3].

Факт перекрытия погребений с полымьятской и варпаульской керамикой на могильнике Сатыга XVI отмечался еще в 1993 г. в рукописи кандидатской диссертации [Кокшаров, 1992, с. 124], а также в статье, опубликованной за полгода до выхода рецензируемой монографии [2011а, с. 180]. Однако О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов сочли достаточным ограничиться одной работой конспективного содержания [Кокшаров, 1991б, с. 98], безапелляционно подытожив, что факты стратиграфии полымьятских и варпаульских объектов неизвестны и вряд ли существуют [2011б, с. 75].

Изложенное выше однозначно свидетельствует о том, что соавторы не смогли, в силу каких-то обстоятельств, разобраться в распределении материала в объектах, допустив «кочевание» находок в пределах уч. З/9. Одна из возможных причин случившегося — неоднократные подтопления действующего хранилища археологических коллекций университета по проспекту Ленина, 51, и его аварийное состояние. После форс-мажорных событий и переноса коллекций могли быть утрачены не только отдельные вещи, но и шифры, нанесенные на предметы. Кстати, на неоднократные перемещения вещей и утраты некоторых их деталей указывают авторы [Кузьминых, 2011б, с. 33]; это заметно и по некоторым рисункам вещей, например реконструкциям кельтов (см. далее).

В третьей главе «Погребальный обряд» могильник сопоставляется с памятниками сейминско-турбинского времени по топографии и инвентарному комплексу [Корочкова, Стефанов, 2011а, с. 21]. Наличие «специфических изделий из металла и камня» выдает СТ принадлежность кондинского некрополя [Там же, с. 25]. Правда, из этой фразы вовсе не следует, что О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов принимают точку зрения Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых [1989, с. 22–23, 275]. В пятой главе они уже не столь настойчивы и категоричны и признают проблему культурной принадлежности могильника нерешенной [Корочкова, Стефанов, 2011б, с. 61]. Справедливо подчеркивается, что в модель подвижности и динамичности СТ групп не вписываются крупные размеры кладбища, наличие захоронений женщин и детей, перекрытие могил и облик керамической посуды¹ [Там же, с. 84].

О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов предпочитают не говорить о проникновении в таежные районы Западной Сибири (на Конду, в частности) двух исходных СТ групп, определяемых специалистами как алтайский и саянский компоненты [Черных, Кузьминых, 1989, с. 270]. В качестве возможных ретрансляторов позднебронзовых технологий в металлопроизводстве и бронзовых орудий СТ облика авторы главы называют прииртышское население, оставившее памятники степановской и кротовской культур [Там же, с. 81], а сам могильник отражает контакты СТ популяций (или групп, племен, племенных группировок, к сожалению, авторы не уточняют. — С. К.) среднеиртышского происхождения [Там же, с. 85]. По логике рассуждений, на смену исходной саяно-алтайской СТ группировке приходит другая — иртышская. В таком случае следовало бы пояснить, что произошло с первой популяцией в Прииртышье и какая из названных групп (а может быть, обе?!) пересекла Урал, оставив по ходу движения Турбино, Сейму и другие объекты.

¹ Замечу, что во всех главах, за исключением пятой, О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов избегают определения «варпаульский тип керамики», предложенного в 1991 г. для обозначения основного комплекса могильника Сатыга XVI [Кокшаров, 1991а, с. 68; 1991б, с. 98, рис. 2; 1993, с. 11–12; 2006, с. 51–53; 2011а, с. 180].

Первоочередное внимание авторов обращено на особенности кондинского могильника. С одной стороны, они отмечают здесь отсутствие эффектных изделий из металла и нефрита, известных на других СТ памятниках, а с другой стороны, указывают на многочисленность керамической посуды и большое количество могил, свидетельствующих о долговременности некрополя.

Действительно, в Сатыге нет «исконно этнического» или «этнически знакового», по определению Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, СТ бронзового оружия совершенных форм — наконечников копий с вильчатым стержнем, кельтов и кинжалов с металлическими рукоятями [1987, с. 84, 105]. Последним отведено особое место. Они рассматриваются специалистами как оружие исключительно «княжеского» ранга, социально более значимое, чем наконечники копий и кельты. Наличие в коллекциях кинжалов признается достаточным основанием для определения СТ принадлежности памятников, на которых они были найдены (Сейма, Турбино, Ростовка, Елунино, Галичский клад) [Черных, Кузьминых, 1989, с. 108–110; Студзицкая, Кузьминых, 2001, с. 134; Черных, 2009, с. 270–271, 273]. Отсутствие престижных металлоемких вещей на кондинском могильнике объяснено нехваткой металла у мигрантов, оказавшихся вдали от источников сырья, и экономным расходом металла. Однако подобные рассуждения не более чем интерпретации, которые, как известно, вторичны по отношению фактам (археологическим источникам).

Пластинчатые ножи, долота из металла, наконечники стрел и ножи из кремня, костяные пластины с отверстиями, найденные в Сатыге, имеют транскультурный облик и вполне могут быть атрибутированы как синхронизмы. В этой связи любопытны разногласия О.Н. Корочкиной и В.И. Стефанова с С.В. Кузьминых в отношении культурной принадлежности западно-сибирского могильника Товкуртлор 3 (бассейн р. Казым). Он сближается с Сатыгой по облику кремневых наконечников стрел [Косинская, 2011, с. 50] и наличию ножей-скобелей разряда НК-24 [Кузьминых, 2011б, с. 35]. Екатеринбургцы предполагают, что некрополь оставлен таежными аборигенами [Корочкина, Стефанов, 2011а, с. 29], тогда как их коллега включил его в базу данных СТ древностей, связав с южно-сибирскими мигрантами [Кузьминых, 2011в, с. 245]. Судя по всему, соавторы так и не смогли определиться с СТ или самусьско-кижировской (далее — СК) принадлежностью Товкуртлора 3, пойдя на компромисс, отраженный в публикуемых картах [Сатыга XVI, 2011: ср. рис. 5.1.1 и 5.1.2].

В главе сделана попытка разобраться в хаотическом на первый взгляд расположении могил. Авторы верно подметили такие признаки, как концентрация захоронений в центральной, наиболее возвышенной части могильника и отчетливые ряды, образуемые некоторыми погребениями. Вместе с тем параметры могильных ям (длина, ширина, глубина), приводимые в тексте, трудны для восприятия. Давно известно, что подобная информация лучше организуется и воспринимается в табличном виде.

К сожалению, в этой части работы отсутствуют какие-либо упоминания о применении в 2001 г. промывки и просеивания грунта из погребений. Не исключаю, что О.Н. Корочкина, запросившая в тот год Открытый лист, не прибегала к проверенной методике. Иначе она получила бы антропологический материал не из трех, а из большего числа захоронений.

За истекшие годы материалы могильника успели, что называется, «отлежаться», а после раскопок 2001 г. они даже пополнились [Корочкина и др., 2002, с. 428–430]. С течением времени изменилось отношение исследователей к некоторым источникам. Например, кремнированные человеческие останки, датированные мезолитическим временем [Беспрозванный, Погодин, 1998, с. 48–62], В.И. Стефанов и О.Н. Корочкина предложили связать с некрополем бронзового века [2011а, с. 24–25, примеч. на с. 60]. Они предусмотрительно не категоричны в суждениях и предпочитают говорить о неоднозначной оценке упомянутых находок [Беспрозванный, Корочкина, Стефанов, 2011б, с. 5].

В главе 4 «Характеристика инвентаря» подкупает обстоятельность изложения характеристик и детальное рассмотрение различных категорий находок: литейных форм, изделий из металла, включая химический и структурный металлографический анализы, инвентаря из камня, кости и керамической посуды. Особое внимание привлекают типологические построения и попытки обобщения полученных результатов.

К числу особенностей сатыгинского металла отнесены низкая степень легированности Sn и низкое его содержание (0,8–3,6 %), отливка орудий без последующей кузнечной обработки (47 %) при полном отсутствии таких способов получения орудий, как формообразующаяковка, сварка, а также редкость использования упрочняющего наклепа на лезвиях [Дегтярева, Кузьминых, 2011, с. 40, 42–44]. Эта коллекция находится особняком по отношению к синташтинским и пет-

ровским материалам, где крайне редко практиковалось литье готовых форм или литье в сочетании с небольшими степенями деформации металла [Там же, с. 44].

Интересен вывод А.Д. Дегтяревой и С.В. Кузьминых о наибольшей близости металлических изделий Сатыги (по некоторым традициям и навыкам) с коллекциями ямных памятников Приуралья, где было широко распространено получение медных отливок в формах в сочетании с кузнечной доработкой рабочей части при средних степенях обжата [Там же]. Это замечание довольно любопытно, так как может свидетельствовать о сохранении традиций в сфере металлообработки. Дело в том, что в начале бронзового века на Конде было впервые освоено литье заготовок в открытых формах, обрабатывавшихся впоследствии ковкой. Это производство возникло, скорее всего, не конвергентно, а в результате опосредованного влияния металлургических и металлообрабатывающих очагов ЦМП на позднем этапе ее существования [Кокшаров, 2011в, с. 129] и сохранялось до начала позднего бронзового века в верхнем течении Конды и южной части Нижнего Приобья [Кокшаров, Погодин, 2005, с. 109–110].

Казалось бы, при скрупулезности описательной части в ней не должно остаться существенных пробелов. Однако неудовлетворительная сохранность находок обусловила неоднозначность восприятия некоторых вещей. Соглашусь с С.В. Кузьминых, что сохранность матриц, особенно для изготовления кельтов, оставляет желать лучшего. В связи с этим хотел бы обратиться на внимание на расхождения в реконструкции литейных форм для кельтов и ножа, связанных с погребением литейщика.

После первого знакомства с находками Сатыги Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых отнесли «*обломки от трех-четырех глиняных матриц*» к негативам кельтов разряда К-10 [1989, с. 46]. Однако в 2011 г. С.В. Кузьминых существенно скорректировал прежнюю оценку [2011в, с. 244]. Он ведет речь о реконструируемых кельтах двух типов. В одной из матриц могли отливаться орудия разрядов К-14 или К-18, в другой — изделия разрядов К-10 или, с меньшей вероятностью, К-16 [Кузьминых, 2011а, с. 30–31]. Опираясь на иллюстрации В.И. Стефанова, он сосредоточивается на вероятном облике отливок и их параметрах.

Не ставя под сомнение выводы о принадлежности отливок к обозначенным разрядам, сфокусирую внимание на нюансах в передаче некоторых деталей публикуемых материалов. Высоко оценивая графику Владимира Ивановича, вижу в его реконструкциях не только перемещения фрагментов от различных форм, но даже утраты отдельных обломков.

Обломки действительно принадлежат двум формам для кельтов. Подбор и последующее склеивание фрагментов позволили мне получить графические реконструкции, отличающиеся в деталях от тех, что предложены в книге В.И. Стефановым и использованы С.В. Кузьминых [2011а, с. 30–31]. Чтобы не быть голословным, приведу собственные рисунки обеих матриц (рис. 1) в надежде, что в возникшем вопросе нас рассудит третья, не ангажированная сторона.

Работая над реконструкциями матриц в 1980-х гг., я обратил внимание на такие признаки, как толщина стенок створок в местах их совмещения, глубина канавок, оформлявших «ребра жесткости», и наличие параллельных и пересекающихся пропилов, позволявших безошибочно собрать форму.

У матрицы кельта разряда К-10 (К-16) уплощенное основание, максимальная толщина боковых стенок наблюдается в верхней части изделия, ближе к устью, — 6,5–8 мм, а минимальная — в нижней, 4,5 мм (рис. 1, 1А–1Д). В противоположной части изделия ширина бортика между полостью, оформлявшей лезвие кельта, и торцом матрицы еще меньше — ~2,5–3 мм. Канавка, опускающаяся почти до угла лезвия, широкая и глубокая [Кокшаров, 2006, рис. 3, 1б]. Предполагаемая длина кельта, ширина лезвия, длина и ширина втулки — 106; 51; 45×31 мм.

Форма для кельтов К-14 (К-18) имеет скорее округло-уплощенное основание, ширина бортиков в устьевой части чуть меньше и составляет ~5,5–6 мм, сужаясь у лезвия до 4,5 мм (рис. 1, 2А, 2В, 2Г). Наибольшая ширина бортика в торцовой части формы 5 мм, т.е. почти в два раза больше, чем у первого изделия. Канавка, упирающаяся в угол, образуемый боковой гранью и лезвием орудия, почти вдвое уже и не столь глубока, как в первом случае. Предполагаемые размеры отливки — 109; 60; 49×37 мм.

Другое замечание касается облика пластинчатого ножа. Особенности его морфологии обсуждались Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых в связи с возможным отнесением находки к разряду НК-6 [1989, примеч. на с. 94]. Впоследствии перечень разрядов был расширен до НК-2, 4, 6 и уточнено, что изделия приобретали окончательный облик после кузнечнойковки [Кузьминых, 2011в, с. 244].

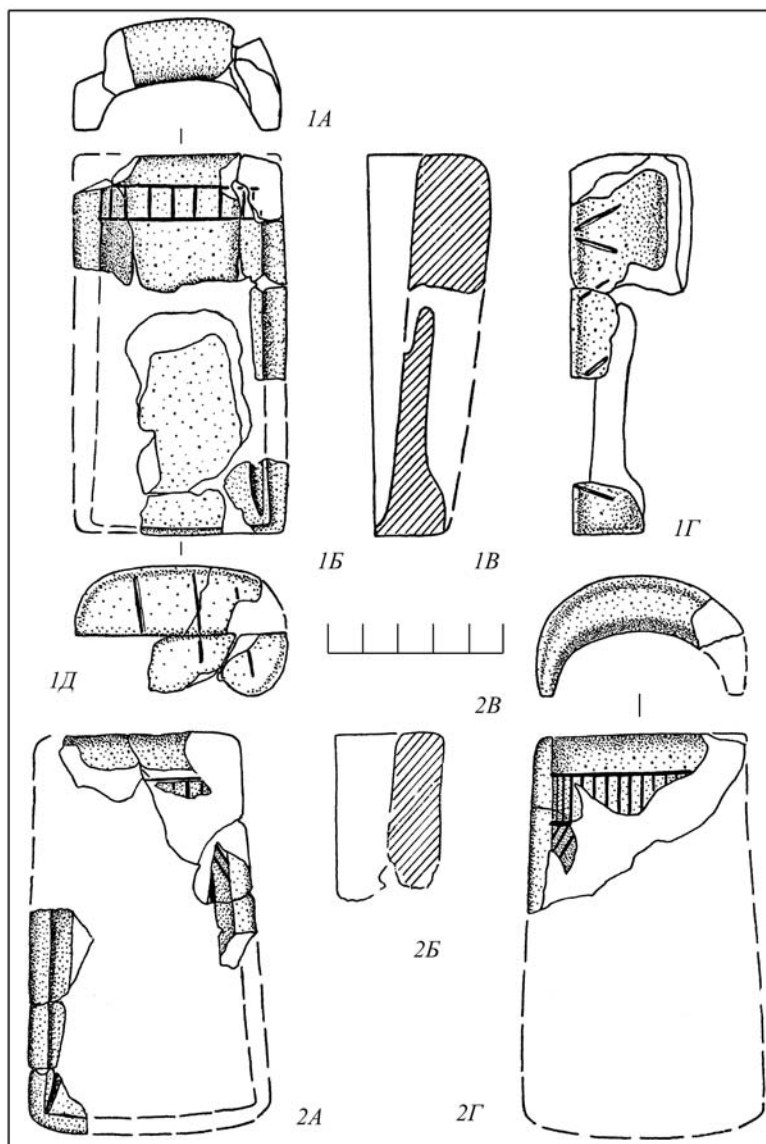

Рис. 1. Прорисовки литейных форм кельтов из погребения 5 могильника Сатыга XVI

Разряды НК-2, 4 и 6 отнесены к диагностическим СТ типам ножей [Черных, Кузьминых, 1989, с. 91]. В рецензируемой книге С.В. Кузьминых поясняет, что в определении типологической принадлежности получаемой отливки следует обратить внимание на расширение лезвия в средней части (или близко к ней), что присуще изделиям разряда НК-4, имеющимся на могильнике [Кузьминых, 2011а, с. 31]. Однако он не настаивает на этом выводе. В параграфе 4.3, подготовленном совместно с А.Д. Дегтяревой, отмечается, что в двусторонних (с матрицей с негативом ножа и плоской крышкой) литейных формах с литниковым каналом производились изделия типов НК-2 и 4 [Дегтярева, Кузьминых, 2011, с. 40–41].

Некатегоричность суждений исследователей вполне объяснима. Конфигурация негатива может действительно указывать на оригинальность отливки, имевшей облик отличный от того, на который указывают специалисты (орудия типов НК-2, 4, 6). На стороне противоположной литнику наблюдается отчетливое сужение полости, после чего она меняет под прямым углом направление, подходя к самому краю (?) формы. Изгиб позволял получать пластинчатые двулезвийные ножи со своеобразным «L»-образно загнутым острием. Размер получаемой отливки — 11 (?) × 2–24 × 3 мм.

Ножи с клювовидным концом (ножи-пилки) фигурируют в сводках СТ металла под разрядами НК-18, НК-20 [1989, с. 101, 103, рис. 60, 4, 6]. Один из них, крепившийся в костяной рукояти, происходит из погребения 20 могильника Ростовка. В.И. Матющенко и Г.В. Синицына отнесли его к VIII классу ножей [1988, с. 30, 80, рис. 35, 1; 80, VIII]. Первоначально Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых включили ростовкинский экземпляр в условно выделенный разряд НК-28 [1989, с. 105]. В рецензируемой книге вещи данного типа определены как ножи-вкладыши и рассматриваются в качестве характерных орудий восточной зоны распространения СТ-памятников [Кузьминых, 2011б, с. 36–37]. В качестве еще одного аналога можно привести изделие, происходящее с Шайтанского озера II [Сериков и др., 2008, рис. 3, 29; 2009, рис. 4, 11]. Правда, судя по рисунку, крюк оформлен не на острие, а на насаде. Окончательный вывод о выделении ножей с крюком (или клювовидным концом) в отдельный тип может быть сделан лишь после микроструктурного металлографического анализа, в ходе которого будет установлена технология оформления изгиба лезвия (ковка или литье).

Авторы справедливо отметили неместное происхождение ножа разряда НК-16 из могилы 3 [Кузьминых, 2011б, с. 34]. Эта находка, отнесенная к числу ножей срубно-андроновского типа, неоднократно упоминалась в связи с синхронизацией варпаульских комплексов Западной Сибири (Сатыга XVI, Сайгатино VI, Товкуртлор 3) с черноозерско-томскими древностями АКИО [Кокшаров, 1991б, с. 98, рис. 2, 27; 2006, рис. 3, 8; 2011а, с. 180]. Правда, А.Д. Дегтярева и С.В. Кузьминых придерживаются иного мнения. Они видят в нем импорт «из петровской среды» [2011, с. 44], отмечая в металле отсутствие примеси As, что указывало бы на его абашево-синташтинское происхождение [Там же, с. 39]. Подобный подход означает удревнение находки, что, по замыслу авторов, вполне соответствовало бы синхронизации петровских и СТ комплексов в рамках ПБВ-1. О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов высказываются более осторожно. По их мнению, нож вызывает петровские/раннеалакульские ассоциации [2011б, с. 84]. Совершенно очевидно, что все авторы стремятся архаизировать предмет, выводя его из числа параллелей алакульским и федоровским ножам, хотя указывают на попытки синхронизации СТ металла и андроновских древностей другими исследователями [Там же, с. 63].

Действительно, наиболее полные соответствия ножу разряда НК-16 (по широкой пятке, оформлению перекрестия, конфигурации клинка, расширяющегося в нижней трети, четким ребрам с обеих сторон лезвия, придававшим клинку ромбическое сечение) известны в более поздних комплексах (рис. 2). В числе последних ножи из погребения 3 алакульского кургана 18 могильника Субботино [Потемкина, 1973, с. 56, рис. 4, 2; 1985, с. 242, 249, рис. 101, 1], алакульского погребения 7 Царева кургана [Сальников, 1967, рис. 51, 11], погребения 131 Черноозерского I могильника [Генинг, Стефанова, 1994, с. 55, рис. 21, 1], поселения Аркаим [Зданович, Батанина, 2007, рис. 3, 3]. Правда, в последнем случае не указана привязка предмета к культурному слою (синташтинскому или алакульскому). Очень близок сатыгинскому нож с Шайтанского озера II, правда, его раскованный черешок не столь широкий [Кузьминых, Стефанов, 2012, рис. 2, 9].

Специалисты относят ножи с перекрестьем и перехватом к евразийскому компоненту металла, подчеркивая, что они встречаются на большом числе памятников и культур ЕАМП, но составляют меньшую часть находок в составе СТ комплексов [Черных, Кузьминых, 1987, с. 98, 99]. По наблюдениям Е.Е. Кузьминой, петровские изделия образуют раннюю группу евразийских степных ножей с выделенным перекрестием, предшествуя типологически алакульским [2008, с. 104]. Ножи с широкой пяткой, напоминающие сатыгинский, отнесены ею ко II типу и особенно характерны для андроновской культуры (алакульские и кожумбердынские объекты) [Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 35, 37, рис. 10; Кузьмина, 1994, рис. 29]. Незначительное «грибовидное» расширение насады, указывающее, казалось бы, на ранний возраст предмета, оформлено не литьем, а ковкой. Механическая же деформация черешка могла произойти когда угодно — как в мастерской литейщика, так и после, когда орудие попало на север, поэтому было бы неосмотрительно рассматривать данный признак в качестве определяющего хрономаркера.

В параграфе, посвященном анализу каменного инвентаря, хотел бы обратить внимание на один из поспешных выводов Л.Л. Косинской, касающийся чужеродности кремневого комплекса могильника в бассейне Конды. Она опирается на собственные наблюдения, указывая, что «уже в неолите местные культуры почти полностью утрачивают технику призматического расщепления и формируют традицию кварцево-сланцевых индустрий, существовавшую до эпохи железа» [2011, с. 50].

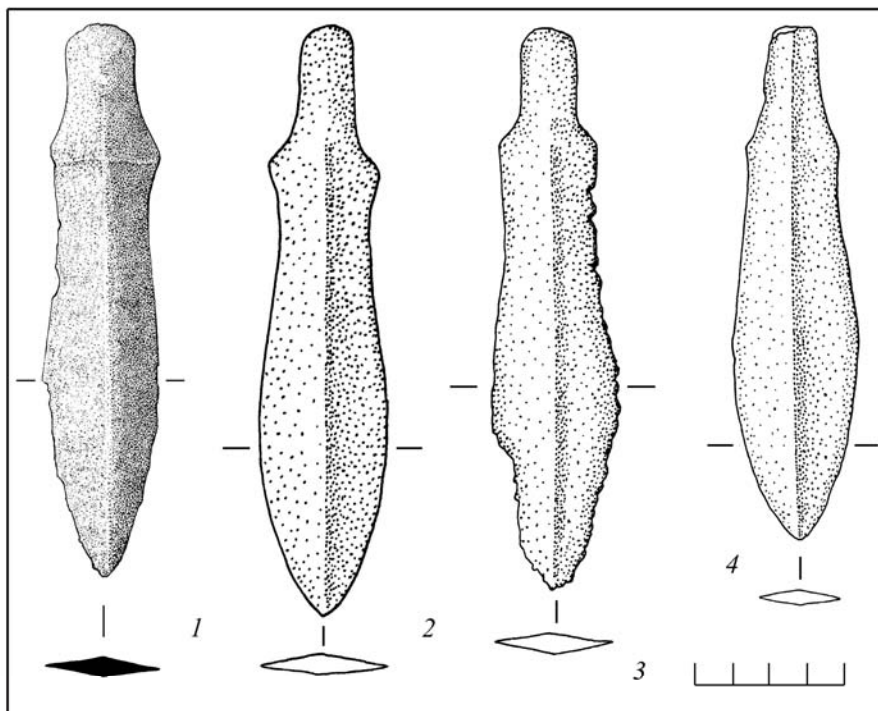

Рис. 2. Ножи с намечающимся перекрестием с памятников Западной Сибири:

1 — погребение 3 могильника Сатыга XVI; 2 — алакульское погребение 7 Царева Кургана. По К.В. Сальникову [1967, рис. 51, 11]; 3 — погребение 3 алакульского кургана 18 могильника Субботино. По Т.М. Потемкиной [1985, с. 242, 249, рис. 101, 1]; 4 — погребение 131 Чернозерского I могильника. По В.Ф. Генингу и Н.К. Стефановой [1994, с. 55, рис. 21, 1]

Дело в том, что на севере Западной Сибири, и на Конде в частности, известны археологические памятники, в слоях которых обнаружены скребки, пластины, наконечники стрел и отходы их производства из светлых пород кремня (Вар-бор I, Леуши I, IV, Геологическое VII на Конде, Пяку-то I в Надым-Пуровском междуречье). По мнению А.А. Погодина, в результате обменов на север региона могло поступать не исходное сырье (например, розовый кремень), а готовые изделия и сколы-заготовки [Сергеев, Погодин, 2008, с. 192]. Наконец, в одной из работ Л.Л. Косинская указала на местное происхождение кремневого сырья светлых оттенков, орудия из которого найдены на поселении Пяку-то I [2010, с. 58]. Таким образом, вопрос о СТ принадлежности кремневых наконечников и пластин, найденных на Сатыге, следует признать открытым.

Керамическая коллекция обстоятельно разобрана В.И. Стефановым. Он приводит детальное описание находок, вплоть до характеристики отдельных емкостей, например банки из разрушенного полымьятского погребения (см. выше). Можно согласиться с выделением двух морфологических групп посуды — стандартных и индивидуальных форм, но, как отмечалось выше, я не вижу никаких оснований для объединения в одном комплексе разновременной, на мой взгляд, керамики полымьятского и варпаульского типов.

Естественное возражение вызывает также вывод о функциональном назначении варпаульской керамики. По О.Н. Корочковой и В.И. Стефанову, с памятника получена «замечательная» серия погребальной посуды (55 экз.), из которой более десятка развалов происходят из межмогильного пространства [Корочкова, Стефанов, 2011а, с. 21, 26; Стефанов, 2011, с. 51]. Предложение связать внемогильные сосуды с поминальными церемониями вполне резонно, но оно порождает естественный вопрос: насколько правомерно включать поминальную керамику в сопроводительный инвентарь? К сожалению, у нас нет соответствующих данных из сибирской этнографии, и можно лишь предполагать, что вряд ли для поминальных целей изготавливались какие-то особые емкости. Не исключено, что родственники усопших, посещавшие кладбище через какое-то время, приносили и оставляли здесь обычную кухонную или поселенческую посуду. Это замечание представляется важным, поскольку керамика некрополя рассматривается в качестве единого культурно-хронологического комплекса [Стефанов, 2011, с. 54], из чего сле-

дует, что отсутствуют принципиальные различия погребальной и поминальной (или поселенческой?) посуды. Это делает беспредметными все последующие рассуждения авторов о различиях керамики из захоронений и жилищ [Там же, с. 54, 56; Корочкова, Стефанов, 2011б, с. 85].

В.И. Стефанов указывает на близость позднебронзовой посуды могильника Сатыга «по многим признакам с керамикой раннебронзовых культур таежных и лесостепных областей Западной Сибири», отмечая, что она не лишена своеобразия [2011, с. 54]. Примечательна еще одна констатация: «параллели сатыгинскому керамическому комплексу в массиве таежных древностей ранней поры бронзового века представляются нам более основательными, нежели в памятниках лесостепных культур» [Там же, с. 56]. В приведенном перечне фигурируют кротовские, елунинские, степановские, ташковские комплексы, материалы могильников Ростовка и Товкуртлор 3, которые в пятой главе определяются уже как *позднебронзовые* (выделено мною. — С. К.), принадлежащие к блоку культур восточной зоны Евразийской металлургической провинции [Корочкова, Стефанов, 2011б, с. 66]. Несогласованный текст озадачивает: либо за ним кроются разногласия авторов по данному вопросу, либо он не вычитан.

Параллели, приводимые В.И. Стефановым, демонстрируют очевидную избирательность ведущихся поисков, поскольку им оставлена без внимания обобщающая работа М.Ф. Косарева, в которой автор приходит к выводу о сходстве варпаульской посуды с ненарядной федоровской и правомерности синхронизации памятников с керамикой варпаульского типа (основной комплекс могильника Сатыга XVI, Сайгатино VI) с черноозерско-томскими объектами федоровской культуры [1993, с. 97–98]. В.И. Стефанов, напротив, рассматривает андроновские параллели как дальние аналогии сатыгинским, поскольку могильник Черноозерье I, по концепции СТ феномена, должен датироваться постсейминским временем [2011, с. 55–56].

Конечно же, В.И. Стефанов не прошел мимо раскопанного мною культового комплекса Сайгатино VI, «керамика которого принципиально близка сатыгинской» и сопоставима с нею «по основным морфологическим и декоративным признакам» [Там же, с. 55]. Однако в определении возраста Сайгатино VI облик посуды неожиданно игнорируется, поскольку она объявляется «малополезным источником» [Корочкова, Стефанов, 2011б, с. 74].

Подобное отношение к находкам может показаться странным, но оно как раз не удивляет. Литейные формы кельтов из Сайгатино VI отнесены Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых к СК серии², которая, согласно концепции СТ феномена, должна рассматриваться производной от СТ металла и относиться к постсейминскому времени. Иными словами, О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов, вновь принимающие на веру интерпретации коллег, а не имеющиеся археологические факты, исключает параллельное существование СТ и СК бронз. «При таком подходе тема сейминско-турбинских проникновений или миграций переходит в разряд неактуальных» [Там же, с. 61].

Прекрасно осознавая уязвимость выстраиваемых обоснований, екатеринбуржцы вынуждены все же признать, что Сатыга XVI и Сайгатино VI разделены незначительным временным интервалом [Там же, с. 76, 85]. Действительно, если отвлечься от облика литейных форм кельтов с обоих памятников (своеобразие матриц может быть объяснено не только хронологическими, но и локальными особенностями сравниваемых позднебронзовых памятников³), на их синхронность указывает не только сходная керамическая посуда, но и сопутствующие ей костяные пластинки с отверстиями [Кокшаров, Чемякин, 1991, с. 49, рис. 3, 5; Кокшаров, 2006, с. 52–53, рис. 3, 9, 10].

К сказанному добавлю, что об одновременности объектов с варпаульской керамикой севера Западной Сибири и памятников черноозерско-томского варианта АКЮ может свидетельствовать нож с перекрестьем и перехватом из погребения 3 Сатыги XVI [Кокшаров, 2011а, с. 180], а также матрица из Сайгатино VI для отливки ажурной подвески в виде «человека в круге» [Кокшаров, Чемякин, 1991, с. 47, рис. 4, 2, 2а–в]. Последние представляют один из атрибутов памятников черноозерско-томского варианта АКЮ (Черноозерье I, мог. Боровлянка XVII) [Стефанов, 2004, с. 114, рис. 1, 1, 2; Погодин и др., 2008, с. 202, рис. 1, 2, 3; 2, 1, 2; 4, 4; 5, 3, 4].

В заключительной главе вклад каждого из исследователей хорошо виден по стилю изложения: некатегоричные и взвешенные рассуждения В.И. Стефанова перемежаются с эмоциональ-

² В работе Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых культовый комплекс Сайгатино VI фигурирует под названием Остяцкий Живец VI [1989, с. 145, 148, 152, рис. 75, 1–1а, 1б, 1в, 2].

³ Локальные особенности металла Сайгатино VI, представленного обломками 1–2 втульчатых предметов, отражает его химический состав. В нем отмечено повышенное содержание Sn (7,6 и 8,4 %) и сопутствующего ему Pb (0,45 и 0,13 %) и, напротив, незначительная концентрация As (0,016 и 0,025 %).

ными пассажирами О.Н. Корочкивой. Они попытались рассмотреть материалы могильника на фоне памятников и культур бронзового века Западной Сибири через призму СТ миграций.

Исходные установки соавторов отражают следующие цитаты: «...оснований для существенного пересмотра культурологической модели сейминско-турбинского феномена... мы не находим» [Корочкива, Стефанов, 2011б, с. 77] или «за последние годы не появилось никаких фактов, противоречащих гипотезе Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, о стремительном характере пространственных перемещений СТ-племен и непродолжительности сейминско-турбинского транскультурного феномена». Правда, здесь же отмечается, что доказать эту гипотезу сложно [Там же, с. 78]. Складывается впечатление, что работа по грантам с соответствующей тематикой диктует исследователям ход мыслей, идущий вразрез с имеющимися у них источниками.

В отличие от екатеринбуржцев, Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых демонстрируют большую гибкость формулировок в характеристике СТ феномена. В исторических реконструкциях они позволяют «себе иногда отступить от стиля строгих доказательств, прибегая к свободному изложению гипотез», выражая надежду, что «определенная доля фантазии и вольных ассоциаций... не смутит читателей» [1989, с. 269].

О.Н. Корочкива и В.И. Стефанов справедливо замечают, что концепцию СТ феномена разделяют не все археологи [2011б, с. 77]. Однако приведенный ими список оппонентов носит откровенно выборочный характер. В нем отсутствуют имена авторитетных специалистов, например В.И. Матющенко, М.Ф. Косарева, В.С. Бочкарева, хотя моя фамилия упомянута дважды. Признателен коллегам за пристальное внимание к моим работам и попытаюсь отчасти восполнить возникший пробел.

В 1989 г. одновременно с выходом монографии Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых была опубликована совместная работа В.И. Молодина и И.Г. Глушкова, которые отстаивали диаметрально противоположную позицию. По их мнению, многообразие СТ бронз обусловлено конвергентностью, а вовсе не расселением восточных племен [Молодин, Глушков, 1989, с. 121]. Они констатировали, что в доандроновское время на юге Западной Сибири, хорошо изученном в археологическом отношении, не отмечено следов крупных переселений ни с востока на запад, ни с запада на восток [Там же]. Анализ палеогенетических данных, проведенный спустя десятилетия, подтвердил вывод об отсутствии южного влияния на носителей кротовской культуры и притока нового населения на юг Западной Сибири [Молодин и др., 2011, с. 89].

Сходный взгляд на происхождение СТ металла изложен Г. Парцингером. Он рассматривает транскультурный СТ феномен как искусственную конструкцию, «во всяком случае в его нынешней трактовке», а СТ бронзы — в качестве результата функционирования ведущих металлургических центров того времени [2000, с. 68]. Его мнение получает серьезное обоснование после открытия поселений, связанных с СТ древностями Прикамья.

В данном случае речь идет не об энеолитических гаринско-борских древностях, а о комплексах Заосиново VII, Непряха VII и Партизаны IV, на которых обнаружена керамика, сопоставимая по облику с коптяковской, и кремневые наконечники стрел сейминского типа [Денисов и др., 2011, с. 113]. Они важны тем, что, во-первых, заполняют лакуну между энеолитическими (гаринскими) и позднебронзовыми (луговскими и ерзовскими) памятниками, а во-вторых, образуют единый хронологический пласт вместе с хорошо известными СТ объектами Прикамья (Турбино I, II, Усть-Гайва, Заосиново, Бор-Ленва, Усть-Щугор) [Там же, с. 107, 113]. По существу, речь идет о привязке СТ некрополей к прикамским поселениям и, следовательно, о местных корнях оставившего их населения. Таким образом, выстраивается автохтонная концепция, не оставляющая места для стремительных миграций СТ групп.

По мнению пермских коллег, Заосиново-Непряха-Партизаны образуют единый культурно-хронологический пласт с коптяковскими древностями Урала, который может быть определен как самусьско-сейминский или самусьско-ростовкинский [Там же, с. 115]. Открытие на хорошо изученной территории Прикамья поселений, связанных с СТ могильниками, вселяет надежду на обнаружение на обширных пространствах Обь-Иртышья новых объектов, связанных с варпальскими комплексами Сайгатино VI, Сатыга XVI и Товкуртлор 3.

Одно из уязвимых мест концепции Е.Н. Черных и его коллег — необеспеченность ¹⁴C-датами СТ комплексов [Черных, 2008, с. 49] и то, что они «фактически никогда не бывают безупречно точными» [Линдафф, 2005, с. 29]. Единственная же дата с могильника Сатыга XVI, приводимая соавторами, не может быть прокомментирована исчерпывающим образом [Епимахов и др.,

2005, с. 99]. С другой стороны, археологические факты и источники, противоречащие концепции, получают самые невероятные интерпретации (например, перекрытие могил 9 и 11 на Сатыге XVI) или объявляются «проблемными» (лунница из медно-серебряного сплава [Корочкова, Стефанов, 2011б, с. 66]⁴). В результате выражаются сомнения в обоснованности типолого-хронологических (или релятивистских, по Е.Н. Черных) схем для отдельных микрорайонов или всего западно-сибирского региона, не укладывающихся в концепцию СТ миграций.

Не удивительно, что О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов уделяют первостепенное внимание критике предложенной мною периодизации древностей эпохи раннего металла Конды, согласно которой могильник Сатыга XVI не самый ранний среди объектов позднего бронзового века и оставлен местной таежной общиной, а не группой воинов-металлургов, вторгшихся с юга. Между тем обоснования датировок археологических памятников энеолита — бронзового века р. Конды базируются на данных стратиграфии, планиграфии, типологических построениях и ¹⁴C-датах, что отражено в серии публикаций и статей [Кокшаров, 1991б; 1993, с. 8–20; 2006, с. 44–53; 2009, с. 241, 251; 2011а, с. 178–181; 2011б, с. 81–88; 2011в, с. 126–130; 2012а, с. 29–39; 2012б, с. 134–136].

Неприятие разработанных релятивистских шкал и подбор источников, необходимых для обоснования модели СТ феномена, приводят О.Н. Корочкову и В.И. Стефанова к неутешительным выводам. Допуская параллельное существование елунинских, абашево-синташтинских, поздних полымьятских поселений Пашкин Бор I и Волвонча I с варпаульским могильником Сатыга XVI [Корочкова, Стефанов, 2011б, с. 66, 72–73], они перенасыщают культурами и памятниками ПБВ-1. С другой стороны, вынуждены констатировать досадную лакуну для постсейминского времени, которая проявляется в невозможности идентификации на севере Сибири древностей, синхронных памятникам АКЮ [Там же, с. 82–83]. Авторы сомневаются также в СТ принадлежности большинства захоронений на могильнике Сатыга XVI [Там же, с. 84–85] и приходят к выводу, который напрашивался сам по себе: об отсутствии четкой хронологической грани между СТ и СК древностями [Там же, с. 76, 79; Косарев, 1993, с. 84; Кокшаров, 2006, с. 51–53; Бобров, 2008, с. 290, рис. 1]. Из этого следует, что комплексы ПБВ-1 и ПБВ-3 [Черных и др., 1990] должны хронологически смыкаться⁵. Если это действительно так, то следовало бы пояснить: остается или нет место в уплотнившемся интервале для древностей ПБВ-2 и как его конкретизировать.

Явный дрейф наблюдается во взглядах О.Н. Корочковой и В.И. Стефанова и по хронологии абашева. Ранее они констатировали, что данная проблема не решена [Стефанов, Корочкова, 2000, с. 82], а в монографии «Сатыга...» уже не возражают против гипотезы Е.Н. Черных о синхронном существовании СТ популяций и абашево-синташтинской общности в ее петровском варианте [Черных, 2009, с. 278; Корочкова, Стефанов, 2011б, с. 72]. Следует заметить, что дискуссия о времени бытования абашевских и синташтинских памятников до сих пор не завершена [Халяпин, 2010, с. 107–108; Виноградов, 2011, с. 22–23; Кокшаров, 2012б, с. 135–136], как, впрочем, и нет единства по вопросу приоритета СТ памятников по отношению к петровским [Ткачев, 2007, с. 334–335; Виноградов, 2005, с. 131; 2011, с. 142].

Несмотря на уверения О.Н. Корочковой и В.И. Стефанова в неизменности культурологической модели феномена, она все же претерпела определенную трансформацию даже в трудах Е.Н. Черных. Он внес западно-сибирские могильники Сатыга и Ростовка в список исключений, противопоставив им СТ квазимогильники или святилища-мемориалы (Турбино, Сейма) [2009, с. 265, 277, 584]. Новая гипотеза исследователя о культовом характере памятников интересна и, на мой взгляд, весьма продуктивна, поскольку снимает часть неопределенностей, возникающих вокруг СТ древностей. Она, безусловно, приемлема, но нуждается в корректировке с учетом имеющихся этнографических данных. Последние же свидетельствуют о долговременности функционирования некоторых святилищных комплексов, где встречаются вещи различных эпох, культур и этносов [Кокшаров, 2012а, с. 33; 2012б, с. 133–134]. Факты из этнографии активно ослабляют доказательную базу Е.Н. Черных и его коллег, усиливая одновременно по-

⁴ Подвеска-лунница из Cu+Ag сплава из раннеполымьятского жилища поселения Геологическое III, детали ее местонахождения, предполагаемый возраст и происхождение обстоятельно рассмотрены ранее [Кокшаров, 2012а, с. 32–35; 2012б, с. 131–136].

⁵ О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов замечают, что на коптыковском памятнике Шайтанское озеро II удивительным образом сочетаются изделия СТ, СК и евразийского типов, т.е. древности ПБВ-1 и ПБВ-3 [2011б, с. 75].

зиции оппонентов, которые рассматривают СТ коллекции в качестве собраний разновременных и инокультурных древностей.

Другой уязвимый тезис сторонников СТ феномена касается признания за мигрантами⁶ вклада в распространение навыков металлообработки и первого металла среди таежного населения Западной Сибири (с. 61) [Кузьминых, 1993, с. 119; Черных, Кузьминых, 1987, с. 102, 104–105; 1989, с. 272, 276]. Слабо представляя археологические материалы р. Конды, О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов выносят на обсуждение давно решенный вопрос: в каком окружении оказались гипотетические СТ пришельцы — среди населения энеолитической поры или бронзового века [2011б, с. 61].

Стратиграфические наблюдения, остатки литейного производства, изделия из металла, его состав, керамика и сопутствующие ей находки, а также ¹⁴С-даты свидетельствуют, что становление собственной металлообработки в таежной зоне Западной Сибири произошло в бронзовом веке, а точнее, в досейминское время. В бассейне р. Конды это событие связано с распространением ранних полымьятских поселений [Кокшаров, 1991б, с. 95, рис. 1, 36, 39–42, 45–47; 1993, с. 10, 15, 17; 1999, с. 64; 2006, с. 48–51, рис. 2, 16, 17, 24, 25, 44, 45, 47, 48, 52, 53; 2011б, с. 86–88; 2011в, с. 122–130, рис. 2, 3; 2012б, с. 131–138, рис. 1, 1; Кокшаров, Погодин, 2005, с. 109, 112]. Металлические предметы с этих памятников и состав примесей в металле могут свидетельствовать об их абашевском и гаринско-борском происхождении [Кокшаров, 2012а, с. 35–37, 39, рис. 2, 1; 2012б, с. 131–138, рис. 1, 1]. Металл и облик продукции, восстанавливаемой по литейным формам, дают основания для синхронизации кондинских древностей с поздней фазой ЦМП.

Авторы заключительной главы «Сатыги...» предлагают не ограничиваться ЦМП и расширить поиск аналогий вглубь и вширь, например до энеолита и зоны БКМП, усомнившись в правомерности выстраиваемых мною параллелей с территориально и хронологически близкими полтавкинскими и катакомбными древностями [Корочкова, Стефанов, 2011б, с. 67]. Вместе с тем они упускают из внимания (или не придают значения?!) важные замечания специалистов по поводу сатыгинского металла. Он обнаруживает близость по некоторым традициям и навыкам с коллекциями ямных памятников Приуралья, где получили широкое распространение медные отливки в формах в сочетании с кузнечной доработкой рабочей части при средних степенях обжатия [Дегтярева, Кузьминых, 2011, с. 44]. Этот факт указывает на сохранение некоторых архаичных технологий в позднем бронзовом веке.

Позиция, занимаемая О.Н. Корочковой и В.И. Стефановым по поводу влияния СТ популяций на становление таежной металлообработки, противоречит не только имеющимся археологическим данным, но и выводам археологов, изучающим древнее металлопроизводство. Владея значительным корпусом источников, они подчеркивают, что собственная металлургия и металлообработка была известна лесным обитателям Восточной Европы и Урала уже в IV тыс. до н.э. т.е. задолго до начала функционирования металлургических и металлообрабатывающих очагов Евразийской металлургической провинции и соответственно памятников СТ облика [Черных и др., 2011, с. 35]. В частности, указывается на значительную роль новоильинских и гаринских⁷ производственных центров Камского региона в становлении энеолитической металлургии и металлообработки в горно-лесной зоне Урала и к востоку от него [Кузьминых, Дегтярева, 2006б, с. 212].

О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов сознательно не акцентируют внимания на памятниках, связанных с металлообработкой досейминского времени. Это производственная площадка на раннем полымьятском поселении Лева VIII (бассейн р. Конды), обнаруженная еще в 1980-х гг., и мастерская на Ендырском VIII поселении (Нижняя Обь) [Визгалов, 1986, с. 17–18, 29, 31; Кокшаров, 2011в, с. 122–130; Кокшаров, Погодин, 2005, с. 100–112]. Между тем становление собственного литейного производства на севере Западной Сибири объясняет причины широкого распространения более совершенных приемов металлообработки в позднем бронзовом веке с последующим выделением в обществах рыболовов и охотников мастеров-литейщиков [Кокша-

⁶ О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов предусмотрительно избегают обсуждения такой сложной проблемы, как статус предполагаемых СТ мигрантов, а Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых определяют их крайне аморфно: племена, племенные группы, группировки, объединения, скотоводы-коневоды, всадники, народ воинов-металлургов и др., с социально доминирующими кланами металлургов и коневодов.

⁷ Что касается возраста гаринско-борских древностей, то они датируются в широком хронологическом диапазоне, о чем свидетельствует серия ¹⁴С-дат: 4000–1100 (68,2 %) и 4400–1000 (92,4 %) гг. до н.э. [Черных и др., 2011, с. 34, рис. 6].

ров, 1992, с. 14]. Сходные социальные изменения коснулись и структуры общин Среднего Прииртышья и Барабинской лесостепи, оставивших Сопку-2 и Ростовку [Молодин, 1983, с. 96, 104, 109; Матющенко, Синицына, 1988, с. 10, 30–31; Кокшаров, 2006, с. 52]. Однако упомянутые авторы настойчиво отказывают носителям северных и южных западно-сибирских культур бронзового века в праве иметь погребения литейщиков, связывая последние исключительно с мигрирующими СТ популяциями [Корочкова, Стефанов, 2011а, с. 28]. «Отвергая или принижая фактор миграций, не удастся найти удовлетворительного объяснения появлению Сатыги XVI и ее сходству с Ростовкой, Турбино, Сеймой и другими СТ-памятниками» [Корочкова, Стефанов, 2011б, с. 77]. Они даже не допускают мысли, что в погребальном обряде культур бронзового века могла учитываться профессиональная специализация умерших [Бочкарев, 2010, с. 211].

Для прояснения мотивов и способов стремительных перемещений СТ групп в позднем бронзовом веке и придания большей убедительности историческим реконструкциям, положенным в основу культурологической модели СТ феномена, Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых обращаются к конкретным историческим событиям и этнографическим параллелям [1987, с. 105; 1989, с. 276]. Часть из подобранных примеров, безусловно, показательны, но они убеждают далеко не всех археологов [Грушин и др., 2009, с. 25]. Даже С.А. Григорьев, позиционирующий себя сторонником СТ передвижений, указывает на уязвимость концепции: «какие-либо иные археологические и исторические аналоги ему (СТ феномену. — С. К.) отсутствуют» [1999, с. 191].

Авторы рецензируемой книги, связывающие сатыгинский могильник с СТ пришельцами, безусловно поспешили, поскольку не учли важные нюансы средневековой истории р. Конды.

Факты красноречиво свидетельствуют о бесперспективности стремительных военных вторжений в этот таежный район. Разгром непримиримого Кондинского княжества, закончившийся взятием столицы — городка Картауж, пленением князя Агая и его семьи, произошел после серьезных подготовительных мероприятий, предпринятых Московским государством после похода Ермака. Прежде всего в Зауралье были отстроены такие форпосты, как Лозьвинский городок (1588 г.) и город Березов (1593 г.), где удалось сконцентрировать необходимые военные силы. Однако этих мер и даже наличия огнестрельного оружия у служилых людей и казаков было явно недостаточно, так как противник мог легко скрыться в тайге и, перегруппировавшись, нанести ответный удар, сведя на нет достигнутые успехи. По этому сценарию на территории Югры гибла не одна новгородская дружина (походы воевод Ядрея в 1193 г. и В. Шенкурского с М. Яковлем в 1446 г.).

Залогом успеха русского рейда против Кондинского княжества, состоявшегося в 1593–1594 гг., стало участие третьей стороны в лице Игичея Алачева — правителя нижнеобского княжества Кода и его воинов (служилых людей). Кодичи не только помогали русским в строительстве г. Березова, но и подавляли мятежи, поднятые другими сибирскими аборигенами. Князь Игичей и его люди хорошо знали территорию давнего соперника, а также прекрасно владели опытом ведения боевых действий в условиях тайги.

Однако покорение Конды в конце XVI в. было номинальным событием, так как территория оставалась фактически недоступной для русского влияния весь XVII и первую четверть XVIII в., о чем говорилось выше, в связи с выяснением этимологии термина «Сатыга». Местное население по-прежнему признавало власть потомков князя Агая, которые собирали здесь ясак и вели монопольную торговлю [Бахрушин, 1935, с. 82–83].

Приведенные сведения вызывают очень большие сомнения в реальности вторжения на Конду небольших СТ популяций [Кокшаров, 2011в, с. 83]. Маловероятно, что мигрантов (конечно, если таковые были), заинтересованных в источниках металла, могла привлечь Кондинская низменность. Во-первых, здесь отсутствуют рудопроявления меди. Во-вторых, река и ее притоки берут начало в непроходимых западно-сибирских лесах и болотах, но никак не на восточных склонах Урала. Говоря иначе, неверно рассматривать Конду в качестве наикратчайшей водной магистрали, выводящей к уральским медным месторождениям. Это, скорее, таежный лабиринт, в котором посторонний мог легко заблудиться и пропасть: летом быть заживо съеденным гнусом, а зимой замерзнуть от лютой стужи. Наконец, ограниченный обзор в лесу не позволил бы небольшой группе чужаков миновать устроенную засаду и вернуться от пущенных оттуда стрел.

В заключение отмечу, что опубликованные материалы представляют ценный источник, который будет востребован сторонниками СТ миграций и их оппонентами. Однако было бы неверно разделять дискутирующие стороны на непримиримых «миграционистов» и «автохтонистов». Фактически обе группы придерживаются позиций диффузионизма: если первые связы-

вают распространение металла и технологий его обработки с предполагаемыми расселениями мастеров-литейщиков, то вторые объясняют эти явления системами широтно-меридиональных связей у народов Северной Евразии, которые еще предстоит изучить в полной мере⁸.

Представленная монография наглядно демонстрирует, что даже самые эффективные интерпретации, выстроенные на не выверенных в хронологическом отношении археологических источниках и не учитывающие более поздних исторических сведений, остаются достаточно уязвимыми для критики. Надеюсь, что мои уточнения и замечания сделают изучение книги еще более увлекательным и интересным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1935. 91 с.

Беспрозванный Е.М. Отчет об исследовании мог. Сатыга XVI в Кондинском районе Тюменской области в 1987 г. Свердловск, 1988 // Архив ИА РАН. Р-1, № 12289.

Беспрозванный Е.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Описание исследованных объектов некрополя Сатыга XVI // Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Коллективная монография. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011а. С. 11–20.

Беспрозванный Е.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Предисловие // Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Коллективная монография. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011б. С. 4–7.

Беспрозванный Е.М., Погодин А.А. К вопросу о культовых представлениях мезолитического населения бассейна р. Конды // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во ОАО «Полиграфист», 1998. Вып. 23. С. 48–62.

Бобров В.В. Периодизация эпохи бронзы Кузнецко-Салаирской горной области // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. I. С. 288–290.

Бочкарев В.С. Погребения литейщиков эпохи бронзы (методологический пересмотр) // Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы: Сб. статей В.С. Бочкарева. СПб.: Инфо Ол, 2010. С. 209–211.

Визгалов Г.П. Отчет о раскопках поселений Леуши XIX и Лева VIII в Кондинском районе Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области в 1985 г. Тобольск, 1986 // Архив ИА РАН. Р-1, № 15630.

Виноградов Н.Б. Памятники петровского типа в Южном Зауралье и Северном Казахстане: Культурная атрибуция и внутренняя периодизация // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. С. 129–133.

Виноградов Н.Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э.: (Памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск: Абрис, 2011. 175 с.

Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье I — могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья. Препр. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1994. 67 с.

Григорьев С.А. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. Челябинск, 1999. 444 с.

Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 160 с.

Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Результаты аналитического изучения металлических изделий // Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Коллективная монография. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011. С. 37–44.

Денисов В.П., Мельничук А.Ф., Митряков А.Е. Малоизученный хронологический горизонт Заосиново VII — Непряха VII — Партизаны IV эпохи бронзы Среднего Прикамья // Шестые Берсовские чтения: Сб. статей Всерос. археол. науч.-практ. конф. Екатеринбург: КВАДРАТ, 2011. С. 107–116.

Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4. С. 92–102.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим — Страна городов: Пространство, образы (Аркаим: Горизонты исследований). Челябинск: Крокус: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2007. 260 с.

Кокшаров С.Ф. Памятники позднего бронзового века р. Конды // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. Уфа, 1991а. С. 66–69.

Кокшаров С.Ф. Хронология памятников бронзового века р. Конды // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1991б. С. 92–101.

Кокшаров С.Ф. Энеолит и бронзовый век бассейна р. Конды: Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1992 // АКА УрГУ. Ф. III, д. 349.

⁸ К той же мысли склоняются А.И. Кубышев, И.Т. Черняков [1985, с. 39], М.В. Тавризян [2001, с. 82–83] и К.М. Линдафф [2005, с. 28].

С.Ф. Кокшаров

Кокшаров С.Ф. Энеолит и бронзовый век бассейна р. Конды: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 23 с.

Кокшаров С.Ф. Металлообработка на реке Конде в бронзовом веке // 120 лет археологии восточного склона Урала: Первые чтения памяти В.Ф. Генинга: Материалы конф. 29 ноября — 2 декабря 1999 г. Екатеринбург, 1999. Ч. 2. С. 64–65.

Кокшаров С.Ф. Север Западной Сибири в эпоху раннего металла // Археологическое наследие Югры: Пленарный доклад II Сев. археол. конгр. 24–30 сентября 2006 г., Ханты-Мансийск. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. С. 41–67.

Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург: Волот, 2009. 272 с.

Кокшаров С.Ф. Использование шаблона в керамическом производстве (по материалам бронзового века Урала и Севера Сибири) // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2011а. Т. 10, вып 5: Археология и этнография. С. 175–182.

Кокшаров С.Ф. Керамика полымьятского типа поселения Геологическое III (материалы раскопа IV) // Шестые Берсовские чтения: Материалы: Сб. статей Всерос. археол. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2011б. С. 75–90.

Кокшаров С.Ф. Металлообрабатывающий комплекс досейминского времени со Средней Конды // Урал. ист. вестн. 2011в. № 1 (30). С. 122–130.

Кокшаров С.Ф. Первый металл Конды // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012а. № 4 (19). С. 27–42.

Кокшаров С.Ф. Подвеска-лунница с верховьев Конды: (К проблеме трансуральских связей начала бронзового века) // Урал. ист. вестн. 2012б. № 3 (36). С. 131–138.

Кокшаров С.Ф., Погодин А.А. Мастерская бронзового века на р. Ендырь // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 2 (22). С. 100–113.

Кокшаров С.Ф., Чемякин Ю.П. Памятник бронзового века в окрестностях д. Сайгатино // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: Изд-во ОмГУ, 1991. С. 43–52.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Погребальный обряд // Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Коллективная монография. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011а. С. 21–29.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Сатыга XVI в системе культур эпохи бронзы Зауралья и Западной Сибири // Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Коллективная монография. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011б. С. 60–85.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Погодин А.А. Раскопки сейминско-турбинского могильника в Западной Сибири // АО 2001. М.: ИА РАН, 2002. С. 428–430.

Косарев М.Ф. Из древней истории Западной Сибири: Общая историко-культурная концепция // Рос. этнограф. М., 1993. Вып. 4. 283 с.

Косинская Л.Л. Энеолит и эпоха бронзы // История Ямала: В 2 т. Т. I: Ямал традиционный. Кн. 1: Древние культуры и коренные народы. Екатеринбург: Баско, 2010. С. 47–60.

Косинская Л.Л. Каменный инвентарь // Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Коллективная монография. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011. С. 44–51.

Кубышев А.И., Черняков И.Т. К проблеме существования весовой системы у племен бронзового века степей Восточной Европы (на материалах погребения литейщика катакомбной культуры) // СА. 1985. № 1. С. 39–54.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоари? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: ВИНТИ РАН, 1994. 464 с.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: ПринтА, 2008. 358 с.

Кузьминых С.В. Евразийская металлургическая провинция и цветная металлообработка раннего железного века: Проблема соотношения // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тез. докл. XII Урал. археол. совещ. 19–22 апреля 1993 г. Екатеринбург, 1993. С. 119–122.

Кузьминых С.В. Литейные формы // Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Коллективная монография. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011а. С. 30–32.

Кузьминых С.В. Металлические изделия // Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Коллективная монография. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011б. С. 32–37.

Кузьминых С.В. Сейминско-турбинская проблема: Новые материалы // КСИА. 2011в. Вып. 225. С. 240–263.

Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д. Поздний бронзовый век // Археология: Учеб. М.: Изд-во МГУ, 2006а. С. 219–270.

Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д. Эпоха раннего металла вне пределов Циркумпонтийской металлургической провинции // Археология: Учеб. / Под ред. акад. В.Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 2006б. С. 205–219.

Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Втульчатые чеканы эпохи бронзы: Истоки многовековой традиции // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого: К 80-летию С.В. Студзицкой и М.Ф. Косарева. Томск: Аграф-Пресс, 2012. С. 143–148.

Факты, комментарии, интерпретации...

Линдафф К.М. Как далеко на восток распространялась Евразийская металлургическая традиция? // РА. 2005. № 4. С. 25–35.

Матющенко В.И., Сеницына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во ТГУ, 1988. 136 с.

Молодин В.И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1983. С. 96–109.

Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск: Наука, 1989. 168 с.

Молодин В.И., Пилипенко А.С., Чикишева Т.А. и др., К вопросу о связях населения территории современного Казахстана и Барабинской лесостепи в эпоху бронзы (по материалам археологии, антропологии и палеогенетики) // Маргулановские чтения-2011: Материалы междунар. археол. конф. Астана, 20–22 апреля 2011 г. Астана, 2011. С. 88–92.

Парцингер Г. Сейминско-турбинский феномен и формирование сибирского звериного стиля // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 66–75.

Погодин Л.И., Полеводов А.В., Труфанов А.А. Бронзовая антропоморфная пластика могильника Боровлянка XVII // Барсова Гора: Древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. С. 195–205.

Потемкина Т.М. К вопросу о соотношении федоровских и алакульских комплексов // Из истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1973. Вып. 7. С. 53–64.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Приобья. М.: Наука, 1985. 376 с.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.

Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Коллективная монография. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011. 192 с.

Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Бронзовый век Урала: Новые перспективы // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. М., 2008. Т. I. С. 341–346.

Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Шайтанское озеро: Новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (38). 2009. С. 67–77.

Сергеев А.С., Погодин А.А. Культурно-хронологические комплексы поселения Коим 1 // Барсова Гора: Древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. С. 170–194.

Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977. 84 с.

Стефанов В.И. Забытая находка из Черноозерского могильника // РА. 2004. № 4. С. 114–118.

Стефанов В.И. Керамика // Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Коллективная монография. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011. С. 51–56.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Приобья. Екатеринбург: Полиграфист, 2000. 106 с.

Студзицкая С.В., Кузьминых С.В. Галичский «клад»: (К проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии) // Мировоззрение древнего населения Евразии. М.: Старый сад, 2001. С. 123–165.

Тауризян М.В. Сейминско-турбинский феномен как социально-политическое явление // Археология и этнография Среднего Приуралья. Березники: Изд-во ПермГУ, 2001. Вып. 1. С. 77–86.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актоб. обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.

Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историогр. очерки. М.: Знак, 2004. 320 с.

Халяпин М.В. К вопросу о хронологическом соотношении абашевских и синташтинских памятников: (Историографический аспект) // Аркаим — Синташта: Древнее наследие Южного Урала: К 70-летию Г.Б. Здановича. Челябинск: Изд-во Чел. ун-та, 2010. С. 106–111.

Черных Е.Н. Формирование евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: Взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3 (35). С. 36–53.

Черных Е.Н. Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. М.: Рукоп. памятники Древней Руси, 2009. 624 с.

Черных Е.Н., Агапов С.А., Кузьминых С.В. Азиатская зона Евразийской металлургической провинции // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири: Тез. докл. Томск, 1990. С. 34–37.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 84–105. (Археология СССР).

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 320 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металлоносные культуры лесной полосы вне системы Циркумпонтийской провинции: Проблемы радиоуглеродной хронологии IV–III тысячелетий до н.э. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М.: ИИА РАН, 2011. Вып. 2. С. 24–62.

Екатеринбург, ИИА УрО РАН
uniz@mail.ru

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует на своих страницах работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании.

1. Содержание статьи должно соответствовать тематике и рубрикации «Вестника...». Основные разделы журнала — «Археология», «Антропология», «Этнография и этническая история», «Палеоэкология» — включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. Рубрика «Итоги экспедиционных исследований» рассчитана на оперативную публикацию основных, наиболее значительных результатов экспедиций последних лет. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника». Иные материалы могут быть опубликованы в «Вестнике...» только по специальному решению редакционной коллегии. Ограничивать тематику публикуемых работ в территориальном и хронологическом отношении редколлегия в ближайшем будущем не намерена. Однако при прочих равных условиях приоритет будет отдаваться работам, написанным на материалах Тюменского региона, Западной Сибири, Урала и сопредельных областей.

2. Рукопись должна быть представлена в редакцию «Вестника...» в печатном и электронном (на диске) вариантах.

И печатный, и электронный варианты рукописи должны включать:

- а) основной текст статьи (рекомендуется выделять введение, основную часть, обсуждение результатов, заключение);
- б) библиографический список;
- в) иллюстрации и подрисуночные подписи, вставленные в текст после ссылок на рисунки (если рукопись снабжена иллюстрациями);
- г) список сокращений;
- д) аннотацию;
- е) список ключевых слов;
- ж) сведения об авторе (авторах) статей с обязательным указанием ФИО (полностью), места работы, должности, телефона, e-mail.

Непременным условием принятия рукописи к публикации является абсолютная идентичность ее печатного и электронного вариантов. Печатный вариант статьи направлять по адресу: 625003, а/я 2774, ИПОС СО РАН, редколлегия журнала. Статьи, отправленные только на электронный адрес, без дублирования печатного текста по обычной почте, не рассматриваются.

3. Общий объем рукописи (включая основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список) не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Итоги экспедиционных исследований», «Рецензии» и «Хроника». Статья должна содержать не более 5 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л. Рукописи объемом свыше 1 уч.-изд. л. не рассматриваются.

4. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

5. Не допускается:

- производить табуляцию;
- выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);
- форматировать заголовки, текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

6. В качестве иллюстраций к статье могут выступать графические изображения (рисунки, чертежи и т.д.), черно-белые и цветные фотографии (последние будут воспроизведены в черно-белом виде), а также графики, диаграммы. **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.**

Фотографии должны быть контрастными, с хорошо проработанными деталями.

Все прилагаемые к рукописи иллюстрации должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т. д.). На обороте каждой иллюстра-

ции следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. На обратной стороне иллюстраций с неясной ориентацией необходимо уточнить, где находится их верхняя часть, а где — нижняя.

В подрисовочных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подрисовочных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями.

7. Таблицы должны быть представлены без разрывов при переходе с одной страницы на другую. Все таблицы должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовок. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается.

8. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

9. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В этот же список при необходимости включаются под заголовком «Источники» публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих буквенных литер: а, б, в и т.д. **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.**

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Древние культуры..., 1994, с. 115; Зданович, 1984б, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы следует придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

Анисимов А.Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цзвэндорж Д. и др. Многослойная пещерная стоянка Цаган Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 23–36.

Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов и др. Новосибирск: Наука, 1994. 224 с.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. С. 4–11 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Зданович Г.Б. К вопросу об андроновском культурно-историческом единстве // КСИА. 1984а. Вып. 177. С. 29–37.

Зданович Г.Б. Относительная хронология памятников бронзового века Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: БашГУ, 1984б. С. 3–23.

Ковалева В.Т., Варанкин Н.В. Новые памятники на озере Андреевском // АО 1976 г. М.: Наука, 1977. С. 204–205.

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.

Морозов В.М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5278.

Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.

Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. et al. On the origins of extractive metallurgy: new evidence from Europe // Journ. of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787.

10. В аннотации средним объемом 500 печатных знаков необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы. Для облегчения перевода аннотаций на английский язык следует пояснить, от каких географических названий образованы встречающиеся в тексте наименования археологических культур, периодов, типов и т.п., приведя после наименований в скобках соответствующие топонимы в именительном падеже единственного числа. **В конце аннотации необходимо привести ключевые слова.**

11. Плата за публикацию статей аспирантов не взимается.

12. Текст статьи должен быть тщательно выверен и подписан каждым из авторов.

Полное соблюдение правил оформления статей будет способствовать максимально быстрому выходу в свет присылаемых материалов.

Адрес редакции:

625003, Тюмень, а/я 2774, ИПОС СО РАН

Тел. (345-2) 22-93-60; 68-87-68. E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКА — Архив кабинета археологии
АН СССР — Академия наук СССР
АО — Археологические открытия
ВАП — Вопросы археологии Приобья
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВИНИТИ — Всероссийский институт научной и технической информации
ГААК — Государственный архив Алтайского края
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАЯНАО — Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа
ГБУ ГАТО — Государственное бюджетное учреждение Государственный архив Тюменской области
ГИМ — Государственный исторический музей
ГУТО ГАТ — Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
ИА РАН — Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГИ — Институт гуманитарных исследований
ИИА УрО АН СССР (РАН) — Институт истории и археологии УрО АН СССР (РАН)
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН
ИПОС СО РАН — Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИЭ АН СССР — Институт этнографии АН СССР
ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии РАН
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
КУОО ИсаОО — Казенное учреждение Омской области Исторический архив Омской области
ЛОИА АН СССР — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАЭ ИАН — Музей археологии и этнографии Императорской академии наук
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии РАН
МАЭС ТГУ — Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НТГСПА — Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия
ПНИЛ — Проблемная научно-исследовательская лаборатория
ПСЗ РИ — Полное собрание законов Российской империи
РА — Российская археология
РАН — Российская академия наук
РГИА — Российский государственный исторический архив
СА — Советская археология
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии
СО РАН — Сибирское отделение РАН
СЭ — Советская этнография
ТИЭ — Труды Института этнографии
УНХУ РСФСР — Управление народохозяйственного учета РСФСР
УрО АН СССР (РАН) — Уральское отделение АН СССР (РАН)
ХМАО — Ханты-Мансийский автономный округ
ЦАИ — Центр археологических исследований
ЭО — Этнографическое обозрение

Журнал

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 2 (21)

2013

Редактор	Е.М. Зах
Верстка	М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова
Художник	С.А. Иларионова
Перевод на английский	Г.В. Коротаева

ЛР ИД № 03056 от 18.10.2000. Подписано в печать 20.05.2013. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 17,5. Формат 84×108 1/16. Гарнитура «Arial». Тираж 300 экз.
Заказ № 755

Издательство Института проблем освоения Севера СО РАН.
625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Сибирском предприятии «Наука» АИЦ РАН.
630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.